

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

С.В. Векленко,
доктор юридических наук,
профессор, Калининградский
юридический институт МВД России

А. И. Якунин,
Управление МВД России
по Новгородской области

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

FEATURES OF THE SUBJECTIVE ASPECT OF MASS RIOT

В статье исследуются особенности субъективной стороны участия в массовых беспорядках, выражающиеся в мотивах, целях и видах умысла, характерных для данного преступления.

The article examines features of the subjective aspect of participation in mass riots that are expressed in the preamble, the purpose and intent of species typical for the offense.

Субъективная сторона любого преступления характеризуется, прежде всего, виной. Массовые беспорядки — умышленное преступление. Однако в уголовно-правовой литературе отсутствует единство мнений относительно вида умысла при совершении анализируемого преступления. Одни авторы полагают, что умысел может быть только прямым [1—4]. Другие — прямым или косвенным [5—8].

Так, Ю. Н. Демидов пишет: «...При определении ответственности организаторов массовых беспорядков необходимо вменять им в вину все происшедшие в ходе указанных эксцессов преступные действия: погромы, разрушения, поджоги, вооруженное сопротивление власти. Однако очевидно, что организатор беспорядков может и не предвидеть всего массива преступлений, фактически совершаемых толпой. Вместе с тем, сознательно допуская вероятность некоторых подобных последствий, при разработке общего

плана действий участников беспорядков, определении объектов посягательств и т.п., организатор может руководствоваться и косвенным умыслом. В этом случае умысел будет прямым в отношении вида последствий (например, при призыве к совершению погромов, поджогов) и косвенным применительно к масштабам происшедших событий, размерам причиненного ими ущерба» [5. — С. 30]. Другие сторонники рассматриваемой точки зрения — Э. А. Арипов [6. — С. 170] и А. З. Ильясов [7. — С. 85] — приводят такие же аргументы. П. В. Агапов не приводит их вовсе [8. — С. 115].

Мы полагаем, что признавать возможность совершения организации массовых беспорядков с косвенным умыслом нет оснований. Состав данного преступления — формальный. Он будет считаться оконченным с момента совершения действий по организации массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами и

другими действиями, указанными в ч. 1 ст. 212 УК РФ. При этом для квалификации по ч. 1 ст. 212 УК РФ размер последствий, наступивших в результате перечисленных действий, значения не имеет. Организовать массовые беспорядки с косвенным умыслом невозможно. Это противоречит сути деятельности организатора. Общеизвестным является то, что организатор действует только с прямым умыслом. Безусловно, в процессе массовых беспорядков могут совершаться преступления, требующие дополнительной квалификации (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, убийство, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, разбой и др.). Возможно, организатор предвидел возможность их совершения участниками массовых беспорядков и относился к этому безразлично, но будет ли он подлежать ответственности за данные преступления?

Полагаем, что нет. В ч. 5 ст. 35 УК РФ законодатель, закрепляя положение, согласно которому «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 208, 209, 210 и 282.1 настоящего Кодекса, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом», не конкретизирует вид этого умысла. Однако говорить, что организатор массовых беспорядков создает организованную группу или преступное сообщество нет оснований.

Организатор массовых беспорядков организует или руководит преступлением. Эта деятельность может совершаться только с прямым умыслом. Для того, чтобы вменить ему в вину совершенные участниками массовых беспорядков умышленные преступления против личности, собственности, порядка управления, требующие дополнительной квалификации, необходимо установить наличие конкретных действий, направленных на организацию данных преступлений. При этом косвенный умысел организатора исключается.

Таким образом, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 212 УК РФ, может совершаться только с прямым умыслом.

Вопрос о вине участника массовых беспорядков является также дискуссионным. В первую очередь он связан с границами виновности, а следовательно, и ответственности субъекта, действующего в толпе.

Следует отметить, что поведение человека в толпе стало предметом исследований социологов, философов и юристов еще в XIX веке.

Так, С. Сигеле в работе 1892 г. указал, что «несколько человек, задержанных в толпе... не более как потерпевшие кораблекрушение от пси-

хологической бури, которая увлекла обвиняемых без их ведома» [9. — С. 13]. Представителями позитивистской школы уголовного права была выдвинута идея о «полуответственности» лиц, совершивших противоправное деяние, будучи увлеченными толпой [5. — С. 32].

Большинство исследователей социально-психологических особенностей поведения в толпе отмечают его существенную иррациональность, преобладание эмоций.

Так, в социологическом энциклопедическом словаре толпа определена как «бесструктурное скопление людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим элементом внимания. Поведение индивидов в толпе характеризуется усилением внушаемости, подражательности, эмоциональности и социально-психологического заражения» [10].

Психологический подход зарубежных исследователей толпы и массовых беспорядков характеризуется подчеркиванием гомогенности и иррациональности массы людей, оценкой массы как неполноценной. Согласно Г. Лебону, масса безлика и аморфна. В беспорядках проявляется стадное чувство людей, которые впадают в первобытное состояние, опускаясь до уровня животных. В ситуации беспорядка развивается коллективный дух, определяющий подверженность толпы единому воздействию, эмоциональному заражению, и уменьшается ответственность отдельного индивида [11]. З. Фрейд на базе этого учения развил свое обоснование, с позиции психоаналитики: безответственность скоплений людей и их подверженность в ходе массовых беспорядков единым побуждениям основываются на преобладании инстинктивного начала в толпе. Индивидуальное торможение уходит, мрачные деструктивные инстинкты вырываются наружу. В таком порыве инстинкты удовлетворяются свободно, эффективность действий растет, а их осмысленность падает. В ситуации беспорядка массовое сознание складывается в результате идентификации каждого из участников с лидером, коллективным идеалом [12]. К. Ясперс говорил об импульсивности, суггестивности (подверженности внушению), нетерпимости, индивидуальной нерешительности массового человека, о неполноценности многих, неполноценности усредненного [13].

В ходе психологических экспериментов было доказано, что в условиях анонимности массы склонность к насилию растет. Страх перед общественным осуждением пропадает, под маской анонимности возникает намерение дать волю насилию, выходят из строя механизмы торможения и личной ответственности, растраниваются механизмы саморегуляции. Со стороны участников беспорядков анонимность усиливается без-

ликостью толпы, со стороны полицейских — шлемами и защитной одеждой.

Означает ли это, что участники массовых беспорядков должны подлежать «уменьшенной ответственности» либо освобождаться от нее? Полагаем, что нет. «Нельзя не признать, — справедливо пишут А. Багмет, В. Бычков, — что большая часть людей в толпе действительно подвержена внушению и подражанию. Но это не значит, что все присоединившиеся к толпе, привлеченные шумом или заинтригованные речами оратора, начнут бить стекла, переворачивать автомашины, кидать камни в сотрудников милиции. Люди в здравом уме, насытив свое любопытство или подчинившись законным требованиям сотрудников милиции, покинут сборище» [15]. Далее авторы, ссылаясь на работу С. Сигле, приводят интересные результаты сеансов гипноза, в ходе которых было доказано, что «истинно честный человек не будет повиноваться преступным приказанием гипнотизера и точно так же не попадет в тот водоворот эмоций, куда влечет его толпа» [15].

На наш взгляд, следует согласиться с выводом о том, что «в массовых беспорядках, сопровождающихся бесчинствами, участвуют индивидуумы, не случайно вовлеченные в толпу, а психологически готовые к совершению общественно опасных деяний, тем самым полностью подлежащие уголовной ответственности за их совершение» [15].

Дискуссионным является вопрос о видах умышленной вины участников массовых беспорядков. Одни авторы утверждают, что умысел в данном случае может быть только прямым [16, 17], другие допускают возможность не только прямого, но и косвенного умысла [6].

Установление субъективной стороны преступления во многом определяется его объективной стороной [18]. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 212 УК РФ, содержит деяние — участие в массовых беспорядках. То есть, на первый взгляд, данный состав по конструкции формальный. А вопрос о видах умысла в преступлениях с формальным составом, в частности о возможности совершения таких преступлений с косвенным умыслом, является дискуссионным [19—22]. Это объясняется тем, что статья 25 УК РФ позволяет ограничивать прямой и косвенный умысел применительно к материальным составам. В связи с этим, одни авторы считают, что преступления с формальным составом могут совершаться только с прямым умыслом, при этом предмет желания переносит на само деяние: лицо осознавало общественную опасность деяния и желало его совершить [23, 24]. Другие признают возможность совершения таких преступлений с косвенным умыс-

лом, но с учетом внесения существенных изменений в уголовное законодательство [21]. Третьи полагают, что деление умысла на прямой и косвенный в формальных составах невозможно и не имеет практического значения [19, 25].

Первая точка зрения имеет наибольшее распространение, изложена в большинстве комментариев уголовного законодательства, а также находит подтверждение в некоторых Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях с формальным составом.

Так, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 (с изменениями от 17 апреля 2001 г., 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» [26]; п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [27]; п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [28] закреплено, что указанные преступления могут совершаться только с прямым умыслом.

Распространенность анализируемой точки зрения объясняется, на наш взгляд, положением, содержащимся в ч. 1 ст. 25 УК РФ: «Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом». То есть преступление не может быть просто умышленным, оно может быть совершено либо с прямым умыслом, либо с косвенным умыслом. Другими словами, вид умысла необходимо обязательно устанавливать в каждом конкретном случае, в том числе в преступлениях с формальным составом. Представить себе ситуацию, при которой вменяемое лицо, осознавая его общественную опасность, совершает деяние, не желая его совершать, вряд ли возможно. Это является аргументом в пользу точки зрения, согласно которой преступления с формальным составом могут совершаться только с прямым умыслом.

Следует отметить, что участие в массовых беспорядках выражается в совершении альтернативных деяний, указанных в ч. 1 ст. 212 УК РФ, — насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, оказание вооруженного сопротивления представителю власти. В связи с этим конструкция состава

должна определяться из конкретного проявления объективной стороны.

Так, уничтожение имущества предполагает наличие соответствующих последствий. Участник массовых беспорядков, уничтожающий имущество, совершает, на наш взгляд, преступление с материальным составом. Основное различие между косвенным и прямым умыслом проводится по их волевому содержанию, выраженному в отношении к последствиям. В данном случае это отношение может заключаться как в желании (например, лицо при рейдерском захвате с помощью armатуры разбивает компьютеры, приводя их в негодность), так и сознательном допущении или безразличном отношении (лицо бросает гранату в сторону представителей власти, взрывом уничтожается находящееся рядом имущество). Таким образом, применительно к рассматриваемому варианту выражения объективной стороны участия в массовых беспорядках возможен как прямой, так и косвенный умысел.

Насилие как проявление массовых беспорядков также может влечь последствия, начиная от физической боли и заканчивая вредом здоровью средней тяжести. Вина в большинстве случаев выражена в виде прямого умысла. Однако не исключен и косвенный умысел. Бросая камни, бутылки с зажигательной смесью в витрины работающих магазинов, переворачивая машины, в которых находятся люди, например фанаты другой команды, лицо, может, и не желает причинить вред здоровью, но сознательно его допускает.

Поджог и погром по своей сути целенаправленные действия, которые могут быть совершены только с прямым умыслом. Применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, оказание вооруженного сопротивления представителю власти также совершаются с прямым умыслом.

Таким образом, субъективная сторона участия в массовых беспорядках характеризуется виной в форме умысла, вид которого (прямой или косвенный) обуславливается теми деяниями, которые совершает субъект преступления.

Нередки случаи, когда участник массовых беспорядков совершает несколько действий: насилие, погром, поджог и др. Как же в целом охарактеризовать вину в таких случаях, если одни деяния совершаются с прямым, а другие с косвенным умыслом? Если обратиться к судебной практике, то участие в массовых беспорядках в большинстве случаев в целом характеризуется как умышленное преступление, без указания вида умысла. При описании конкретных проявлений массовых беспорядков, как правило, вид умысла также не указывается, но используются следующие формулировки: «осознавая, что совершает противоправное деяние, и желая это-

го...», «осознавая, что совершают противоправные деяния, применили насилие...», «действуя умышленно, совершил...» [29]. Первая из указанных формулировок, на наш взгляд, свидетельствует о прямом умысле, по двум другим определить вид умысла затруднительно.

Представляется, что отсутствие указания на вид умысла по делам об участии в массовых беспорядках в большинстве изученных приговоров обусловлено, во-первых, возможностью сочетания прямого и косвенного умысла при совершении разных деяний, характеризующих массовые беспорядки, во-вторых, тем, что определение вида умысла применительно к данному составу преступления не имеет значения для квалификации.

В обоснование необходимости разграничения двух видов умысла в литературе приводятся два правила квалификации: 1) покушение на преступление возможно только с прямым умыслом; 2) при прямом умысле лицо подлежит ответственности в соответствии с его содержанием и направленностью умысла, а при косвенном — в соответствии с фактически наступившими вредными последствиями [30—32].

Законодательная конструкция участия в массовых беспорядках такова, что покушение на это преступление невозможно, даже в том случае, когда действия, характеризующие массовые беспорядки, предполагают наступление последствий (например, насилие). Действительно, если будет установлено, что лицо желало причинить вред здоровью средней тяжести, а причинило побои, все равно преступление будет считаться оконченным. Если умыслом охватывались более тяжкие последствия, но они не наступили по не зависящим от виновного обстоятельствам, то содеянное будет квалифицироваться как оконченное участие в массовых беспорядках и покушение на преступление, предусмотренное ст. 111 или ст. 105 УК РФ. В данном случае опять же прямой умысел будет иметь значение для квалификации не самих массовых беспорядков, а связанных с ними преступлений.

Итак, участие в массовых беспорядках может быть совершено с прямым или косвенным умыслом, в зависимости от деяний, которые совершает субъект преступления. Однако определение видов умысла для квалификации данного преступления значения не имеет.

Данный вывод подтверждается результатами экспертной оценки. 73% экспертов считают, что участие в массовых беспорядках может быть совершено с прямым или с косвенным умыслом. При этом 85% экспертов, придерживающихся данной точки зрения, отметили отсутствие значения определения вида умысла для квалификации участия в массовых беспорядках.

Итак, имеет место следующая ситуация: буквальное толкование ч. 1 ст. 25 УК РФ обязывает правоприменителя устанавливать вид умысла, но, ввиду отсутствия практического значения определения вида умысла применительно к некоторым составам, это в судебно-следственной практике не делается. Решение этой проблемы видится в изменении редакции ч. 1 ст. 25 УК РФ, однако это выходит за рамки настоящего исследования.

Преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 212 УК РФ, по мнению большинства исследователей, характеризуется прямым умыслом. Высказана и иная точка зрения. Так, А. Соловьев полагает, что «призывающий к активному неподчинению, к массовым беспорядкам и насилию над гражданами действует с косвенным умыслом и лишь сознательно допускает возможность наступления вредных последствий от своих действий. Он может и не желать их наступления или надеется, что "ничего плохого не произойдет", а лишь так выражает свою активную позицию, не заботясь о последствиях» [33].

Данное преступление, по сути, является специальным видом подстрекательства [34]. В литературе имеет место позиция, согласно которой подстрекательство возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом. По мнению Г.С. Злобина и Б.С. Никифорова, «ответственность за подстрекательство должна наступать как в тех, когда подстрекатель желал совершения преступления исполнителем, так и в тех, когда он сознательно допускал, что исполнитель может решиться на совершение определенного умышленного преступления. Последняя ситуация возможна, например, при провокации исполнителя на совершение преступления, когда целью подстрекателя является не достижение преступного результата, входящего в состав, а причинение вреда (уголовная ответственность, потеря морального престижа, ответные действия жертвы) исполнителю» [19. — С. 87].

Нам представляется, что указанная позиция противоречива и спорна. С одной стороны, Г.С. Злобин и Б.С. Никифоров справедливо утверждают, что последствие, к которому следует устанавливать волевой элемент умысла подстрекателя, — это не преступный результат действий исполнителя, входящий в состав преступления, а сами преступные действия исполнителя [19. — С. 86]. С другой стороны, приводят пример, иллюстрирующий отношение именно к последствиям деяния исполнителя [19. — С. 87]. Даже если для подстрекателя безразличны последствия деяния исполнителя, сам факт совершения преступления исполнителем не может быть для подстрекателя безразличным, иначе он не реализует

свои мотивы (привлечь исполнителя к ответственности и другие указанные выше).

Бессмысленными становятся действия подстрекателя, который осознает, что склоняет другое лицо к совершению преступления путем уговоров, подкупа или угрозы и в то же время не желает, чтобы склоняемое им лицо совершило преступление [35].

Призыв — это обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую идею, требование, лозунг [36]. Выражать свою активную позицию можно по-разному. Но если при этом субъект призывает к активным действиям (к активному неподчинению, к массовым беспорядкам и насилию над гражданами), он в своей речи использует глаголы повелительного наклонения (вооружайтесь, собирайтесь, идите, бейте и т.п.). Говорить в данном случае о нежелании действий, к которым осуществляется призыв, вряд ли возможно.

Судебная практика по конкретным уголовным делам подтверждает это. Так, в приговоре по делу Курбанова Д. М. указано: суд приходит к выводу о его «виновности в совершении призыва к насилию над гражданами, поскольку он умышленно, сознавая, что находится в автобусе в составе множества граждан (толпы) и своими словами может побудить собравшихся лиц к активным насильственным действиям по отношению к лицам неславянской внешности, открыто призвал множество граждан ехать к месту жительства работников ООО «Версо-М», выходцев из Средней Азии и Кавказа, для их избиения, т.е. применения насилия. Исследованные судом доказательства по данному факту свидетельствуют о прямом умысле подсудимого на указанные действия» [37].

Учитывая изложенное, мы приходим к выводу, что преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 212 УК РФ, может быть совершено только с прямым умыслом.

Мотив и цель не указаны в качестве признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ. Но, как верно отметили П. С. Дагель и Д. П. Котов, «мотивы и цели преступлений независимо от того, входят они в состав преступления в качестве обязательных признаков или нет, всегда имеют уголовно-правовое значение» [18. — С. 194]. Мотивы и цели могут быть смягчающими или отягчающими наказание обстоятельствами, учитываться при индивидуализации наказания, косвенно указывать на непосредственный объект преступления, тем самым влиять на квалификацию общественно опасного деяния, служить основанием для разграничения преступлений со смежными составами и др.

Следует отметить, что мотивы организаторов, участников и подстрекателей массовых беспорядков могут не совпадать. Так, у организато-

ра это может быть корыстный мотив, а у участников — хулиганские побуждения.

Ю. Н. Демидов, исследовав мотивы организации массовых беспорядков и участия в них, указал следующие (соответственно):

- недовольство социально-экономическими условиями жизни, деятельностью органов власти и управления; национальная неприязнь; политический экстремизм; хулиганские побуждения, чувство мести, зависти, злобы, самосохранения и т.п.

- недовольство низким уровнем жизни, подверженность слухам, недовольство работой органов власти и управления, националистические побуждения, хулиганские мотивы, возможность «показать, проявить себя», угрозы и запугивания участников толпы, корысть (возможно сочетание мотивов) [5. — С. 34, 35].

Анализ приговоров по делам об организации массовых беспорядков позволяет дополнить приведенный выше перечень корыстным мотивом (характерен для случаев массовых беспорядков, сопряженных с мошенничеством (при рейдерских захватах) [38].

Нередко по делам об участии в массовых беспорядках, совершенных в исправительных (воспитательных) колониях, также указывается мотив. Например, в приговоре по делу о массовых беспорядках, произошедших 4 ноября 2007 года в Жигулевской воспитательной колонии, суд определил мотив как «желание ослабить роль администрации колонии в перевоспитании и исправлении осужденных и привить отбывающим наказание осужденным криминальные традиции отбывания наказания, противопоставить себя членам актива колонии, не допустить сотрудничество последних с администрацией учреждения и прекратить существование актива в колонии, изменить режим и условия содержания в воспитательной колонии вопреки установленным Правилам внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы (утвержденным приказом Минюста РФ от 06.10.06 № 311) и установить в колонии правила поведения, отвечающие их личным интересам» [39]. Среди прочих мотивов массовых беспорядков исправительной колонии № 10 в Забайкалье 17 апреля 2011 рассматривается «желание дезорганизовать деятельность администрации учреждения по обеспечению режимных требований, несогласие с ужесточением режима» [40].

Вместе с тем следует отметить, что суды в большинстве случаев исследуют мотив для определения причин и условий совершенного преступления, его общественной опасности, в мотивировочной же части приговора при обосновании назначаемого наказания указывают лишь мотивы, содержащиеся в перечне ч. 1 ст. 63 УК РФ, в частности «по мотивам политической,

идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» — п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Так, в приговоре по делу Д. М. Курбанова, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 212 УК РФ, сказано, что обстоятельством,отягчающим наказание, является совершение преступления по мотивам национальной ненависти [37].

В целом мотивы преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 212 УК РФ, сходны с мотивами организации массовых беспорядков и участия в них.

В некоторых приговорах указывается не только мотив, но и цель совершения преступления. Так, в приговоре по делу Д. И. Рылова, признанного виновным в преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 212 и ч. 1 ст. 318 УК РФ, отражено, что *из личной неприязни к помощнику дежурного ИВС Бессараб А.А. с целью нарушить нормальную деятельность ИВС, поставить под угрозу общественную безопасность* стал призывать находившихся в камере лиц к массовым беспорядкам, а именно: выбить двери камеры, захватить помещение ИВС, расправиться с сотрудниками милиции. Т.е. высказывал угрозу применить к ним насилие [41]. Указание на цель в данном случае, на наш взгляд, позволило определить непосредственные объекты совершенных общественно опасных деяний и в итоге дать верную уголовно-правовую оценку содеянному.

Установление мотивов и целей позволяет ограничивать массовые беспорядки от преступлений со смежными составами. Так, цель свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации является признаком вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ). Именно цель в данном случае является признаком, по которому проводится разграничение указанного преступления и массовых беспорядков [42].

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 3 ст. 212 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Субъективная сторона участия в массовых беспорядках характеризуется виной в форме умысла, вид которого (прямой или косвенный) обуславливается теми деяниями, которые совершает субъект преступления, однако для квалификации определенного вида умысла значения не имеет.

2. Мотивы и цели не указаны законодателем в качестве признаков массовых беспорядков, вместе с тем их установление необходимо, поскольку данные признаки субъективной стороны могут быть

смягчающими или отягчающими наказание обстоятельствами, учитываться при индивидуализации наказания, косвенно указывать на непосредственный объект преступления, тем самым влиять на квалификацию общественно опасного деяния, служить основанием для разграничения преступлений со смежными составами. Среди мотивов массовых беспорядков можно выделить: недовольство социально-экономическими условиями жизни, деятельностью органов власти и управления; мотивы политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, хулиганские побуждения, корыстные побуждения, желание дезорганизовать деятельность учреждений, чувство мести, зависти, злобы, самосохранения и др.

3. Организаторы и участники массовых беспорядков не должны преследовать цель свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации. В противном случае деяние будет квалифицироваться по ст. 279 УК РФ (вооруженный мятеж).

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков А. В. Преступления против общественного порядка, сопряженные с посягательствами на собственность: дис. ... канд юрид. наук. — Саратов, 2009.
2. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. — М., 2006.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. — М., 2010.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. — М., 2010.
5. Демидов Ю.Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 1994.
6. Арипов Э. А. Уголовная ответственность за массовые беспорядки (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 170.
7. Ильясов А. З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков: дис. ... канд. юрид. наук. — Махачкала, 1999. — С. 85.
8. Агапов П.В. Ответственность за массовые беспорядки по Уголовному кодексу РФ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 32.— Тольятти, 2003. — С. 115.
9. Сципион Сигеле Преступная толпа. Опыт коллективной психологии // Преступная толпа. — М., 1999. — С. 13.
10. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. — М., 1998. — С. 370.
11. Lebon G. Psychologie der Massen.— Stuttgart, 1982.
12. Массовые беспорядки глазами криминолога // http://www.ecsocman.edu.ru/data/530/585/1216/4-Gans_ShNAJDER.pdf
13. Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. — Berlin, 1953.
14. Zimbardo P. G. Pscychotogie. Berlin—Heidelberg—New York—Tokio, 1983.
15. Багмет А., Бычков В. Ответственность индивидуума за преступления, совершенные в толпе // Законность.— 2006.— № 11.— С. 24.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Бриллиантова. — М., 2010. — С. 829.
17. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Парог, А.И. Чучаев; отв. ред. А.И. Парог. — М., 2007.
18. Дагель П. С. Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. — Воронеж, 1974. — С. 232.
19. Злобин Г. А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. — М., 1972. — С. 110, 113.
20. Иванов Н. Г. Принцип субъективного вменения и его реализация в УК // Государство и право. — 1999.— № 10. — С. 54.
21. Складов С.В. Вина и мотив преступного поведения. — СПб., 2004. — С. 15.
22. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткуллина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве. — Омск, 2009. — С. 96.
23. Лунев В.В. Субъективное вменение. — М., 2000. — С. 39.
24. Кауфман М.А. Нормативная неопределенность в уголовном законодательстве // Журнал российского права. — 2009. — № 10. — С. 58.
25. Кораблева С.Ю. Место косвенного умысла в российском уголовном праве // Юридическое образование и наука. — 2009. — № 3.
26. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2007. — № 3.
27. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2008. — № 1.
28. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1997. — № 3.
29. Приговор Самарского областного суда от 8 апреля 2010 года // Уголовное дело №02-5/10.
30. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. — М., 2008. — С. 52.

31. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. — СПб., 2007. — С. 68.

32. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. — М., 2008. — С. 76.

33. Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 48.

34. Кубов Р.Х. Совершенствование практики применения норм УК РФ об организационных формах преступной деятельности // Российский следователь. — 2006. — № 4. — С. 16.

35. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — М., 2008.

36. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1989. — С. 543.

37. Приговор Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 29 сентября 2008 г. // Уголовное дело № 1-183/2008.

38. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Бюллетень № 11 2009 года // http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=6042

39. Приговор Самарского областного суда от 8 апреля 2010 года // Уголовное дело №02-5/10.

40. NEWSru.com: Директор ФСИН прибыл в сгоревшую колонию в Забайкалье. 18 апреля 2011 г. 05:56 // http://www.newsru.com/Russia/18apr2011/boss_save.html

41. Приговор Гатчинского городского суда Ленинградской области от 31 января 2008 г. // Уголовное дело №1-18.

42. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. — М., 1999. — С. 47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Векленко Сергей Владимирович. Начальник Калининградского юридического института МВД России. Доктор юридических наук, профессор.

E-mail: veklenkosv@mail.ru

Россия, 236006, Калининград, Московский проспект, 8.

Якунин Анатолий Иванович. Начальник Управления МВД России по Новгородской области. Генерал-майор полиции.

Россия, 173001, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 219

Veklenko Sergei Vladimirovich. Head of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. Doctor of Juridical Sciences, professor.

Work address: Russia, 236006, Kaliningrad, Moscow Avenue, 8.

Iakunin Anatjly Ivanovich. Head of the Novgorod region Headquarter of MVD. Major-General.

Work address: Russia, 173001, Veliki Novgorod, Bolshaia Sankt-Peterburgskaia Str., house 2/9.

Ключевые слова к статье: массовые беспорядки; субъективная сторона; мотив; цель; прямой умысел; косвенный умысел.

Key words: mass riots; subjective aspect; subjective aspect; preamble; purpose; direct intention; indirect intent.

ББК 67.99(2)

Е.Б. Кургузкина,
доктор юридических наук,
филиал ВНИИ МВД России по Черноземью

Р.В. Полянский,
Воронежский государственный
аграрный университет им. К.Д. Глинки

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ И НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

DETERMINATION OF CRIME, CONNECTED WITH AVOIDANCE OF VALUE-ADDED TAX AND PROFIT TAX

Предметом настоящего исследования являются налоговые преступления, совершаемые в форме уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организации. Особое внимание уделяется факторам, детерминирующим указанные виды преступности.

The subject of the paper under review is the tax crimes, committing in form of value-added tax and profit tax avoidance. Special attention is given to factors, determining referred above species of criminality.

Полноценное криминологическое исследование, познание того или иного вида преступности, невозможно без выявления причин и условий, ее порождающих.

Под причинами преступности, связанной с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, мы понимаем объективно существующие явления общественной жизни, порождающие указанные виды преступности, поддерживающие их существование, вызывающие рост или снижение.

Помимо причин преступности, в криминологической науке многими авторами выделяется такая категория, как условия преступности, под которыми понимаются антисоциальные явления, которые не могут сами породить преступность и преступления, но своим наличием способствуют, катализируют формирование и действие причины [10].

В то же время оценка одних явлений в качестве причин, а других в качестве условий носит относительный характер. Конкретное явление в

одних взаимодействиях может играть роль причины, в других — условия [8].

Учитывая данное обстоятельство, описывая причины и условия преступности, связанной с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, мы будем использовать термин детерминанты преступности, понимая под детерминацией преступности объективную зависимость причинной обусловленности ее от других явлений природы и общества [7]. При этом сами детерминанты преступности мы можем определить как свойство социальных процессов и явлений, их взаимообусловленных сочетаний быть двигателем, переменной в формировании и изменениях состояния криминологической обстановки [4].

Принимая во внимание, что преступность, связанная с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, является частью общеналоговой преступности, мы полагаем, что следует разделять как детерминанты, являющиеся общими по отношению ко

всем указанным видам преступности, так и детерминанты, обуславливающие существование видов преступности, связанной с уклонением от уплаты вышеуказанных налогов, которые мы определяем как специфичные детерминанты. Некоторые из них рассматриваются нами в настоящей статье.

Причинный комплекс налоговых преступлений, совершаемых в сфере налогообложения налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль организаций, включает в себя специфические факторы, во многом определяющие характер изучаемых видов преступности. При этом основная роль в детерминации преступности, связанной с уклонением от уплаты вышеуказанных налогов, по нашему глубокому убеждению, принадлежит детерминантам правового характера.

Анализ материалов уголовных дел, изученных нами, позволяет утверждать, что способы, используемые преступниками в целях уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, в подавляющем большинстве случаев основаны на недостатках действующего законодательства.

К таковым, в первую очередь, следует отнести нормы Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3] в его нынешней редакции, в соответствии с которыми организацию можно зарегистрировать по упрощенной схеме в течение пяти дней, просто направив необходимые документы по почте. При этом регистрирующий орган, которым на сегодняшний день является Федеральная налоговая служба России, не наделен законным правом проведения правовой экспертизы документов, представляемых на регистрацию.

Существующий порядок регистрации хозяйствующих субъектов создал не только механизм свободного выбора экономической деятельности юридическими и физическими лицами, но и благоприятные условия для криминальной среды. Ежегодно образуются сотни тысяч организаций на основе ложных сведений об их уставных фондах, юридических адресах, учредителях и владельцах, что позволяет бесконтрольно совершать нелегальные хозяйственные и финансовые операции, укрывать доходы от налогообложения, не возвращать кредиты и т.п. В большинстве случаев предприятие изначально регистрируется так, чтобы потом исчезнуть, не оставив следов: по утерянным паспортам либо на имя граждан, предоставивших мошенникам в пользование свои паспорта за символическую плату, либо с указанием несуществующих адресов [9]. Такие юридические лица получили наименование «фирмы-однодневки».

Существование такого рода «анонимных» коммерческих структур, является одним из основных факторов, губительно действующих на систему отношений, регулирующих исчисление

и уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций.

Роль данного фактора в совершении преступлений, связанных с уклонением от уплаты вышеуказанных налогов, особенно высока.

Не будет преувеличением утверждение, что без использования подставных фирм в различных схемах, направленных на сокрытие объектов налогообложения налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль организаций, криминальный элемент обходиться не может. Формы использования подставных фирм в различных схемах, в том числе и финансовых, крайне разнообразны. Характерной же их общей особенностью является то, что на подобных фирмах обрываются цепочки хозяйственных и финансовых отношений между реально действующими предприятиями, банками, страховыми фирмами, экспортерами и импортерами, торгующими предприятиями, даже при взаиморасчетах за товары с индивидуальными предпринимателями [6].

Использование так называемых «схем» с участием подставных фирм позволяет преступникам, уклоняющимся от уплаты налоговых платежей, искусственно увеличивать затраты по производству и реализации продукции (услуг, результатов работ), а также завышать суммы налога на добавленную стоимость, якобы уплаченные на подставные фирмы.

Схемы сокрытия доходов с использованием «подставных» фирм и фиктивных документов разрабатываются высокопрофессиональными юристами и аудиторами таким образом, чтобы у легально действующих организаций налоговая база была минимальной, в то время как основные долги перед бюджетом «вешались» бы на баланс реально не существующих фирм. Гражданско-правовые отношения оформляются так, чтобы плательщик являлся посредником (комиссионером, поверенным, агентом) с минимальным вознаграждением. Таким образом, ответственность за налоговое преступление перекладывается на несуществующие субъекты, а лица, реально совершившие такую операцию, остаются вне уголовного преследования [5].

Невозможность установления реальных руководителей фирмы является основной причиной возбуждения уголовных дел не в отношении конкретных лиц, а по факту выявления налогового преступления. Как показывает опыт органов внутренних дел России, вероятность результативного расследования подобных уголовных дел и их направления прокурором в суд очень мала, как и возможность возмещения причиненного материального ущерба [5].

Следует отметить, что такого рода действия все чаще используются российскими налогоплательщиками, находящимися на общей системе налогообложения, что в конечном итоге формирует стереотип поведения, выступающий в каче-

стве объективного фактора, детерминирующего совершение преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций.

Установление законодателем различного рода налоговых преференций (льгот) в части налогообложения налогом на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций для отдельных субъектов экономической деятельности способствует уклонению от уплаты указанных налогов, в том числе и преступным путем.

Особенно остро эта проблема проявляется в аспекте уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость при осуществлении российскими налогоплательщиками экспортных операций, поскольку достаточно часто проблема уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость при экспорте порождается проблемой уклонения налогоплательщиков от уплаты данного налога при операциях на внутреннем рынке товаров (работ, услуг).

Дело в том, что согласно принципам построения налога на добавленную стоимость применение вычетов по НДС при экспорте осуществляется в целях избежания двойного налогообложения и обеспечения конкурентоспособности экспортируемых товаров. При этом предполагается, что на всех стадиях создания добавленной стоимости товара соответствующие суммы НДС уплачиваются в бюджет. У государства, теоретически, не должно возникать проблем с реализацией права на вычет по налогу на добавленную стоимость экспортерами. То есть те средства, которые уже были уплачены экспортеру, государство возвращает обратно.

На практике государство не может обеспечить в полном объеме уплату налога на добавленную стоимость в бюджет упомянутыми поставщиками и предшествующими им по технологическим цепочкам поставщиков фирмами. Это связано с тем, что количество участников и сложность структуры экспортных цепочек ничем не ограничены.

Как следствие, среди них могут быть фирмы, имеющие льготы по налогу на добавленную стоимость (равно как и по налогу на прибыль организаций), показывающие прирост недоимки или реструктуризирующие задолженность, либо подставные «фирмы-однодневки», в которые с помощью трансфертного ценообразования переносится налогооблагаемая база, а деньги просто обналичиваются или с помощью вексельных схем переводятся в другие компании [11].

В результате может складываться ситуация, при которой к возмещению из бюджета предъявляются суммы, превышающие объем налога на добавленную стоимость, уплаченный в бюджет на всех стадиях создания экспортируемого товара.

Положения глав 21, 25 Налогового кодекса РФ, устанавливающие льготы в отношении отдельных категорий налогоплательщиков, могут

являться мощным криминогенным фактором, детерминирующим налоговую преступность.

Конечное определение суммы налога на добавленную стоимость по итогам каждого налогового периода происходит путем сложения сумм налогов, исчисляемых по установленным законом ставкам, и уменьшения их на суммы налоговых вычетов.

В свою очередь, налог на прибыль законным путем организация имеет право минимизировать только путем уменьшения своих доходов на обоснованные и документально подтвержденные расходы, направленные на получение дохода.

Таким образом, нормы налогового законодательства, регламентирующие вопросы предоставления вычетов по налогу на добавленную стоимость (ст. 171, 172 НК РФ) и формирования расходов по налогу на прибыль организаций (ст. 252, 253, 256 НК РФ), имеют важное значение при определении налогоплательщиком конечного финансового результата своей деятельности и суммы налога, подлежащего уплате в бюджет.

В то же время их несовершенство позволяет лицам, уклоняющимся от уплаты обязательных платежей в бюджет, совершать преступления в налоговой сфере, придавая своим действиям внешнюю видимость законности в целом, детерминируя преступность, связанную с налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль организаций.

Так, требования законодателя к лицу, пытающемуся получить право на вычет по налогу на добавленную стоимость, то есть уменьшить сумму налога, подлежащего уплате в бюджет, носят, по сути, формальный характер.

Условия для включения суммы налога, полученного от покупателя в состав налоговых вычетов, следующие:

1. Товары (работы, услуги), имущественные права должны быть приобретены для операций, облагаемых налогом на добавленную стоимость.

2. Товары (работы, услуги), имущественные права должны быть оприходованы (приняты к учету).

3. Должен иметься счет-фактура поставщика и соответствующие первичные документы.

Как мы можем заметить, никакого значения в указанном случае не имеет даже сам факт оплаты товара. То есть налогоплательщик может принять налог к вычету и тогда, когда расчеты с поставщиком не производились и в учете у лица, претендующего на уменьшение суммы налога на добавленную стоимость, подлежащей уплате в бюджет, числится кредиторская задолженность. В то же время положения главы 21 НК РФ не ставят право на получение вычета по НДС в зависимость от исполнения контрагентом налогоплательщика своих налоговых обязанностей по перечислению полученного от продавца налога в бюджет.

Именно эта особенность российского налогового законодательства, позволяет преступникам, уклоняющимся от уплаты налога на добавленную стоимость, реализовывать на практике различного рода «схемы», направленные на создание видимости реальных финансово-хозяйственных отношений. При этом, как показывает практика, сформировать пакет документов, дающих правонарушителем формальное право на применение вычета, не составляет никакого труда.

Положения налогового законодательства, регулирующие порядок формирования расходов с целью уменьшения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль организаций, в том виде, в каком они прописаны в действующей редакции НК РФ, также являются мощным фактором, детерминирующим преступность, связанную с уклонением от уплаты данного налога.

Формулировки ст. 252, 253, 256 НК РФ, устанавливающие требования, которым должны отвечать произведенные организацией расходы, носят довольно расплывчатый характер, не исключающий их двоякого толкования.

Согласно указанным нормам, расходы должны быть обоснованы и документально подтверждены. При этом обоснованными расходами, согласно абз. 3 п. 1 ст. 252 НК РФ, являются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме.

Даже в тех случаях, когда расходы не приводят к получению доходов в налоговом (отчетном) периоде, в результате их осуществления организация получает убыток, размер расходов не соответствует финансовому состоянию дел организации, произведенные расходы не связаны с основными видами деятельности компании, лица, уклоняющиеся от уплаты налога на прибыль организаций, в том числе и преступным путем, пытаются добиться признания таких расходов экономически обоснованными в целях избежания ответственности. И, несмотря на то, что в приведенных примерах налицо явное несоответствие понесенных расходов финансовому состоянию дел организации, зачастую им это удается, поскольку критерия «соответствие понесенных расходов финансовому положению налогоплательщика» в НК РФ нет.

Что касается документального подтверждения понесенных расходов, то НК РФ не устанавливает конкретного перечня документов, которые должны оформляться для подтверждения осуществленных расходов и не предъявляет каких-либо требований к оформлению (заполнению) расходных документов, что позволяет лицам, совершающим преступления, связанные с уклонением от уплаты налога на прибыль организаций, подтверждать якобы понесенные расходы, уменьшающие налогооблагаемую базу, практически любыми документами, имеющими формальный характер.

Неудивительно, что в таких условиях латентная часть преступности, связанной с уклонением от уплаты налога на прибыль организаций, несоизмеримо выше, нежели та ее составляющая, о которой осведомлена уголовная юстиция.

Мощным детерминантом правового характера, обуславливающим существование, прежде всего, преступности, связанной с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость, является формулировка п.3 ст. 32 НК РФ, устанавливающей порядок направления налоговым органом соответствующих материалов в органы внутренних дел в случае обнаружения признаков, указывающих на возможное совершение налогового преступления.

В указанной норме речь идет о сумме недоимки, размер которой позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления.

В то же время предъявление налогоплательщиком суммы налога на добавленную стоимость к возмещению не предполагает само по себе возникновение обязанности по уплате налога, то есть недоимки, поскольку такова природа налогового вычета.

Налоговый орган, даже при наличии признаков, указывающих на неправомерный характер действий налогоплательщиков, направленных на получение денежных средств из бюджета, формально толкуя положения п.3 ст.32 НК РФ, не всегда ставит в известность о подобных фактах правоохранительные органы. В этом мы убедились, изучив свыше 200 материалов налоговых органов, касающихся отказа в возмещении налогоплательщикам из бюджета сумм налога на добавленную стоимость в период с 2006 по 2010 годы.

Между тем, субъекты, совершающие мошеннические действия, направленные на возмещение налога на добавленную стоимость из бюджета и совершающие налоговые преступления в форме уклонения от уплаты данного налога, связаны самым тесным образом, используют одни и те же коммерческие организации, банки, оффшоры, юридические схемы, направленные на неисполнение налоговой обязанности. Как следствие — непоступление информации об указанных фактах в правоохранительные органы, что значительно усложняет выполнение задачи по борьбе с налоговой преступностью и ее предупреждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2011) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от

07.03.2011) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 23.12.2010) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (часть I). — Ст. 3431.

4. Горяинов К.К. Криминологическая обстановка (методологические аспекты). — М.: ВНИИ МВД России, 1991. — 98 с.

5. Губайдуллин Р.Р., Орлова В.М. Налоговая преступность и меры по ее устранению // СПС «КонсультантПлюс», 2006.

6. Захаров К.А. Экономический ущерб от деятельности подставных организаций: предложения по реформированию налоговой системы // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2010. — № 2. — С. 27—33.

7. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2002. — 686 с.

8. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 912 с.

9. Криминология: учебник для вузов / А.Ф. Агапов, Л.В. Барина, В.Г. Гриб и др.; под ред. В.Д. Малкова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2006. — 528 с.

10. Налоговое расследование: экспериментальный учебник для юридических и экономических вузов и факультетов / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. — М.: Юрист, 2000. — 1094 с.

11. Яковлев А.С. Почему в России возможен безрисковый уход от налогов? // Вопросы экономики. — 2000. — № 11. — С. 134—152.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Кургузкина Елена Борисовна. Начальник филиала ВНИИ МВД России по Черноземью. Доктор юридических наук.

Филиал ВНИИ МВД России по Черноземью.

E-mail: torbagan1@mail.ru

Россия, 394002, Воронеж, ул. Обручева, 3. Тел. 247-54-67.

Полянский Роман Валентинович. Старший преподаватель кафедры права и правоохранительной деятельности.

ФГОУ ВПО «Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки».

E-mail: polyanskaya83@mail.ru

Россия, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1. Тел. 253-87-60.

Kurguzkina Elena Borisovna. The head of the branch of Russian Research Scientific Institute in Voronezh. Doctor of juridical sciences, dosent.

The branch of Russian Research Scientific Institute of Ministry of the Inferior of Russia in Voronezh.

Work address: Russia, Voronezh, Obrucheva Str., 3. Tel. 247-54-67.

Polyanskiy Roman Valentinovich. Master teacher of law and law enforcement activity department.

Voronezh State Agricultural University.

Work address: Russia, Voronezh, Michurina Str., 1. Tel. 253-87-60.

Ключевые слова к статье: налоговые преступления; преступность; детерминанты; налог на добавленную стоимость; налог на прибыль организаций.

Key words: tax crimes; criminality; determinants; value-added tax; profit tax.

ББК 67.99(2)

М.О. Баев,
*доктор юридических наук, профессор,
Воронежский государственный
университет*

Н.А. Гаврилова,
*Новоусманский районный суд
Воронежской области*

БЛАНКЕТНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ЧАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА

BLANKET STATUTES OF PUNITIVE LAW, CONCERNING THE REGULATION AND INVESTIGATION OF PREMEDITATED BANKRUPTCY

Статья указывает на сложности, возникающие при выявлении, квалификации и расследовании таких уголовно наказуемых деяний как преднамеренные банкротства, которые связаны с недостатками уголовного закона, его отсылочным характером, а также несовершенством имеющих юридическую силу на территории РФ нормативно-правовых актов в целом.

This article shows the difficulties occurring at revelation, qualifying, and investigating of such a penal action as premeditated bankruptcy. The difficulties may be caused by the faults of punitive law, its reference character, and also by the imperfection of valid in law within the territory of Russian Federation legal texts.

Системное исследование нормативно-правовых предписаний, существовавших и применявшихся в различные исторические эпохи на территории нашего государства, позволяет прийти к выводу о том, что охрана прав и свобод личности, собственности, общественного порядка и безопасности от преступных посягательств в процессе функционирования такого правового института как несостоятельность (банкротство), а также их предупреждение и пресечение ранее (до введения в действие Уголовного кодекса Российской Федерации, т.е. до 01 января 1997 года) не подпадали под реализацию уголовного закона.

Криминальный институт банкротства является нововведением Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 года [1], впервые предусмотревшего ответственность в том числе

и за преднамеренное банкротство. В отличие от обозначенного источника права ранее действующее законодательство уголовной направленности, имеющее юридическую силу, не располагало в своём содержании даже аналогичными положениями, практика применения которых способствовала бы выявлению и расследованию состава преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ (преднамеренное банкротство).

Банкротство как итог предпринимательства, конечно, не является положительным аспектом деятельности, но само по себе не выступает деянием, предусмотренным законом под угрозой уголовного наказания, и, соответственно, не влечет какой-либо уголовной ответственности. Однако оно может быть результатом целенаправленного поведения, т.е. вызвано специально, преднаме-

ренно, посредством умышленного совершения незаконных действий либо бездействий.

При этом выявление и расследование преступления, именуемого преднамеренным банкротством, на современном этапе развития общественных отношений представляет определенные трудности, обусловленные отсылочным характером положений статьи 196 УК РФ и, как следствие, неизбежным обращением к обширному кругу гражданско-правовых предписаний, относящихся к регулированию такого явления как несостоятельность (банкротство).

Мотив данного процесса объясняется прежде всего тем, что в уголовном законе отсутствует терминология, необходимая для правильной квалификации исследуемого деяния.

В-первую очередь необходимо отметить, что само понятие несостоятельности (банкротства) в уголовно-правовых нормативных актах не содержится, а определяется источником гражданского права — специальным ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому «несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [2].

При этом хотелось бы обратить внимание на то, что термины «банкротство» и «несостоятельность» не идентичны по своему значению и происхождению, в связи с чем в юридической литературе прослеживается дискуссия в отношении употребления данных понятий: так, некоторые учёные разделяют их, полагая, что «несостоятельность» — это категория, подлежащая использованию только цивилистами, т.е. лишь в сфере общественных отношений, регулируемых гражданским правом, а «банкротство» — термин, предназначенный для работы в рамках уголовно-правовой науки. Данная правовая позиция обосновывалась в российском законодательстве дореволюционного периода, а также имеется в действующих нормативных предписаниях некоторых зарубежных стран. На современном этапе такие взгляды имеют приверженцев и в РФ.

Однако указанная точка зрения не является обоснованной попросту потому, что в административных конструкциях действующего российского законодательства также закреплены деяния, использующие термин «банкротство» [3]. Так, если, руководствуясь данной позицией, исходить из того, что банкротство — это понятие уголовного права, то как же быть с административными установками? Какую терминологию использовать там?

В связи с этим наиболее правильными и рациональными представляются убеждения тех исследователей, которые говорят о том, что эти термины взаимосвязаны. Кроме того, из действующих нормативных формулировок очевидно, что законо-

датель использует указанные понятия как близкие, тождественные, а для того, чтобы рассматривать их изолированно друг от друга, необходимо первоначально произвести глобальную корректировку обширного комплекса правовых установок, регулирующих отношения в сфере несостоятельности (банкротства) и содержащих данные понятия.

Имеющийся в диспозиции статьи 196 УК РФ термин «неспособность» также не находит толкования в уголовно-правовых аспектах. Если руководствоваться общепринятым значением слова неспособность, то она подразумевает под собой «неумение, а также отсутствие способности производить какие-нибудь действия» [4]. Более того, Уголовному кодексу РФ не присуща и трактовка термина преднамеренность.

Проанализировав нормы действующего уголовного закона, касающиеся преднамеренного банкротства, и положения гражданско-правового характера, необходимые для регулирования рассматриваемого состава преступления, представляется возможным признать обоснованным утверждение, что преднамеренное банкротство — «это явление, выражающееся в преднамеренных общественно опасных противоправных действиях по искусственному созданию неплатежеспособности предприятия или его захвату, направленных на присвоение чужого имущества» [5].

В продолжение рассуждений о бланкетности норм уголовно-правового характера, регулирующих общественные отношения, связанные с преднамеренным банкротством, следует отметить, что статья 196 УК РФ не содержит указаний на обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании данного состава. При этом критерии и признаки исследуемого преступления, учёт которых подлежит определению при его квалификации, размещены также в установках гражданско-правовой направленности, что, по сути, следует признать целесообразным, поскольку невозможно осуществить характеристику банкротства, не употребляя понятий, выработанных учёными-цивиристами. Это обусловлено по крайней мере тем, что банкротство, в том числе и криминальное, напрямую взаимосвязано с юридическим лицом либо индивидуальным предпринимателем, организация и функционирование которых определены формулировками гражданского законодательства, а также тем, что предпосылкой появления уголовных конструкций о банкротстве выступил институт несостоятельности, сформированный в системе гражданского права.

Признаки банкротства, отраженные в Законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 2002 года, можно подразделить на две разновидности: предопределяющие — те, которые выступают прерогативой для предъявления заявления в арбитражный суд о признании должника банкротом и возбуждения производства по делу. Это:

размер требования кредитора к должнику, приостановление осуществления должником платежей в течение не менее трёх месяцев с момента наступления их исполнения. С использованием таковых могут быть установлены и признаки второго вида, которым можно присвоить наименование основных, поскольку установление их наличия является достаточным для определения банкротства субъекта-должника. К ним относятся: неспособность должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в полном объёме; стоимость имущества должника должна быть меньше стоимостного размера его обязательств.

По своей сути предопределяющие признаки еще не означают банкротства, а говорят лишь о неплатежеспособности субъекта, и только в ходе рассмотрения конкретного дела возможно установить наличие основных признаков.

Таким образом, можно говорить о том, что первой разновидности признаков присущ материально-правовой характер, а второй — процессуальный.

Сопоставив и исследовав диспозицию ст. 196 УК РФ (в частности, термин неспособность, о котором говорилось выше) с гражданско-правовыми установками о несостоятельности и обратив внимание на ранее действующую редакцию рассматриваемой уголовно-правовой нормы, звучавшей как «умышленное создание или увеличение неплатежеспособности в личных интересах или интересах иных лиц и причинившего крупный ущерб», которая на основании Федерального закона от 19.12.2005 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [6] была заменена на «неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб», можно с уверенностью утверждать, что установление признаков такого вида криминального банкротства как преднамеренное может иметь положительную тенденцию в расследовании только после вступления в законную силу решения арбитражного суда о признании должника банкротом.

При этом согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» [7] при рассмотрении уголовных дел нужно принимать во внимание вступившие в законную силу решения (постановления) судов в рамках арбитражного судопроизводства, имеющие значение для дела, которые должны быть подвержены оценке совместно

с другими доказательствами на основании статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса РФ [8], т.е. решению арбитражного суда о признании должника банкротом не придаётся преимущественное значение, а гражданское судопроизводство о банкротстве и арбитражный судебный акт для возбуждения уголовного дела по составу ст. 196 УК РФ не являются обязательными.

Уголовно-правовые конструкции несовершенно и обладают высокой степенью бланкетности также в части указания субъекта разбираемого преступления, которым согласно положениям статьи 196 УК РФ является руководитель или учредитель (участник) юридического лица либо индивидуальный предприниматель. При этом для выявления реальной фигуры, способной выступить субъектом исследуемого состава, вновь необходимо обратиться к законодательству гражданско-правовой направленности и, в частности, к ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а кроме того, заглянуть в должностные инструкции предполагаемого виновника, поскольку из содержания рассматриваемого уголовного предписания далеко не всегда представляется возможным сделать правильный вывод о том, является конкретное лицо субъектом данного преступления или нет.

Что касается поступков, образующих объективную сторону рассматриваемого преступления, перечисленных в указанной уголовной норме, то в реальности их перечень в аспекте гражданско-правового характера может быть значительно расширен.

Для того чтобы определить, какой же размер ущерба понимать в качестве крупного при квалификации исследуемого состава, предусмотренного ст. 196 УК РФ, необходимо подняться вверх по нормам уголовного закона и обратиться к положениям, содержащимся в статье 169 УК РФ, а именно к её приложению, гласящему, что для ряда преступлений, закрепленных главой 22 УК РФ, именуемой «Преступления в сфере экономической деятельности», в число которых входит и преднамеренное банкротство, крупный ущерб — это «стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей» [1].

Для установления объема и составляющих денежных обязательств и обязательных платежей, подлежащих учёту при определении размера ущерба, причиненного преступлением, возникает необходимость ориентироваться на положения, закрепленные в статьях 4—5 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] и Постановлении Пленума ВАС РФ «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» [9], предоставляющие возможность достаточно чётко разобраться в его критериях.

Сопоставив положения уголовного закона, которые необходимы для определения размера

ущерба, с гражданско-правовыми конструкциями, можно прийти к выводу об их несогласованности, заключающейся в следующем: субъектом преднамеренного банкротства может быть, например, руководитель юридического лица либо индивидуальный предприниматель. Очевидно, что стоимостная характеристика, объём имущества, активов предприятия значительно превышает показатели, которыми обладает индивидуальный предприниматель. В свою очередь, ответственность гражданско-правового характера, установленная указанным специальным федеральным законом, разграничена для гражданина-должника и юридического лица и составляет 10000 рублей и 100000 рублей соответственно. Исходя из этого, следует признать неправомерной равную величину ущерба, предусмотренную положениями уголовного закона для субъектов такого состава преступления как преднамеренное банкротство, и отметить, что законодателью необходимо обозначить индивидуализированный размер ущерба для исследуемой уголовно-правовой нормы, поскольку действующая в настоящее время формулировка, определяющая крупным ущербом сумму, превышающую 1500000 рублей, сводит многочисленные ситуации явного преднамеренного банкротства к отказам в возбуждении уголовного дела.

В то время как на современном этапе развития общества наблюдается постоянный рост образования юридических лиц, стремление граждан к осуществлению предпринимательской деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, актуальны рейдерские захваты, посредством преднамеренного банкротства, имеют место операции, направленные на ликвидацию одних юридических лиц и регистрацию новых теми же учредителями, преследующими цель уклонения от уплаты налогов, передела собственности, завладения имуществом и другие корыстные намерения, нормативные предписания характеризуются отсутствием достаточных и аргументированных уголовно-правовых формулировок, касающихся преднамеренного банкротства, а также отсутствием однотипных позиций, а иногда и наличием разночтений, столкновение интересов между уголовными и гражданскими установками, что свидетельствует о недостатках действующего на территории Российской Федерации законодательства и создает благоприятную среду для роста таких преступлений, обладающих высокой степенью латентности, и без того препятствующей их выявлению.

В итоге огромное количество лиц, вызвавших своими преднамеренными действиями банкротство, остаются не подверженными мерам наказания, а именно уголовной ответственности за своё противоправное поведение, что способствует стимулированию у них намерений к совершению новых преступлений.

Таким образом, результативность упорядочивания уголовных правоотношений в сфере преднамеренного банкротства может быть гарантирована только воздействием комплексного механизма уголовных и неуголовных правовых формулировок на субъектов предписаний, поскольку банкротство всегда произрастает из связей экономической предрасположенности, соответственно, и негативные характеристики также обусловлены данным характером.

П.С. Яни говорил, что бланкетность «экономических» статей уголовного закона определяется особой ролью уголовно-правового запрета, защищающего отношения в сфере экономики, как «регулятора уже созданных неуголовными правовыми актами отношений» [10].

Бланкетность и, соответственно, зависимость рассматриваемой уголовно-правовой конструкции от гражданского законодательства о несостоятельности была предопределена уже на первоначальном этапе её появления, поскольку предпосылкой возникновения института криминальных банкротств выступили нормы гражданско-правовой направленности, сформулированные в Законе «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [11], утратившем юридическую силу к настоящему моменту, но передавшем позиции ныне функционирующим источникам права.

Таким образом, налицо потребность в согласованной терминологии и строгости юридических установок, обусловленная зависимостью конструкций уголовных норм от специальных гражданских предписаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 933 с.
5. Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия): монография. — М.: Волтер Клувер, 2010. — 480 с.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правона-

рушениях: Федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5574.

7. О практике применения судами уголовно-го законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 // Российская газета. — 2006. — 31 дек.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

9. О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве: постановление Пленума ВАС Рос. Федерации от 23 июля 2009 г. № 63 // Вестник Высшего Арбитражного суда Рос. Федерации. — 2009. — № 9.

10. Яни П.С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1996. — С. 60.

11. О несостоятельности (банкротстве) предприятий: закон Российской Федерации от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 // Российская газета. — 1992. — 30 дек.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Баев Максим Олегович. Профессор кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский государственный университет.

E-mail: baev_co@mail.ru

Россия, 394006, г. Воронеж, площадь Ленина, 10 а. Тел. (473) 220-82-51.

Гаврилова Наталья Александровна. Помощник судьи.

Новоусманский районный суд Воронежской области.

Соискатель кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

E-mail: gavriloVA-5418@mail.ru

Россия, 396310, Воронежская область, Новоусманский район, село Новая Усмань, улица Авдеева, 9. Тел. (47341) 5-46-69.

Bayev Maxim Olegovich. Professor of the chair of the organization of judicial authority and law activity. Doctor of Law, professor.

Voronezh State University.

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Lenin Square, 10 a. Tel. (473) 220-82-51.

GavriloVA Natalia Alexandrovna. Assistant judge.

Novaya Usman district court, Voronezh Region.

Candidate of the chair of the organization of judicial authority and law activity Voronezh State University.

Work address: Russia, 396310, Voronezh Region, Novaya Usman, Avdeyeva Street, 9. Tel. (47341) 5-46-69.

Ключевые слова к статье: криминальное банкротство; преднамеренность; несостоятельность; латентность; бланкетная норма.

Key words: criminal bankruptcy; premeditation; insolvency; latency; blanket rule.

УДК 343.11

И.А. Насонова, кандидат юридических наук, доцент

Т.А. Степанова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

PROCEDURAL AUTHORITY OF THE INQUIRY DIVISION CHIEF FOR MEASURE OF RESTRAINT ELECTION AS PRETRIAL DETENTION

Статья посвящена наиболее актуальным проблемам избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, и в частности участия начальника подразделения дознания в выполнении данного процессуального действия. В статье дан исторический анализ вопроса избрания заключения под стражу к подозреваемому и обвиняемому. Авторы приводят аргументы в пользу расширения полномочий начальника подразделения дознания.

Article is devoted to the most actual problems of pretrial detention as a preventive punishment, and in particular participation of the chief of inquiry division in performance of the given remedial action. In the article the historical analysis of election question of the pretrial detention to suspected and accused is given. Authors give arguments in favour of expansion of powers of the chief of inquiry division.

В последние годы в условиях проводимой в России судебно-правовой реформы особую актуальность приобрел вопрос защиты конституционных прав граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Именно в уголовном судопроизводстве права граждан затрагиваются наиболее остро, поскольку здесь существует широкая возможность применения к участникам процесса мер принуждения. Одной из таких мер является заключение под стражу, применяемое к обвиняемому и подозреваемому.

В России заключение под стражу получило достаточно широкое распространение. Практика показывает, что эта исключительная мера в по-

следние годы применяется почти по трети уголовных дел. Так, согласно официальной статистике, в 2009 году в районные суды Российской Федерации первой инстанции на рассмотрение поступило 609,6 тыс. уголовных дел. Причем в тех же судах за указанный период времени рассмотрено 208,4 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [1]. Аналогичная тенденция прослеживается и в первом полугодии 2010 года [2].

Такая востребованность в уголовном судопроизводстве меры пресечения в виде заключения под стражу особо остро ставит вопрос о законности ее применения.

Законность применения указанной меры пресечения обусловлена рядом факторов, одним из которых является оптимальность правовой регламентации порядка и условий её применения.

Исторический анализ вопроса применения заключения под стражу в качестве меры пресечения показывает, что на разных этапах развития российского уголовно-процессуального законодательства не одинаково решался вопрос об условиях избрания данной меры пресечения, субъектах, уполномоченных заключать лицо под стражу, и т.д.

Так, согласно УПК РСФСР 1960 года заключение под стражу могло применяться только на основании решения судьи или суда либо с санкции прокурора (ст. 96).

Дальнейшее реформирование уголовного судопроизводства в этой части и связанное с ним принятие в 2001 году УПК РФ было связано с лишением прокурора права санкционировать арест. Согласно п. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации заключение под стражу применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Законодатель, внося существенные изменения в условия и порядок применения указанной меры пресечения, пошел по пути усиления правовых гарантий личности.

В результате единственным субъектом, уполномоченным применять заключение под стражу в отношении обвиняемого, подозреваемого, стал суд, который и в других сферах является важным гарантом обеспечения прав, свобод и интересов личности. Другие должностные лица (прокурор, дознаватель, следователь) получили право возбуждения перед судом соответствующего ходатайства.

Но и этот порядок избрания рассматриваемой меры пресечения претерпел некоторые изменения за время действия УПК РФ.

Если сначала и следователь, и дознаватель, возбуждая ходатайство о применении к обвиняемому, подозреваемому заключения под стражу, обязаны были получать согласие прокурора, то с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон "О прокуратуре"» №87-ФЗ от 5 июля 2007 г. ситуация изменилась. На предварительном следствии прокурор был лишен процессу-

ального полномочия давать согласие следователю на возбуждение соответствующего ходатайства. Оно было передано руководителю следственного органа. А в дознании уголовно-процессуальная форма применительно к рассматриваемому вопросу осталась прежней. За прокурором сохранилось право давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Начальник подразделения дознания не получил в данной сфере полномочий, аналогичных полномочиям руководителя следственного органа.

Очевидно, что применительно к деятельности дознавателя законодатель по-прежнему видит прокурора в качестве основного контролирующего субъекта. Однако в литературе эта роль прокурора, выполняемая им в ходе реализации процедуры избрания заключения под стражу, получила разную оценку.

Так, Е.Б. Мизулина считает, что прокурор играет роль дополнительного «предохранителя» против незаконного заключения под стражу, и высказывается о необходимости получения согласия прокурора при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [3].

Другие авторы не видят в этом необходимости [4]. Не без основания некоторые из них считают, что рассмотрение судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу возможно без получения предварительного согласия прокурора. Это никаким образом не скажется с отрицательных позиций на праве последнего осуществлять надзор в досудебном производстве, поскольку законодатель предусматривает и иные формы такого надзора. Например, по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ); в ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Таким образом, у прокурора имеется непосредственная возможность убедиться в законности процессуальных действий, выполняемых как следователем, так и дознавателем, включая избрание меры пресечения.

Кроме того, надежной гарантией законности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе дознания было бы закрепле-

ние в законе полномочия начальника подразделения дознания давать согласие на возбуждение перед судом ходатайства о ней. Это объясняется, прежде всего, контролирующими функциями указанного участника уголовного судопроизводства в ходе дознания, реализация которых позволяет ему лучше познакомиться с расследуемым уголовным делом, находиться в непосредственной близости к решениям дознавателя и быть в большей степени по сравнению с прокурором заинтересованным в избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Аргументом в пользу сказанного являются такие формы осуществления контроля со стороны начальника подразделения дознания, как дача дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения и др. (п.2 ч.3 ст. 40.1 УПК РФ). Следует отметить, что возможность расширения границ такого контроля уже обсуждается авторами. Так, например, А.Г. Тетерюк предлагает наделить начальника подразделения дознания полномочием по принятию решения о создании группы дознавателей для производства дознания по уголовному делу [5].

В связи со сказанным полагаем необходимым закрепить в правовых нормах возможность начальника подразделения дознания давать согласие дознавателю на возбуждение ходатайства перед судом об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражей, освободив от подобного полномочия прокурора. Появление в УПК РФ полномочий данного должностного лица аналогичных полномочиям руководителя следственного органа в рассматриваемой области оптимально дополнит уже существующие возможности начальника подразделения дознания при применении заключения под стражу. Речь идет о тех из них, которые реализуются в порядке ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ, когда начальник подразделения дознания принимает дело к своему производству и производит дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя.

Думается, что большую завершенность обозначенное предложение получит при условии внесения в ч. 4 ст. 224 УПК РФ изменений, свя-

занных с наделением начальника подразделения дознания правом дачи согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства о продлении срока дознания до 6 месяцев, если невозможно закончить его в срок до 30 суток, а основания для изменения или отмены меры пресечения в виде заключения под стражу отсутствуют.

На наш взгляд, предложенные изменения в действующее законодательство будут способствовать разумному усилению контроля за деятельностью дознавателей при расследовании уголовных дел, не нарушая законных интересов участников уголовного судопроизводства, что, несомненно, благоприятно скажется на полноте и качестве расследования преступлений, повысит эффективность уголовного преследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судов в 2009 году // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Судебная статистика. — Режим доступа: [http:// www.cdep.ru/index.php?id=5&item=302](http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=302)
2. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судов в первом полугодии 2010 года // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Судебная статистика. — Режим доступа: [http:// www.cdep.ru/index.php?id=5&item=454](http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=454)
3. Мизулина Е.Б. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Российская юстиция. — 2002. — №6.
4. Курушин С.А. Гарантии обеспечения права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2003.
5. Тетерюк А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания: уголовно-процессуальный и организационный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2011. — С. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Насонова Ирина Александровна. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-67-07.

Степанова Татьяна Александровна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: tatjana020382@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-67-07.

Nasonova Irina Alexandrovna. The assistant professor of the Criminal process chair. The candidate of jurisprudence, the assistant professor.

Voronezh institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-67-07.

Stepanova Tatyana Alexandrovna. Post-graduate cadet of the Criminal process chair. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-67-07.

Ключевые слова к статье: начальник подразделения дознания; заключение под стражу; дознаватель; предварительное следствие; руководитель следственного органа; прокурор; права личности; уголовное преследование.

Key words: the chief of inquiry division; the pretrial detention; the investigator; preliminary investigation; the head of investigatory body; the public prosecutor; the rights of the person; criminal prosecution.

УДК 343.13

С.П. Матвеев,
кандидат юридических наук, доцент

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

LIABILITY OF CIVIL SERVANTS AS THE SOCIAL PROTECTION ELEMENT

В статье рассматриваются правовые аспекты материальной ответственности государственных служащих всех трех видов государственной службы под углом зрения их социальной защиты.

In article legal aspects of a liability of civil servants of all three kinds of public service from this point of view their social protection are considered.

Как закреплено в статье 10 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», правовое положение федерального государственного служащего и государственного гражданского служащего субъекта Российской Федерации, в том числе ответственность, устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы. Однако анализ административного законодательства свидетельствует об отсутствии специальных норм, регулирующих материальную ответственность государственных гражданских служащих.

Данное обстоятельство позволяет сделать два предположения: государственные гражданские служащие за причиненный имущественный вред государственным органам либо учреждениям несут гражданско-правовую ответственность в соответствии с нормами гражданского законодательства или на основании статьи 73 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» к ним применяются нормы трудового законодательства, поскольку данные отношения не урегулированы специальным нормативным актом.

Правовая природа гражданско-правовой и материальной ответственности существенно отличается, вследствие этого правовое регулирова-

ние рассматриваемых видов юридической ответственности имеет ряд особенностей, отраженных, соответственно, в гражданском и трудовом законодательстве.

В юридической литературе гражданско-правовая ответственность определяется, в частности, как «санкция за правонарушение, вызывающая для правонарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [1]. Ответственность состоит в обязанности правонарушителя (должника) возместить причиненный вред другой стороне правоотношения. При этом различают гражданско-правовую ответственность за причинение имущественного вреда и морального вреда, а также договорную и внедоговорную (деликтную) ответственность.

Важным обстоятельством при разграничении гражданско-правовой и материальной ответственности выступает объем вреда (ущерба), подлежащего возмещению. Поскольку главной функцией гражданско-правовой ответственности является компенсационно-восстановительная функция, то действует принцип полного возмещения убытков, предусмотренный статьей 15

Гражданского Кодекса Российской Федерации и состоящий в возмещении, как реального ущерба, так и упущенной выгоды.

В соответствии с нормами трудового законодательства материальная ответственность состоит в обязанности стороны трудового договора возместить ущерб, причиненный другой стороне этого договора. Правовыми основаниями наступления материальной ответственности служат факт причинения или наличие прямого действительного ущерба, противоправное поведение причинителя прямого действительного ущерба, вина в причинении ущерба, а также причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступлением неблагоприятных последствий в виде прямого действительного ущерба.

Назначением материальной ответственности является не только компенсационно-восстановительная функция, но и охранительная. Охранительный характер материальной ответственности проявляется в том, что она устанавливает рамки соразмерности деликтности субъекта трудового отношения причиненному ущербу. Гарантский характер материальной ответственности проявляется также в определении размера ущерба, подлежащего возмещению работником. Под прямым действительным ущербом в соответствии со статьей 238 Трудового кодекса Российской Федерации понимается «реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества (в том числе имущества третьих лиц, находящегося у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества), а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам».

От убытков в гражданско-правовом понимании этого термина прямой действительный ущерб отличается, тем, что здесь неполученные доходы (упущенная) выгода не взыскиваются. Кроме этого, трудовое законодательство устанавливает как полную, так и ограниченную материальную ответственность работника, что служит дополнительной гарантией.

Материальная ответственность государственных гражданских служащих наступает в регрессном порядке в связи с необходимостью возместить ущерб, причиненный неправомерными действиями служащего государственному органу либо учреждению. В данном случае правовой основой выступает статья 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающая, что «вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия)

государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению». Гражданский служащий, виновный в причинении вреда, возмещает его в порядке материальной ответственности. Кроме того, материальная ответственность гражданского служащего может наступить вследствие причинения ущерба имуществу государственного органа. Так, в самом Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» закреплены несколько оснований расторжения служебного контракта по инициативе представителя нанимателя, связанные с материальной ответственностью как последствием такого увольнения. К числу таких оснований, предусмотренных статьей 37, относятся: совершение по месту службы хищения (в том числе мелкого) чужого имущества, растраты, умышленного уничтожения или повреждения такого имущества, установленных вступившим в законную силу приговором суда или постановлением органа, уполномоченного рассматривать дела об административных правонарушениях; совершение виновных действий гражданским служащим, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему представителя нанимателя; принятие гражданским служащим, замещающим должность гражданской службы категории «руководители», необоснованного решения, повлекшего за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иное нанесение ущерба имуществу государственного органа; однократное грубое нарушение гражданским служащим, замещающим должность гражданской службы категории «руководители», своих должностных обязанностей, повлекшее за собой причинение вреда государственному органу и (или) нарушение законодательства Российской Федерации.

Таким образом, материальная ответственность гражданских служащих наступает по нормам трудового законодательства. Однако отсутствие в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» правового механизма рассматриваемого вида ответственности, на наш взгляд, является пробелом, требующим формального устранения.

Материальная ответственность сотрудников полиции предусмотрена в Федеральном законе «О полиции». При этом нормы о материальной ответственности носят бланкетный характер. Так, статья 33 «Ответственность сотрудника полиции» устанавливает, что «за ущерб, причиненный федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, территориальному органу, подраз-

делению полиции либо организации, входящей в систему указанного федерального органа, сотрудник полиции несет материальную ответственность в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации». Это связано с введением в действие Федерального закона РФ от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих». В связи с принятием названного закона была, в частности, отменена Инструкция «О порядке возмещения военнослужащими, лицами рядового и начальствующего состава органов внутренних дел материального ущерба, причиненного государству», утвержденная Приказом МВД СССР от 05.04.1984 № 70. Таким образом, в условиях отсутствия специального нормативного акта к отношениям о материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел, в том числе полиции, subsidiarily применяются нормы трудового законодательства.

Еще меньшая детализация вопросов правовой ответственности характерна для сотрудников таможенных органов. Статья 55 Федерального закона «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 21 июля 1997 года № 114-ФЗ определяет только общее правило наступления ответственности за нарушение законодательства о таможенных органах, при этом являясь отсылочной нормой к законодательству Российской Федерации. Точно так же отсылочной нормой является статья 54 анализируемого закона, в соответствии с которой «начальник таможенного органа, принявший решение об увольнении со службы в таможенных органах или о переводе сотрудника таможенного органа на другую должность с нарушением закона или задержавший исполнение решения о восстановлении на службе в таможенных органах указанного сотрудника, несет ответственность в соответствии с настоящим Федеральным законом». Таким образом, государственные гражданские служащие, проходящие службу в таможенных органах несут материальную ответственность по нормам трудового законодательства. Поскольку на законодательном (в рамках административного законодательства) уровне вопрос о материальной ответственности сотрудников не разрешен, то к ним так же должны применяться нормы трудового законодательства.

По-иному решается вопрос об ответственности сторон государственно-служебного отношения в службе судебных приставов. Ответственность в данном случае предусмотрена Федеральным законом от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «О судебных приставах». Как закреплено в статье 19, судебные приставы несут ответственность за проступки и правонарушения в соответствии с законодательством Российской Федерации. Следовательно, речь может идти обо всех видах юридической ответственности, в том числе и материальной. Как и во

всех указанных выше случаях, применение норм трудового законодательства возможно в силу отсутствия норм специальных. В законе «О судебных приставах» предусматривается также ответственность за ущерб, причиненный имуществу судебного пристава либо членам его семьи в связи с его служебной деятельностью. В этом случае вред, включая и упущенную выгоду, возмещается с применением норм гражданского законодательства.

В особом порядке регулируется материальная ответственность военнослужащих. Правовой основой материальной ответственности военнослужащих являются: Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»[2], Федеральный закон от 12 июля 1999 года № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»[3], Приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 января 2001 года № 10 «Об утверждении Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации». Вопросы материальной ответственности военнослужащих неоднократно рассматривались в рамках научных исследований [4, 5, 6].

Материальная ответственность военнослужащих, регламентируемая нормами административного законодательства, характеризуется рядом особенностей, определяемых специальным статусом субъектов ответственности. Так, за причиненный вред военнослужащие могут быть привлечены к двум видам ответственности: материальной и гражданско-правовой. Правовым основанием привлечения к материальной ответственности является факт причинения ущерба при исполнении обязанностей военной службы. Военнослужащие, причинившие ущерб не при исполнении обязанностей военной службы, привлекаются к гражданско-правовой ответственности в соответствии с нормами гражданского законодательства. Данная норма отличается от материальной ответственности по трудовому законодательству, поскольку в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации определяющее значение для привлечения к материальной ответственности имеет правовая связь работника и работодателя, а именно — трудовые отношения. Поэтому обстоятельства причинения материального ущерба (то есть в процессе работы либо во внерабочее время) влияют только на размер ответственности, но не на ее вид. В частности, в соответствии со статьей 243 Трудового кодекса Российской Федерации работник несет полную материальную ответственность за ущерб, причиненный не при исполнении трудовых обязанностей.

Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» предусматривает два вида материальной ответственности военно-

служащих — ограниченную и полную. При этом пределы ограниченной материальной ответственности дифференцируются в зависимости от категории субъектов ответственности. Так, военнослужащие, проходящие военную службу на основании контракта, а также лица, призванные на военные сборы, несут материальную ответственность в размере причиненного ими ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет. Военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, по общему правилу — не более двух окладов месячного денежного содержания. Кроме того, специальные ограничения материальной ответственности предусмотрены для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и виновных в причинении ущерба, связанного с уплатой воинскими частями штрафов и другими расходами по вине военнослужащего, — в размере причиненного ущерба, но не более двух окладов месячного денежного содержания и двух месячных надбавок за выслугу лет, а также для командиров (начальников) воинских частей, виновных в неумышленном причинении ущерба, — в размере от одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет до трех окладов месячного денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет. Подобная дифференциация не предусмотрена в трудовом законодательстве.

Основания полной материальной ответственности военнослужащих закреплены в статье 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих». Полная материальная ответственность наступает, если ущерб причинен:

военнослужащим, которому имущество было передано под отчет для хранения, перевозки, выдачи, пользования и других целей;

действиями (бездействием) военнослужащего, содержащими признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации;

в результате хищения, умышленных уничтожения, повреждения, порчи, незаконных расходов или использования имущества либо иных умышленных действий (бездействия) независимо от того, содержат ли они признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации;

умышленными действиями военнослужащих, повлекшими затраты на лечение в военно-медицинских учреждениях и учреждениях здравоохранения военнослужащих, пострадавших в результате этих действий;

военнослужащим, добровольно приведшим себя в состояние опьянения.

Как видно из содержания статьи, в приведенном перечне отсутствует административное право-

нарушение как основание полной материальной ответственности. Очевидно, это объясняется тем, что по общему правилу, предусмотренному статьей 2.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, военнослужащие, а также граждане, призванные на военные сборы, за административные правонарушения несут дисциплинарную ответственность. Важным процедурным отличием института материальной ответственности в административном праве является порядок определения размера материального ущерба и его возмещения. Размер причиненного ущерба, виновные лица и обстоятельства причинения ущерба определяются в результате таких процессуальных действий, как административное расследование либо разбирательство. В случае обнаружения ущерба командир части на основании статьи 7 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» обязан назначить административное расследование, ограниченное по общему правилу месячным процессуальным сроком. Административное расследование — это деятельность командира (начальника) по установлению фактических обстоятельств совершения военнослужащими, гражданским персоналом проступков (правонарушений), а также наступления иных событий и фактов, не имеющих признаков преступления, с целью принятия по ним законного и обоснованного решения (пункт 94 Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации). В том случае, если обстоятельства, необходимые для привлечения к материальной ответственности, могут быть установлены в ходе разбирательства по поводу совершения военнослужащим административного проступка, административное расследование не проводится и дело ограничивается одним разбирательством.

В случае причинения ущерба военнослужащему он также имеет право на возмещение этого ущерба, однако в порядке гражданского судопроизводства. При этом необходимо обратить внимание на следующую особенность. Как известно, в соответствии со статьей 237 Трудового кодекса работник, которому причинен ущерб по вине работодателя, имеет право на возмещение морального вреда в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон, либо в судебном порядке. В отличие от этого, Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» не предусматривает возможности возмещения морального вреда военнослужащим. В связи с этим в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» на этот счет дано разъяснение: «Моральный вред, связанный с нарушением имущественных

прав граждан, подлежит компенсации только при наличии специального указания об этом в законе. Судам следует иметь в виду, что в законодательстве Российской Федерации не содержится указаний о возможности компенсации морального вреда, причиненного военнослужащим нарушением их имущественных прав. Поэтому в тех случаях, когда военнослужащие оспаривают в суде действия должностных лиц, причинившие им только имущественный вред (невыплата денежного довольствия, компенсаций, невыдача различных видов довольствия и т.п.), компенсация морального вреда не производится»[7]. Разумеется, военная служба имеет свою специфику, военнослужащие, как и другие государственные служащие, ограничены в соответствии с законом в правах, однако вряд ли можно объяснить и оправдать отсутствие права на возмещение морального вреда спецификой военной службы.

Таким образом, нормативное регулирование материальной ответственности военнослужащих имеет свою специфику, отличающую его от норм трудового законодательства. Такая специфика логично обусловлена особенностями правового статуса субъекта ответственности — военнослужащего и позволяет наиболее адекватно регулировать деликтные отношения в процессе государственной службы.

В связи с наличием специальных нормативных актов, регулирующих материальную ответственность, в науке административного права делается вывод о существовании правового института материальной ответственности в административном праве, который представляет собой «совокупность норм административного права, которые регламентируют отношения по возмещению материального ущерба, причиненного военнослужащими, в связи с чем реализуется в административно-правовом порядке»[8].

Действительно, административно-правовой порядок реализации норм о материальной ответственности военнослужащих представляет собой специфическую группу норм в административном праве. Однако рассматривать такую группу норм как самостоятельный институт административного права, на наш взгляд, преждевременно. Административно-правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих на данный момент представляет собой исключение из общего правила.

Материальная ответственность государственных служащих других двух видов государственной службы регулируется нормами трудового права, причем в последние годы становления законодательства о государственной службе наблюдается тенденция ориентирования законодателя на нормы трудового права в части материальной ответственности. Напомним, что до вве-

дения в действие Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» материальная ответственность сотрудников органов внутренних дел также регулировалась специальным административно-правовым актом.

По нашему мнению, материальная ответственность государственных гражданских служащих, а также сотрудников правоохранительных органов должна регулироваться аналогично порядку, установленному для военнослужащих, то есть нормами административного права. В пользу такого решения говорят следующие аргументы: 1) необходимость дальнейшего совершенствования законодательства о государственной службе; 2) особые субъекты ответственности — государственные служащие; 3) специфичный объект защиты — государственная собственность. Принятие специальных нормативных актов, регулирующих материальную ответственность государственных гражданских служащих, а также сотрудников правоохранительных органов, с одной стороны, укрепило бы гарантии имущественных прав государственных служащих, с другой стороны, повысило бы уровень их социальной защищенности, исходя из принципа взаимной материальной ответственности сторон государственно-служебного отношения. Кроме того, формирование административно-правового регулирования материальной ответственности государственных служащих с точки зрения системного подхода будет способствовать созданию института материальной ответственности государственных служащих в служебном праве.

Субсидиарное применение норм трудового законодательства в части, касающейся материальной ответственности государственных служащих, вызывает ряд вопросов. Прежде всего, заключая трудовой договор, работники вступают в трудовые отношения, и предусмотренная нормами трудового законодательства материальная ответственность сторон ориентирована именно на трудовые отношения с их правовой природой, юридическим составом и содержанием. Сторонами таких отношений выступают работник и работодатель, причем работодателем в соответствии со статьей 20 может выступать юридическое либо физическое лицо. При этом юридические лица — это организации как государственной формы собственности, так и негосударственной. В связи с этим на основании статьи 240 Трудового кодекса Российской Федерации работодателю предоставляется право с учетом конкретных обстоятельств причинения ущерба полностью или частично отказаться от его взыскания. Учитывая то обстоятельство, что собственником имущества организации может выступать государство либо иные публично-правовые образования, в рассматриваемой статье предусматри-

вается: «Собственник имущества организации может ограничить указанное право работодателя в случаях, предусмотренных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, учредительными документами организации». Мы полагаем, что диспозитивный характер статьи 240 Трудового кодекса Российской Федерации в части, касающейся права отказа от взыскания материального ущерба, вряд ли уместен в регулировании материальной ответственности в рамках государственно-служебных отношений.

Как отмечалось выше, поскольку в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» отсутствуют нормы, регулирующие материальную ответственность, применяется трудовое законодательство. В соответствии с трудовым законодательством посредством материальной ответственности возмещается прямой действительный ущерб, отличающийся от гражданско-правовой конструкции «вред». Между тем, термин «ущерб» используется в тексте названного закона дважды: применительно к обязанностям гражданского служащего — «не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа» (статья 18); в качестве основания расторжения служебного контракта в случае нанесения ущерба имуществу государственного органа (статья 37). Термин «вред» используется в тексте закона шесть раз. Причем оба термина, имеющие в юриспруденции разное смысловое содержание, применяются к одним и тем же ситуациям. Так, если основанием расторжения служебного контракта служит «ущерб», причиненный имуществу государственного органа, то в контексте статьи 70 закона представитель нанимателя наделяется правом обращаться в суд с иском о возмещении гражданским служащим «вреда», причиненного государственному органу. Таким образом, если гражданский служащий обязан возместить причиненный по его вине «вред», то это регулируется нормами гражданского законодательства; если же возмещению подлежит «ущерб», то в этом случае должны применяться нормы трудового законодательства.

Как известно, в трудовых отношениях материальная ответственность имеет двусторонний характер, то есть предусмотрена ответственность работника перед работодателем и наоборот. Если обратиться к законодательству, предметом регулирования которого является государственная служба, то можно констатировать тот факт, что ответственность нанима-

теля в связи с причинением ущерба (вреда) в государственно-служебном отношении носит иной характер, чем у государственных служащих. Прежде всего, в концептуальном законе «О системе государственной службы Российской Федерации» непосредственно закрепляется ответственность государственных служащих. В статье 10 указано, что «правовое положение (статус) федерального государственного служащего и государственного гражданского служащего субъекта Российской Федерации, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, а также порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы». При этом даже в общих чертах не обозначена ответственность другой стороны государственно-служебного отношения — государства.

Декларированный в статье 3 рассматриваемого нормативного акта принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц к ответственности имеет только опосредованное отношение. В тексте Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» вопросы материальной (либо гражданско-правовой) ответственности также не нашли конкретного отражения. Так в статье 24 закона закреплено, что в служебном контракте предусматривается ответственность сторон за несоблюдение условий контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации. Кроме этого, статья 70 закона наделяет гражданских служащих правом обращаться в суд с исками о возмещении морального вреда в связи с незаконным освобождением от замещаемой должности гражданской службы, увольнением с гражданской службы по основаниям, не предусмотренным в законодательстве, или с нарушением процедуры увольнения, а также в случаях незаконного перевода на иную должность гражданской службы.

По смыслу текста закона не представляется возможным однозначно истолковать идею законодателя о виде ответственности нанимателя за указанные действия, связанные с лишением гражданского служащего возможности продолжать государственную службу, то есть является она гражданско-правовой или материальной. Данный вопрос имеет существенное значение для реализации принципа социальной защиты государственных гражданских служащих, так как механизм материальной ответственности может быть реализован на основе как

судебного, так и внесудебного способа защиты прав. Гражданско-правовой же механизм ответственности реализуется только в судебном порядке, что требует от истца дополнительных затрат времени и здоровья.

Как указывалось выше, в отличие от Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» по Федеральному закону «О полиции» за причиненный ущерб сотрудники полиции несут материальную ответственность в соответствии с трудовым законодательством. Однако статья 33 этого закона устанавливает материальную ответственность только сотрудников полиции, то есть одной стороны государственно-служебного отношения. Поэтому остается открытым вопрос об ответственности нанимателя, то есть применимы ли к нанимателю нормы Трудового кодекса Российской Федерации, устанавливающие материальную ответственность работодателя перед работником, или в этом случае ущерб (имущественный вред), возникший у сотрудника полиции в связи с исполнением обязанностей государственной службы, возмещается в соответствии с нормами гражданского законодательства?

Анализ законодательства о государственной службе в части юридической ответственности сторон государственно-служебного отношения за причинение ущерба (вреда) позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Из трех видов государственной службы, предусмотренных Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации», специальное правовое регулирование материальной ответственности установлено только в отношении военнослужащих. В связи с этим можно констатировать наличие правового института материальной ответственности в административном праве.

2. Отсутствие специального правового регулирования материальной ответственности государственных гражданских служащих и сотрудников органов внутренних дел вызывает ряд во-

просов как в правоприменительной практике, так и на теоретическом уровне.

3. Бланкетный, в большинстве своем, характер норм административного законодательства по поводу ответственности сторон государственно-служебных отношений не соответствует достижению важной цели административной реформы — формирования законодательного статуса всех звеньев государственного управления.

4. Специфика государственной службы и правового статуса государственных служащих как агентов публичной власти диктует необходимость дальнейшего формирования специального административно-правового института материальной ответственности государственных служащих всех видов государственной службы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — Т. III. Обязательственное право. — С. 141.
2. Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 22. — Ст. 2331.
3. Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 29. — Ст. 3682.
4. Митяшин И.К. Материальная ответственность военнослужащих по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1956.
5. Лиховидов К.С. Материальная ответственность военнослужащих: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997.
6. Шарыкина О.В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2000. — № 4.
8. Лопатин Д.В. Административно-правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2007. — С. 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Матвеев Сергей Прокофьевич. Начальник кафедры гражданского, трудового и финансового права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: ser35031333@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 47-64-83.

Matveev Sergei Prokofievich. Civil, labour and financial law chair head, Candidate of sciences (jurisprudence law), assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53, tel. (4732) 47-64-83

Ключевые слова к статье: государственный служащий; юридическая ответственность; материальная ответственность; материальный ущерб.

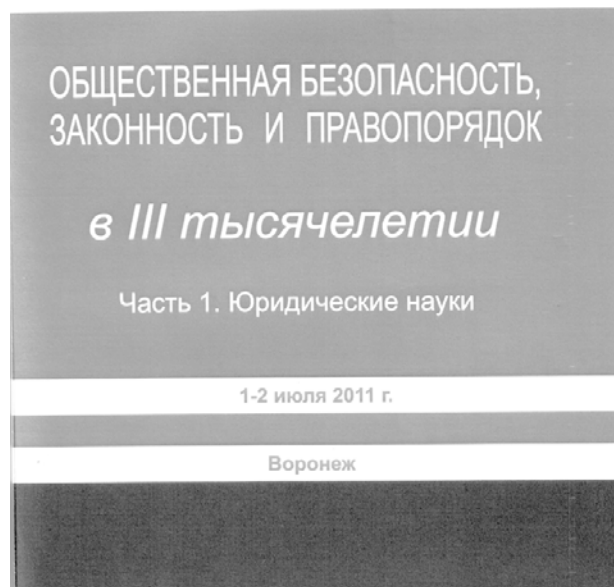
Key words: civil servant; legal responsibility; liability; damage to property.

УДК 35.088

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Воронеж, 1-2 июля 2011 г.) — Ч. 1. Юридические науки.

В сборнике содержатся материалы, представленные на Международной научно-практической конференции «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии». Издание предназначено для профессорско-преподавательского состава, курсантов, слушателей, студентов, адъюнктов, аспирантов, сотрудников правоохранительных органов.

С.К. Абанокв,
*Курский институт социального
образования (филиал) Российского
государственного социального
университета*

ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СТАНДАРТОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО ВОПРОСАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ

CHALLENGES FOR INCLUSION IN NATIONAL LEGISLATION OF STANDARDS COUNCIL OF EUROPE ON THE SECURITY OF FREEDOM

В статье проанализированы проблемы включения в российское законодательство стандартов Совета Европы, обеспечивающих право на свободу. Основной интерес автора сосредоточен на проблемах правоприменения стандартов Совета Европы в национальном законодательстве по защите права на свободу.

The article analyzes the problem of inclusion in the Russian legislation the Council of Europe standards, ensuring the right to liberty. The main interest of the author focuses on the problems of law enforcement standards of the Council of Europe in national legislation on the protection of the rights to freedom.

Избрав демократический путь развития, Российская Федерация в 1993 году провозгласила себя правовым государством (ч.1 ст.1 Конституции РФ) и взяла курс на путь признания принципов и норм международного права в качестве источников национального права (ч.4. ст.15 Конституции РФ) [1].

Усилившиеся миграционные процессы, прозрачность границ между европейскими государствами привели к пониманию необходимости анализа текущей ситуации, обмена мнениями и поиска общих подходов по включению международных норм в национальное законодательство, в том числе при решении вопроса соблюдения права человека на свободу.

Поскольку международные интересы России обусловлены ее географическим положением, у Российской Федерации появилась необходимость в разрешении правовых вопросов с применением единых международных стандартов со странами Евросоюза. Включение стандартов Совета Европы в предписания российского национального законодательства по защите права человека на свободу стало следствием масштабных изменений совре-

менной геополитики и становления новой эпохи человечества — эпохи глобализации.

Европейские страны, «имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права» [2], еще в середине прошлого века приняли решение начать путь «обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации» [2], и в мае 1949 года объединились в своеобразный политический форум — Совет Европы. В целях равноправного участия в мероприятиях европейского значения в 1993 году Россия вступила в Совет Европы.

Политическая деятельность Совета Европы в основном направлена на защиту прав человека и охватывает все сферы жизни. Поэтому перед Российской Федерацией, как перед одной из Высоких Договаривающихся Сторон, в целях исполнения закрепленных в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права встал вопрос о приведении национального законодательства по обеспечению права на свободу в соответствие со стандартами Совета Европы.

«В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами международного права при осуществлении правосудия» [5] Пленум Верховного Суда Российской Федерации 10.10.2003 года издал Постановление № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», определившего место общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе РФ. Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобы граждан о соответствии Конституции России отдельных законоположений, касающихся права на свободу, определил границы допустимого ограничения государством права на свободу [4] и неоднократно разъяснял конституционные положения и корреспондирующие международные нормы, регулирующие деятельность государства по обеспечению права на свободу [3].

Соблюдение договорных норм международного права требует дальнейшего совершенствования деятельности российских судов и принятия новых нормативных актов, регулирующих порядок охраны права человека на свободу.

Большинство нарушений права человека на свободу являются уголовно наказуемыми. Поскольку в эпоху всеобщей глобализации Российская Федерация не может абстрагироваться от опыта законодательной практики Совета Европы и потребностей текущего момента, Федеральный закон (УК), регулирующий преступность деяний, не должен идти вразрез с опытом нормотворчества Совета Европы и вынужден трансформироваться с учетом международного опыта. Тем более что ни один состав преступления, направленного на нарушение прав человека на свободу (ст. 126—128 УК РФ), не устанавливает необходимость прямого применения международного договора Российской Федерации, как это указано, например, в статьях 355 и 356 УК РФ. Таким образом, ограниченное применение международно-правовых норм, регулирующих соблюдение права человека на свободу, не дает возможности судебным органам в полном объеме применять принципы правового государства, верховенства права и справедливости.

Российские юридические техники, применяемые в современной национальной системе судопроизводства, также весьма отличаются от европейской судебной практики.

Устранение ряда несоответствий российского законодательства Стандартам Совета Европы в части соблюдения права на свободу затрудняется также по причине задержки принятия законов, направленных на адаптацию национального законодательства к нормам европейского права. Так, впервые инициатива о том, что гражданам следует как-то компенсировать волокиту и последствия неисполнения судебных решений, появилась летом 2008 года в Госдуме с подачи Верховного Суда (ВС) РФ. И только 21 апреля 2010 года Государственной Думой Российской Федерации рассмотрен Федеральный закон «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопро-

изводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов». Следует отметить, что необходимость принятия этого нормативно-правового акта давно назрела, тем более что вопрос возмещения государством вреда, причиненного затягиванием сроков судебного разбирательства, неоднократно рассматривался европейскими судами не в пользу Российской Федерации.

Последние два десятилетия российские граждане активно используют возможность защищать свои права не только в отечественной судебной системе, но и в международном суде. С одной стороны, это показатель роста правосознания граждан и их стремления применять законные средства для отстаивания своего права на свободу. С другой стороны, каждое решение международного суда, указывающее на несоответствие законодательства ратифицированным международным договорам, подрывает престиж российской судебной системы и современного российского права.

Российские ученые-правоведы принимают активное участие в обсуждении проблем соотношения стандартов Совета Европы, международных договоров Российской Федерации и российского законодательства по вопросам обеспечения права на свободу на различных международных конференциях, форумах и других международных площадках. Опыт отечественной науки не должен оставаться мумифицированным в учебной литературе и периодической печати, целесообразно было бы применять его при решении конкретных государственных вопросов. Учитывая, что отдельные члены Государственной Думы РФ могут испытывать определенные сложности при изучении проектов документа, содержащего нормы стандартов Совета Европы, возможно, следует вменить депутатам в обязанность до рассмотрения того или иного законопроекта знакомиться с дискуссионными положениями в публикациях ведущих правоведов. Это упростит поиск общих подходов по включению европейских стандартов в национальное законодательство, особенно когда это касается реализации человеком своего права на свободу.

Бессистемность международных норм по обеспечению прав человека делает несколько проблематичным их эффективное применение в национальной судебной практике. Получение позитивных результатов от включения стандартов Совета Европы в национальное законодательство по защите права человека на свободу можно было бы проследить в ходе постоянно проводимых государственных мониторингов по результатам включения стандартов Совета Европы в российское законодательство.

Государственный мониторинг по рассматриваемому направлению должен осуществляться в соответствии с федеральной программой на основе сбора и анализа отчетности о ходе адаптации стандартов Совета Европы в национальное право.

Порядок его осуществления должен устанавливаться уполномоченным Правительством Рос-

сийской Федерации федеральным органом законодательной власти.

Одной из задач такого мониторинга может быть своевременное выявление изменений состояния нарушения права человека на свободу, оценка этих изменений, прогноз и выработка рекомендаций о предупреждении и об устранении последствий негативных процессов.

Информация по результатам мониторинга о проектах внесения стандартов Совета Европы в национальное законодательство, его влиянии на правовую статистику может размещаться уполномоченным федеральным органом, осуществляющим мониторинг, на своем официальном сайте в сети «Интернет».

Однако эта работа требует немалых интеллектуальных затрат и пока находится вне сферы интересов научного сообщества.

Резюмируя сказанное, отметим, что эффективность деятельности судебной системы по обеспечению прав человека на свободу определяется соотношением целей и достигаемого результата. Для достижения цели единообразного применения российскими судами стандартов Совета Европы необходимо дальнейшее совершенствование национального законодательства и обращение к опыту международной законодательной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Часть 2 статьи 1 УК РФ) /

отв. ред. А.И. Парог. — 5-е изд. перераб. и доп. М.: Велби, Проспект, 2008. — 249 с.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, измененная и дополненная Протоколом №11 (вводная часть) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.coe.ru/main/echr/> (дата обращения: 29.06.2011).

3. По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2010 г. №5-П // Собрание законодательства РФ. — 2010. — №11. — Ст. 1256.

4. По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2010 г. №20-П // Собрание законодательства РФ — 2010. — № 50. — Ст. 6808.

5. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003г. №5 // Российская газета. 2003. — 2 дек.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Абанок Сергей Картизукович. Старший преподаватель кафедры трудового, пенсионного и уголовного права.

Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета.

E-mail: s.aban69@mail.ru

Россия, 305040, г. Курск, ул. Карла Маркса, 53. Тел. 8 (4712) 58-46-63.

Abanokov Sergei Kartizukovich. Senior lecturer in labor, pension and criminal law department.

Kursk Institute of Social Education (Branch) Russian State Social University.

Work address: Russia, Kursk, Karl Maks Street, 53. Tel. 8 (4712) 58-46-63.

Ключевые слова к статье: право на свободу; Совет Европы; стандарты Совета Европы; эпоха глобализации; международные договоры; национальное право; национальное законодательство; государственный мониторинг.

Key words: right to freedom; The Council of Europe; Council of Europe standards; the era of globalization; international treaties; municipal law; national legislation; state monitoring.

УДК 342.721 :341. 176.2(4)

А.Г. Коротких,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Прези-
денте РФ (Воронежский филиал)

О СУТИ И ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК» И «ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

ABOUT THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF THE CONCEPTS OF «PUBLIC ORDER» AND «PUBLIC SAFETY»

В статье рассматриваются такие конституционные понятия как «общественный порядок», «общественная безопасность», раскрывается суть данных категорий и их взаимосвязь друг с другом, а также определяется их значение для обеспечения безопасности личности, общества и государства.

In the given article the constitutional concepts «public order» and «public safety» are considered. It reveals the essence of these categories and their relationship with each other, as well as their importance for the safety of individuals, society and the state is determined.

Террористические акты в аэропорту «Домодедово» в январе 2011г., в Кабардино-Балкарской республике в феврале этого же года, позже и в других регионах Северного Кавказа со всей определенностью показали необходимость пересмотра государственной политики по обеспечению общественной безопасности, изменения отношения непосредственно самих граждан и их объединений как в целом к проблемам безопасности, так и к поддержанию должного общественного порядка, межнационального и межконфессионального согласия в стране.

Об этом свидетельствуют и некоторые результаты социологических исследований, проводимых в Воронежском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы. На интересующие нас вопросы ответы респондентов, сотрудников и руководителей различных государственных и негосударственных организаций, распределились следующим образом. На вопрос: «Удовлетворены ли Вы состоянием правопорядка в стра-

не?» — 86% респондентов ответили отрицательно. При этом на такие вопросы, как: «Чувствуете ли Вы должную защищенность: а) конституционных прав и свобод; б) личности; в) достоинства; г) имущества; д) от произвола государственных чиновников?» — от 70% и выше опрошенных ответили отрицательно.

Среди проблем, способных позитивно повлиять на улучшение указанной выше ситуации, 70% респондентов считают целесообразным широкое участие граждан в обеспечении общественного порядка в стране, предлагая принятие Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка».

Как следствие, содержание принципов разграничения, равно как и совокупная значимость понятий «общественный порядок», «правопорядок» «общественная безопасность» в правоохранительной практике, в жизни граждан и деятельности их общественных организаций приобретают особую актуальность.

В соответствии со статьей 71 Конституции Российской Федерации понятие «безопас-

ность» используется как самостоятельное явление, находящееся в исключительном ведении Российской Федерации. Правовая категория «общественный порядок» в Основном законе встречается дважды: в ст. 114, в которой в обязанность Правительства РФ вменено осуществление мер по обеспечению «общественного порядка, борьбе с преступностью» на территории страны; в ст. 132, предусматривающей положение о том, что органы местного самоуправления «самостоятельно ... осуществляют охрану общественного порядка». А в соответствии со ст. 72 в совместном ведении Российской Федерации и субъектов России находятся «обеспечение ... правопорядка, общественной безопасности».

Приведенный анализ показывает, что указанные выше категории имеют самостоятельное и существенное значение для государственной и общественной жизни. При этом содержание перечисленных понятий в самом тексте Конституции РФ не приводится, равно как и их соотношение. Представляется, что они должны найти свое раскрытие в соответствующем законодательстве Российской Федерации (в широком смысле) и ее субъектов, а также в юридической науке.

Примером такого подхода может служить «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020г.», утвержденная указом Президента РФ 12 мая 2009 г. №537 (далее Стратегия)[1]. В частности, в первом разделе этого акта «Общие положения» приводятся определения таких понятий, как «национальная безопасность», «национальные интересы Российской Федерации», «угроза национальной безопасности», «стратегические национальные приоритеты», «система обеспечения национальной безопасности» и др. С какими — то из приведенных определений можно не согласиться, представлять свои замечания, уточнения, варианты новых определений, но они действуют, являясь основой для организации деятельности государственных и общественных организаций, сохранения гражданского мира и согласия, обучения и воспитания подрастающих поколений в духе патриотизма, уважения и защиты своих национальных интересов, понимания собственной роли в обеспечении личной, общественной и государственной безопасности.

На этом фоне вряд ли можно считать правильным «исчезновение» дефиниции «безопасность» из текста нового закона «О безопасности» от 28 декабря 2010г. №390-ФЗ [2]. Ведь в ныне утратившем силу законе от 5 марта 1992 г. с таким же названием, хоть и критикующее в науке, но было определение данного

явления, под которым понималось «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». При этом законодатель определял жизненно важные интересы как «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства» К объектам безопасности были отнесены «личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность».

Основные концептуальные положения данного определения сохранены Президентом РФ в Стратегии. В частности, под национальной безопасностью здесь понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства». К новациям в этом указе можно отнести только замену термина «жизненно важные интересы» конкретным их содержанием применительно к каждому объекту безопасности.

Справедливости ради следует отметить, что в первой части определения «общество» фигурирует в качестве самостоятельного объекта национальной безопасности. Но далее его интересы не раскрыты, что можно отнести к недостаткам данного нормативно-правового акта. В целом исследование по вопросам отражения перечисленных выше конституционных государственно-правовых категорий в законах и иных нормативно-правовых актах осуществляется явно недостаточно, порой предлагаемые определения концептуально друг с другом не связаны, что затрудняет их правильное понимание и реализацию на практике.

Такое положение наблюдается, в частности, и в новом Федеральном законе «О полиции»[3]. Прежде всего, здесь бросается в глаза то, что в главе 1 «Общие положения» не раскрывается содержание ни одного используемого в нормативном акте базового понятия. Среди них и дефиниции «общественный порядок» и «общественная безопасность», хотя их обеспечение в ст. 1 «Полиция и ее назначение» прямо возложено на этот федеральный орган исполнительной власти. При этом в ст. 2 анализируемого документа, «Основные направления деятельности полиции», в качестве функции «обеспечение общественной безопасности», заявленной в ст. 1, обнаружить уже не

удалось. Кроме того, нами был сделан анализ законов 15 субъектов России об участии их населения в охране общественного порядка. Среди них республики — Кабардино-Балкарская, Коми, Татарстан, Тыва; края — Алтайский, Камчатский, Краснодарский; области — Архангельская, Воронежская, Кировская, Ленинградская, Нижегородская, Сахалинская, Тюменская и г. Москва. Ни в одном из изученных нами актов содержание понятия «общественный порядок» также не раскрыто, хотя оно используется в названиях всех законодательных актов.

Таким образом, несмотря на то, что понятие «общественный порядок» широко используется в законодательстве, его содержание практически раскрывается только в научных трудах ученых различных поколений. Так, если обратиться к работам с конца 50-х годов прошлого столетия по исследуемой проблематике, то мы уже наблюдаем определенное концептуальное представление об этом явлении, которое не потеряло своей значимости и сегодня. П.Ф. Гришаев в 1959 г. утверждал, что общественный порядок — это порядок, регулирующий отношения между членами общества, согласно которому каждый из них обязан соблюдать правила в обществе, как закрепленные в правовых нормах, так и в нормах морали. Соблюдение этих правил поведения всеми гражданами гарантирует общественную безопасность, то есть безопасные условия повседневной жизни и деятельности членов общества [4]. Эту позицию в 70—80-е годы подтвердили и развили такие известные ученые, как М.И. Еропкин и Л.Л. Попов, И.И. Веремеенко и др. Так, в своей работе [5] М.И. Еропкин и Л.Л. Попов писали, что «общественный порядок в Советском государстве — это результат соблюдения людьми установленных в государстве правил, это определенная система общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения социальных норм (права, морали, правил социалистического общения, обычаев), регулирующих поведение людей в общественных местах, это результат закрепления социальными нормами фактических отношений, которые развиваются в процессе общения людей».

Основные положения этой точки зрения в восьмидесятые годы поддержал И.И. Веремеенко: «Общественный порядок как определенная правовая категория представляет собой обусловленную потребностями развития социализма систему общественных отношений, возникающих и развивающихся в общественных местах в процессе общения людей, правовое и иное социальное регулирование которых обеспечивает

личную и общественную безопасность граждан и тем самым обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни» [6]. Все остальные авторы, писавшие об общественном порядке в более позднее время, придерживались одной из приведенных выше позиций.

При этом обращает на себя внимание, что в юридических энциклопедиях, изданных уже в XXI веке [7, 8], нет ни понятия «общественный порядок», ни понятия «общественная безопасность». К сожалению, их практически нет и в известных учебниках государственно-правовой направленности. Думается, что без устранения этих пробелов добиваться активной позиции граждан в вопросах взаимодействия с органами правопорядка, понимания значимости личного участия в охране общественного порядка и общественной безопасности будет сложно.

Что объединяет приведенные выше позиции разных ученых по исследуемым категориям? Это, прежде всего, то, что общественный порядок регулируется всегда, наряду с другими социальными нормами, правовыми нормами. Как следствие, требуется постоянное внимание к научному обобщению с учетом развивающегося законодательства, складывающейся правоохранительной практики, в целом социально-экономических и общественно-политических отношений в обществе, административно-правовых, уголовно-правовых и гражданско-правовых способов охраны общественного порядка в их многообразии (имеются в виду самостоятельные институты приведенных отраслей права).

Несколько иной подход наблюдается у исследователей по отражению регулятивной роли в содержании понятия «общественный порядок» иных социальных норм, т.е. не правовых. Так, П.Ф. Гришаев параллельно с правовыми нормами использует только нормы морали. Это, безусловно, правильно, но явно недостаточно. Действительно, мораль — это система определенных взглядов, норм, принципов, оценок, убеждений, выражающихся в поступках людей, регулирующие их отношения друг к другу, к обществу, государству, и поддерживаемых личным убеждением, традицией, воспитанием, силой общественного мнения, критерием которых выступают категории добра, зла, честности, благородства, порядочности и др. [9].

И.И. Веремеенко использует понятие «правовое и иное социальное регулирование» применительно к общественному порядку. Если для узкого круга специалистов такое определение может быть понятным, то для широкого круга общественности, способного участвовать в охране общественного порядка, здесь многое может быть неясным. Здесь следует напом-

нить, что к регуляторам социальных отношений кроме правовых и моральных относятся также религиозные и политические нормы, обычаи и традиции, корпоративные и семейные правила поведения и др.

С учетом всего вышеизложенного мы считаем возможным дать следующее определение данной дефиниции: общественный порядок — это совокупность общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения всеми гражданами правовых, моральных, религиозных, политических, корпоративных, семейных и иных норм, а также обычаев и традиций. Как следствие, охрана общественного порядка будет состоять из деятельности полиции, других правоохранительных органов, самих граждан и их специализированных объединений по обеспечению отношений, регулируемых всей совокупностью социальных норм.

Уникальность, значимость такого подхода для самой сложной в мире «многосубъектной, многонациональной и многоконфессиональной федерации» [10] в современных условиях очевидна. Ведь от граждан самых разных социальных групп, вероисповедания, национальности, с этническими особенностями, своеобразными обычаями и традициями требуется взаимопонимание для обеспечения стабильности и гражданского мира как следствия должного общественного порядка. Если даже кто-то не согласен или не понимает существа или значения социальных норм какой-либо общности людей (например, особенности брачных обрядов некоторых народов Северного Кавказа), это не освобождает его от проявления терпимости к данному явлению при отсутствии нарушений правовых норм. Происходящие в стране события террористического, экстремистского характера свидетельствуют о явном несоответствии усилий государства и институтов гражданского общества в воспитании населения в указанном выше духе остроте складывающейся в стране ситуации, усугубляемой высоким уровнем коррупции государственных служащих и клановости во многих республиках России.

Относительно соотношения понятий «правовой порядок» и «общественный порядок» среди ученых по принципиальным позициям расхождений нет. Правовой порядок рассматривается как «система правоотношений, возникающая и развивающаяся в строгом соответствии с нормами права и обеспечивающая реализацию целей правового регулирования» [11]; «система общественных отношений, которая устанавливается в результате точного и неуклонного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права» [12]; «состояние упорядоченности обществен-

ной жизни, основанное на праве и законности» [13, 14]; «порядок в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников общественных отношений, обеспечивается их правомерное поведение» [15]. «Правовой порядок — это порядок общественной жизни, которая создается в результате строгого и неуклонного соблюдения норм права всеми государственными и муниципальными органами, общественными и хозяйствующими субъектами, должностными лицами и гражданами» [16]. Цитирование суждений российских ученых по данному вопросу уместно завершить словами Н.И. Матузова и А.В. Малько, которые сжато и точно отметили, что «правовой порядок является ядром, центральным элементом общественного» порядка [17].

Значительно сложнее обстоит дело с определением содержания понятия «общественная безопасность» и его соотношением с дефиницией «общественный порядок». Ранее мы упоминали, что рассматриваемое понятие является конституционным. С учетом данных обстоятельств в Стратегии национальной безопасности до 2020 г. общественная безопасность выделена в самостоятельный вид национальной безопасности (п. 7). В то же время в разделе четвертом Стратегии «Обеспечение национальной безопасности» общественная безопасность объединена с государственной безопасностью (подраздел 2.). Представляется, что такое объединение даже при множестве общих задач вряд ли можно считать удачным по многим основаниям. В частности, по принадлежности к функциям государства: обеспечение государственной безопасности преимущественно относится к внешним направлениям деятельности, а общественная безопасность явно тяготеет к внутренним делам государства. Как следствие, содержание понятий «государственная безопасность» и «общественная безопасность» не разграничены, что затрудняет как научную разработку этих дефиниций, так и использование в деятельности соответствующих органов исполнительной власти.

В связи с изложенным было бы логичным раскрытие содержания данных категорий в общих положениях к Указу Президента РФ от 12 мая 2009 года №537, как это сделано относительно других понятий в этом же нормативно-правовом акте.

В понятиях «общественный порядок» и «общественная безопасность» имеется одно общее весьма емкое и содержательное слово «общественный». Анализ имеющейся по теме правовых источников и литературы показывает следующее. Применительно к понятию «общественный

порядок», в том числе в нашей его трактовке, данное слово тяготеет к термину «общество» (в узком и широком смыслах), т.е. порядок в обществе. Порядок, который обусловлен всеми социальными нормами. В таком понимании, на наш взгляд, эту дефиницию нужно и использовать как в правотворчестве, так и в правоохранительной деятельности, в том числе осуществляемой как гражданами, так и негосударственными правоохранительными структурами.

В понятии же «общественная безопасность» слово «общественный» в трудах ученых 60—80-х годов XX века (М.И. Еропкина, Л.Л. Попова, И.И. Веремеенко) используется в буквальном смысле, например, безопасность в общественных местах.

Несколько иной трактовки общественной безопасности придерживается в своей работе Б.П. Кондрашов. Под таковой он понимает систему «общественных отношений, урегулированных правовыми нормами в целях обеспечения безопасности личности, общественного спокойствия, благоприятных условий для труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций от угрозы, исходящей от преступных и иных противоправных деяний, нарушения порядка пользования источниками повышенной опасности предметами и веществами, изъятыми из гражданского оборота, явлений негативного техногенного и природного характера, а также других особых обстоятельств»[18]. В другом месте этой же работы он пишет, что «отношения в сфере общественной безопасности регулируются правовыми нормами. А отношения в сфере общественного порядка регулируются и правовыми, и иными социальными нормами»[18]. Даже при некоторой противоречивости некоторых формулировок (например, вряд ли явления «техногенного и природного характера» можно урегулировать правовыми нормами) результаты исследования данного ученого в сочетании с другими работами и правовыми источниками дают основание утверждать о том, что «общественную безопасность» можно рассматривать в широком и узком смыслах.

В широком смысле это состояние защищенности личности и общества от совокупности угроз противоправного, техногенного, природного, космического, экологического и иного характера различными по своему характеру и значимости мерами.

В узком смысле общественная безопасность — это состояние защищенности жизни и здоровья граждан, интересов общества от противоправных посягательств на улицах, стадио-

нах, парках, скверах, всех видах общественного транспорта, культурных, образовательных, религиозных учреждениях и иных общественных местах правовыми, организационными, инженерно-техническими, воспитательными, принудительными и иными мерами на законных основаниях.

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать ряд обобщающих выводов.

Рассмотренные в данной работе правовые категории «общественный порядок», «общественная безопасность», а также собственно понятие «безопасность», являются конституционными. Однако их содержание не раскрывается ни в одном законодательном акте последних лет, исключение не составил ни Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ, ни Федеральный закон «О полиции», хотя все перечисленные выше дефиниции приведены в данных нормативно-правовых актах. На наш взгляд, такое положение дел не может считаться правильным и предполагает внесение соответствующих изменений и дополнений.

При этом следует учесть, что понятие «общественный порядок» и «общественная безопасность» при общности цели, направленной на защиту разнообразных интересов личности и общества, взаимосвязи и взаимной обусловленности являются самостоятельными правовыми категориями. Соответственно, использование этих понятий в правотворчестве и правоохранительной практике должно учитывать особенности, специфику методов обеспечения каждой приведенной правовой категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2444.
2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 №390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 2.
3. О полиции: Федеральный закон от 28 января 2011 // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
4. Гришаев П.Ф. Преступления против общественной безопасности. — М.: Экзамен, 1959. — С. 4.
5. Еропкин М.И., Попов Л.Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. — Л.: Лениздат, 1973. — С. 7.
6. Веремеенко И.И. Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. — 1982. — № 3. — С. 27.

7. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. — М.: Книжный мир, 2004. — 720с.
8. Большая юридическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2005. — 688с.
9. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. — М.: НОРМА, 2006. — С. 205.
10. Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г. // Российская газета. — 2008. — 6 ноября.
11. Сырых В.М. Теория государства и права. — М.: Былина, 1998. — С. 310.
12. Тимошенко И. В. Теория государства и права: учебник / И.В. Тимошенко [и др.]. — Ростов н/Д.: Март, 2003. — С. 484.
13. Афанасьев В.С. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — С. 297.
14. Мухаев Р.Т. Теория государства и права. — М., 2005. — С.508.
15. Байтин М.И. Сущность права. — Саратов: СГАП, 2001. — С.402.
16. Мархгейм М.В. Правоведение: учебник. — 8-е изд. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — С.70.
17. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. — 3-е изд. — М.: Дело, 2009. — С.423.
18. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: монография. — М.: Щит-М, 1998. — С. 8,19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Коротких Анастасия Геннадьевна. Преподаватель кафедры государственного строительства и права.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал).

E-mail: nani2006@bk.ru

Тел.8-910-286-38-77.

Korotkih Anastasia Gennadievna. Lecturer of chair of state construction and law.

Russian Academy of the public economy and state service under the President of the Russian Federation.

E-mail: nani2006@bk.ru

Ключевые слова к статье: общество; личность; государство; безопасность; общественный порядок; общественная безопасность.

Key words: society; personality; state; safety; public order; public safety.

УДК 342.9

И.А. Кравцов

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРИЗНАКАХ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО
ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, НА ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА**

**TO THE QUESTION ON SOCIALLY-DEMOGRAPHIC SIGNS
OF THE PERSON OF THE CRIMINAL STEALING ANOTHER'S
PROPERTY WITH USE OF OFFICE POSITION,
IN TSENTRALNO-CHERNOZEMNY REGION**

В статье проведен анализ пола, возраста, уровня образования, семейного положения преступника, совершающего хищение чужого имущества с использованием служебного положения, на территории Центрально-Черноземного региона.

In article the analysis of a sex, age, an educational level, the marital status of the criminal stealing another's property with use of office position, in Tsentralno-Chernozemny region is carried out.

Изучение личности преступника считается одним из самых сложных аспектов криминологии. Достижение целей предупреждения отдельных видов преступлений, и в частности хищений с использованием служебного положения, возможно только при внимательном, тщательном изучении личности преступника учеными и правоприменителями. Личность занимает ведущую позицию в механизме противоправного поведения, именно она признается первопричиной совершения преступления, подталкивающей на него. Обладая определенными особенностями, она предрасполагает лицо к нарушению уголовного закона. Именно на корректировку особенностей личности должен быть направлен основной и сконцентрированный удар предупредительного воздействия.

Соглашаясь с мнением А.Б. Сахарова, мы считаем, что роль понятия «личность преступни-

ка» для науки и практики заключается в выделении нравственно-психологических свойств и особенностей личности, которые при стечении определенных обстоятельств в конкретной ситуации толкают лицо на выбор противоправного варианта поведения [1].

В научных кругах существуют разные взгляды относительно понятия «личность преступника» [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Определение, предложенное Е.Б. Кургузкиной, является универсальным и относится к личности преступника, совершившего любое преступление. Так, «под личностью преступника в науке криминологии следует понимать динамическое состояние лица, определяемое совокупностью различных негативных факторов, внешних и внутренних, социальных, биологических, психологических, представляющее собой идеальную модель, отличающуюся от других людей такими

особенностями, как отчуждение от нормальных связей, отношений, ценностей, более низкий уровень образования и культуры, более низкая нравственность, выражающаяся в признании возможности использования криминальных средств достижения цели, а также сочетание таких психологических черт, как гипертрофированная импульсивность, ригидность, тревожность, паранойяльность» [7].

Стоит отметить, что некоторые предложенные характеристики не относятся к личности преступника, совершившего хищение чужого имущества с использованием служебного положения.

В криминологии формируются различные структуры для изучения личности преступника [8, 9, 10, 11, 12, 13].

В своем исследовании мы опираемся на следующие элементы структуры личности преступника:

- 1) социально-демографические и уголовно-правовые признаки;
- 2) социальные проявления в различных сферах общественной жизни;
- 3) нравственно-психологические свойства.

Рассмотрим подробнее социально-демографические признаки личности преступника, совершившего хищение чужого имущества с использованием служебного положения, в Центрально-Черноземном регионе.

К социально-демографическим признакам в криминологии принято относить пол, возраст, образование, семейное положение.

Статистические данные по Центрально-Черноземному региону за период с 2004 по 2010 год позволяют провести анализ информации о личности преступника, совершившего преступление исследуемой категории [14].

Проведенное нами исследование показало, что в последние годы, 2009 и 2010, хищения чужого имущества с использованием служебного положения стабильно преобладающе совершают женщины. В 2009 году удельный вес женщин, совершивших преступления данной категории, составлял 52%, в исследуемом периоде это является максимальным показателем. При более глубоком рассмотрении нами выявлено, что соотношение в среднем в периоде с 2004 по 2010 год по половому признаку, между мужчинами и женщинами, выглядит как 53% и 47% соответственно.

Следует обратить внимание на тот факт, что совершенно иная ситуация складывается с лицами, совершившими преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ, с использованием служебного положения. Проведенное анкетирование показало соотношение

мужчин и женщин как 60% и 40% соответственно [15].

Данный факт можно объяснить сложностью совершения изучаемых преступлений. Они заблаговременно подготавливаются, требуют определенных навыков и умений, служебного положения, подвижности.

С 2004 по 2010 год только в 2004 году женщины преобладали при совершении мошенничеств с использованием служебного положения, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, и составили 53%.

А при присвоении и растрате с использованием служебного положения, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, прослеживается иная тенденция. Доля мужчин и женщин, совершающих рассматриваемые преступления, составляет соответственно 44% и 56% в среднем в исследованном периоде. По данным, полученным в ходе проведения анкетирования осужденных, соотношение выглядит иначе, хотя общие тенденции имеют место, — 38% мужчин и 62% женщин. Исследования Ю.М. Антонына и В.Е. Эминова подтверждают наши выводы [4].

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают предположение М.Д. Лысова, который еще в 1972 году высказал предположение о том, что «мужчины и женщины, находясь в одинаковых социальных условиях, занимая одни и те же должности на предприятиях, в учреждениях и организациях, совершают одни и те же преступления» [16]. Показатели удельного веса лиц, совершивших хищения с использованием служебного положения, свидетельствуют о том, что и мужчины, и женщины занимают равное положение в сферах деятельности, подверженных совершению хищений с использованием служебного положения на территории Центрально-Черноземного региона в исследуемом периоде.

Следующим социально-демографическим признаком личности преступника является возраст.

Изученные статистические данные свидетельствуют о том, что большую часть хищений с использованием служебного положения в исследуемом периоде совершали лица в возрасте 30—39 лет, составляющие в среднем показателе в исследуемом периоде 39%. Хотя в 2010 году наибольший показатель имеет возраст 50—59 лет.

Мы считаем, что именно к этому возрасту лицо достигает определенного служебного положения, становится обладателем определенных профессиональных навыков, так необходимых для совершения преступления данной категории, и надеется быть не пойманным.

Ранее учеными отмечалось, что среди тех, кто совершил хищения имущества замаскированными способами, преобладают преступники старше 30 лет [4].

Лица в возрасте от 16 до 17 и от 60 лет и старше хотя и совершают преступления данной категории, но разово, не в массовом масштабе. Это можно объяснить спецификой совершения рассматриваемых преступлений. Лица в возрасте от 16 до 17 лет не занимают должности в организациях, они не имеют возможности незаконно распорядиться материальными ценностями. На меньшую криминогенную активность лиц старше 60 лет указывают многие авторы [4, 6]. Жизненный опыт, неприязненное отношение к противоправным деяниям, иные ценности, высокий уровень безработицы не позволяют им систематически совершать преступления.

Проведенное анкетирование осужденных за совершение хищения чужого имущества с использованием служебного положения показывает, что при совершении преступлений с использованием служебного положения, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, также преобладает возраст 30-39 лет. Иначе обстоит дело с лицами, участвовавшими в анкетировании, осужденными за совершение мошенничества с использованием служебного положения, среди них преобладает, хотя и незначительно, возрастная группа 50—59 лет — 27%, а группа 30—39 лет составляет 26%. Данное незначительное расхождение с уголовной статистикой объясняется ограниченностью круга лиц, принимавших участие в анкетировании. Анкетирование проводилось среди осужденных, стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях подразделений ФСИН России на территории Центрально-Черноземного региона. Мы считаем, что в большинстве случаев мошенничество с использованием служебного положения все-таки совершают лица в возрасте 30—39 лет.

Однако особую озабоченность вызывает стабильный рост в последние годы числа выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 159 УК РФ, с использованием служебного положения, в возрасте 40—49 лет с 7% от общего числа таких преступников в 2006 году, до 28% — в 2010, являясь максимальным в период с 2004 по 2010 года, достигая тем самым в 2010 году показателя возрастной категории 30—39 лет. Увеличение в 4 раза количества лиц, совершивших вышеуказанные преступления, позволяет нам сделать вывод, что возраст 40—49 лет наиболее криминогенно опасен. Бурный рост можно объяснить тем, что в данном возрасте лицо уже не только обрело необходимый профессиональный опыт, необходимый для совершения рассматриваемых хищений, но и набра-

лось жизненного опыта, обрело связи, а главное, у таких лиц увеличивается объем расходов, растут потребности. Возникает уверенность в силу обретенного опыта быть не пойманным. Они начинают задумываться о достатке в старости. Мечты о карьере в таком возрасте уже исчезают, начинается банальный расчет, который для решения насущных жизненных проблем подталкивает данную категорию лиц к совершению хищения.

Переходя к рассмотрению образовательного уровня лиц, совершающих хищения с использованием служебного положения, необходимо обратить внимание на то, что он был всегда высок.

Так, более половины лиц, совершивших хищения с использованием служебного положения, по данным уголовной статистики, имеют высшее (39%) и среднее профессиональное (34%) образование.

Исследованные статистические показатели за период с 2004 по 2010 год позволяют нам сделать вывод о том, что лица, совершающие хищения с использованием служебного положения на территории Центрально-Черноземного региона, довольно часто имеют в своем арсенале высшее образование. Учитывая, что мошенничество в основном относится к высокоинтеллектуальным преступлениям, преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 159 УК РФ, с использованием служебного положения, явно преобладающе совершают лица, имеющие высшее образование (58%). По иному обстоит дело с хищениями, предусмотренными ч. 3 ст. 160 УК РФ, с использованием служебного положения их чаще всего совершают лица, имеющие среднее профессиональное образование (37%).

Вышеперечисленное подтверждается и проведенным анкетированием осужденных. 45% лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, с использованием служебного положения, имеют высшее профессиональное образование, 42% — среднее профессиональное. 47% осужденных за совершение присвоения и растраты с использованием служебного положения обладают средним профессиональным образованием, 45% — высшим.

Хищения с использованием служебного положения на территории исследуемого региона совершают лица, являющиеся дипломированными специалистами, имеющими высшее либо среднее профессиональное образование, а также среднее (полное) общее, так как для совершения преступлений данной категории как минимум необходимо занимать служебное положение и обладать довольно высоким уровнем образованности. Проведенное исследование подтверждает слова В.В. Лунеева о том, что хищения, присвоения чужой собственности, злоупотребления сво-

им служебным положением, деяния коррупционного характера совершаются лицами с относительно высоким уровнем образования [6].

Данные о семейном положении в уголовной статистике не учитываются, но для криминологии имеют важное значение [2]. Проведенное нами анкетирование показало, что на момент совершения преступления с использованием служебного положения, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, 46% осужденных состояли в законном браке, а при совершении присвоения, растраты с использованием служебного положения, ответственность за которые закреплена в ч. 3 ст. 160 УК РФ, данный показатель составил 60%. Полученные данные свидетельствуют о том, что мошенничество с использованием служебного положения, предусмотренное ч. 3 ст. 159 УК РФ, чаще совершают лица, не состоящие в браке, не обремененные обязательствами перед семьей. Присвоения, растраты преобладающе совершили осужденные, состоящие в законном браке.

При изучении информации, полученной в ходе анкетирования, были выявлены определенные закономерности влияния самого факта осуждения на семейное положение виновного. Так, совершая мошенничество с использованием служебного положения, 54% лиц не состояло в браке, а совершая присвоение — 40%. А на момент проведения анкетирования той же группы респондентов, совершивших мошенничество с квалифицированным признаком «использование своего служебного положения», увеличилось количество лиц, не состоящих в браке, до 59%, с присвоением, растратой прослеживается аналогичная тенденция, показатель составил 51%.

Озвученное позволяет прийти к выводу, что сам факт осуждения лица оказывает непосредственное влияние на его семейное положение. Увеличивается число, лиц, не состоящих в браке. Думается, данный факт можно объяснить тем, что супруг (супруга) виновного отрицательно относится к его осуждению, разводом выражая свое негативное отношение к его противоправному поведению.

Проведенное исследование дает возможность составить модель личности преступника, совершающего хищение с использованием служебного положения. В большинстве случаев это мужчина в возрасте 30—39 лет, имеющий семью, высшее профессиональное образование.

Мошенничества с использованием служебного положения совершают лица, обладающие всеми перечисленными выше характеристиками, но не имеющие семьи.

Присвоение, растрату с аналогичным квалифицирующим признаком совершают чаще жен-

щины в возрасте 30—39 лет, имеющие семью, среднее профессиональное образование.

Выявленные социально-демографические признаки личности преступника, совершившего хищение чужого имущества с использованием служебного положения на территории Центрально-Черноземного региона, позволят правоохранительным органам более эффективно противодействовать исследованной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахаров А.Б. Актуальные вопросы учения о личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника: сборник научных трудов. — М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1979. — С. 10—18.
2. Личность преступника / С.Б. Алимов [и др.]; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М.: Юрид. лит., 1971. — 356 с.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 1997. — 510 с.
4. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминологическое исследование. — М.: Норма, 2010. — 368 с.
5. Курганов С.И. Теоретические вопросы изучения личности преступника // Личность преступника и предупреждение преступлений: сборник научных трудов. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. — С. 26—33.
6. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть. — М.: Юрайт, 2011. — 1002 с.
7. Кургузкина Е.Б. Учение о личности преступника: монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2002. — 212 с.
8. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. — М.: Госюриздат, 1961. — 279 с.
9. Антонян Ю.М. О структуре личности преступника и особенностях ее системных связей // Труды ВНИИ МВД СССР. — М., 1974. — № 29. — С. 99—100.
10. Антонян Ю.М. Системный подход к изучению личности преступника // Советское государство и право. — 1974. — № 4. — С. 88—93.
11. Антонян Ю.М. Преступник как предмет криминологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. — 1981. — Вып. 34. — С. 38—46.
12. Антонян Ю.М., Саблина Л.С. Краткий курс криминологии: учебное пособие. — М.: МГЭИ, 1997. — 160 с.
13. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учебное по-

сбие. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. — 132 с.

14. Данные предоставлены ИЦ УВД по Белгородской области за январь—декабрь 2002—2009 года по запросам № 671 от 31 марта 2010 года; №1156 от 19 мая 2010 года; ИЦ ГУВД по Воронежской области за январь—декабрь 2002—2009 года по запросу №669 от 31 марта 2010 года; ИЦ УВД по Курской области за январь—декабрь 2002—2009 года по запросу №672 от 31 марта 2010 года; ИЦ УВД по Липецкой области за январь—декабрь 2002—2009 года по запросу №668 от 31 марта 2010 года; ИЦ УВД по Тамбовской области за январь—декабрь 2002—2009 года по запросу № 670 от 31 марта 2010 года; ИЦ УВД по Белгородской области, ИЦ ГУВД по

Воронежской области, ИЦ УВД по Курской области, ИЦ УВД по Липецкой области, ИЦ УВД по Тамбовской области за январь—декабрь 2010 года по запросу №438 от 03 марта 2011 года.

15. Данные получены в ходе анкетирования осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ч.ч. 3 ст.ст. 159, 160 УК РФ, на основании письма об оказании содействия в УФСИН по Воронежской области № 2365 от 28 сентября 2010 года, на основании письма об оказании содействия в УФСИН по Липецкой области № 2366 от 28 сентября 2010 года.

16. Лысов М.Д. Личность преступника, совершающего должностное преступление // Личность преступника. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. — 187 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Кравцов Иван Александрович. Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Воронежский институт МВД России.

Email: kia52@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 700545.

Kravtsov Ivan Alexandrovich. The lecturer of the Criminal Law and Criminology chair.

Voronezh institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 700545.

Ключевые слова к статье: личность преступника; пол; возраст; уровень образования; семейное положение, хищение; использование служебного положения; Центрально-Черноземный регион.

Key words: criminal person; sex; age; education level; the marital status; plunder; use of office position; Tsentralno-Chernozemny region.

УДК 343.9

Р.Р. Палеха,
кандидат юридических наук, доцент,
Центральный филиал Российской
академии правосудия (г. Воронеж)

ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ*

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-6089.2010.6

SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF INTEGRATIVE LAW*

* This work was supported by the grant of the President of the Russian Federation № МК-6089.2010.6

В статье рассматривается интегративное правопонимание, которое в современный период приобретает всё большую популярность и продолжает укреплять свои теоретические и практические позиции. Делается вывод, что существующий методологический кризис юридической науки возможно преодолеть в рамках интегративного подхода, который позволяет рассматривать право как целостное социальное явление, что указывает на важное теоретическое значение данного направления правовой мысли и широкое формально-юридическое выражение права, в чем выражается практическое значение интегративного правопонимания.

The article deals with an integrative understanding of law, which is becoming increasingly popular and continues to strengthen its theoretical and practical positions. The author comes to the conclusion that the current methodological crisis of legal science can be overcome within the framework of an integrative approach that allows us to consider law a holistic social phenomenon which points to an important theoretical significance of this area of legal thought. Practical significance of integrative law is in its broad formal and legal expression of law.

Современный период отечественной юридической науки характеризуется тем, что интегративное правопонимание приобретает всё большее значение и продолжает укреплять свои теоретические и практические позиции. Пристальное внимание к интегративной юриспруденции продиктовано самим временем. В этой связи В.А. Сапун пишет: «В современной юриспруденции все большее распространение получают идеи о правопонимании с позиции интегративной юриспруденции. И это объяснимо. Интегративная юриспруденция в большей степени отвечает современным запросам времени в условиях глобализации и сближения различных правовых систем современной цивилизации» [1].

Актуальность данного направления правовой мысли подтверждает Н.А. Тузов. Ученый считает, что в вопросе современного правопонимания, как и

в других вопросах вообще, наступило «время собирать камни» [2]. Таким образом, развитие данного направления правовой мысли — это закономерность, обусловленная неудовлетворительным состоянием существующего теоретического и методологического инструментария познания права, динамично изменяющимися характеристиками правовой действительности и стремлением юридической науки ей соответствовать. Здесь уместно заметить, что современная отечественная юридическая наука испытывает серьезный методологический кризис, поскольку традиционные концепции правопонимания не справляются с методологическими задачами, предъявляемыми новой правовой действительностью XXI века.

На синтез различных типов правопонимания в рамках интегративного подхода указал В.В. Ершов, который отмечает, что: «необходимо выработать

интегральное правопонимание на основе различных типов правопонимания (например, социологического, легистского, естественно-правового и либертарного), содержащее в себе только устоявшиеся веками выводы и предложения, подтвержденные долготейшей, стабильной и эффективной правореализационной практикой» [3]. Данный вывод с определенной долей несовпадений в типах правопонимания подтверждается позицией американского историка и философа права Гарольда Дж. Бермана: «Нам необходимо преодолеть... заблуждения относительно исключительно политической и аналитической юриспруденции («позитивизм»), или исключительно философской и моральной юриспруденции («теория естественного права»), или исключительно исторической и социологической юриспруденции («историческая школа», «социальная теория права»). Нам нужна юриспруденция, которая интегрирует все три традиционные школы и выходит за их пределы». Здесь уместно согласиться с мнением В.А. Сапуна, который указывает, что «интегративная юриспруденция отличается не эклектичным соединением идей о праве известных школ правопонимания, а поднимает процесс познания сущности права на новый уровень правовидения» [1].

Таким образом, нельзя сказать, что интегративная юриспруденция, по существу, представляет собой неудачную попытку эклектического соединения противоречивых позиций [4], поскольку это упрощенный подход к пониманию данного направления правовой мысли, далекий от своей сути. Интегративное правопонимание — это отнюдь не искусственно созданное учение, а ответная реакция самой правовой доктрины на односторонность понимания права, наблюдаемую в русле традиционных типов правопонимания, которые в той или иной форме сами признают, что в их узких рамках право никак не может помещаться и, таким образом, ставят вопрос о неизбежности синтеза различных школ правопонимания.

На мой взгляд, очевидным является тот факт, что право нельзя понимать исключительно как норму права, к чему призывает формально-догматический позитивизм, т.к. процесс правообразования не начинается и не ограничивается правотворческой деятельностью управомоченных субъектов, он гораздо шире и сложнее и право создается системой развивающихся общественных отношений, в которых государство должно его обнаружить, выделить и, не исказив его сущности, перевести в нормативный язык правовой материи. Таким образом, право, в целях объективности его оценки, должно восприниматься более разнообразно. Также нельзя сводить право к правосознанию, правовым идеям (психологическая школа), отождествлять с правами человека (естественно-правовой подход), утверждать, что оно представляет собой исключительно срез конкретной социальной действительности (социологическая юриспруденция),

поскольку такой подход является малопродуктивным, неоправданно сужает границы понимания права, недопустимо обедняя его содержание.

С позиции интегративного правопонимания, результатом правотворческой деятельности является весьма разнообразная система форм права. Как указывают В.В. Ершов и В.В. Ершов: «К формам международного и российского права — однородным элементам системы форм права (международного и российского права) в Российской Федерации можно отнести основополагающие принципы международного права, международные договоры, содержащие нормы права; международные обычаи, содержащие нормы права; основополагающие принципы российского права; нормативные правовые акты, содержащие нормы права; нормативные правовые договоры, содержащие нормы права, и обычаи российского права, содержащие нормы права» [5].

Сторонник интегративного правопонимания Р.А. Ромашов предлагает иную классификацию форм права, но, что принципиально, основывает свой взгляд не на узком нормативном, а широком понимании права. Р.А. Ромашов отмечает, что «право в формально-юридическом смысле представляет совокупность формальных источников, включающих в себя первичные и основные (законодательные акты); производные (нормативные интерпретационные акты); вторичные (международные акты, нормативные договоры, юридические обычаи)» [6].

Заслуживает внимания позиция В.В. Трофимова, который пишет: «...В рамках правовой системы должен существовать баланс между различными формами (источниками) права, так как ни одна из известных форм не может считаться универсальной. Достигнуть этого баланса можно при помощи разумной правовой политики, создав соответствующие условия для их комплиментарного взаимодействия. Это позволит обеспечить оптимум правового регулирования и на этой основе — стабильность в правовой системе» [7].

Таким образом, интегративное правопонимание широко понимает правотворчество с позиции его результатов (форм права) и уже тем самым превентивно устраняет саму возможность появления пробелов в праве и создает для правоприменителей механизм эффективной правовой защиты прав, свобод, законных интересов различных субъектов правоотношений. Правотворчество, с позиции интегративной концепции правопонимания, не ограничивается рамками создаваемого им нормативного правового акта как своего значительного, но далеко не единственного результата, а совершенно обоснованно в системе форм права отводит место и иным его формам, которые в совокупности и образуют необходимый нормативный массив, предназначенный для обеспечения максимально полной правовой регламентации наиболее значимых сфер общественной жизни.

Наибольший интерес в оценке различных форм права вызывает позиция В.В. Ершова в отношении принципов российского права, основанная на широком правопонимании. Так, он пишет: «С позиции интегративного правопонимания теоретически спорно ограничивать принципы российского права только принципами, закрепленными в одной его форме — в российских нормативных правовых актах, поскольку фактически существуют различные принципы российского права. Во-первых, принципы «закреплены» и в иных формах российского права — нормативных правовых договорах и обычаях российского права. Во-вторых, принципы, существующие самостоятельно, по каким-либо объективным или субъективным причинам не «закрепленные» в иных формах российского права». Далее, В.В. Ершов делает вывод практического свойства: «...Во-первых, в случае применения судами принципов российского права нет пробела в праве, во-вторых, принципами российского права необходимо руководствоваться непосредственно, а не по «анalogии права» [8]. Данные выводы стали доступны в условиях интегративного правопонимания, которое продемонстрировало способность преодолевать рамки юридического позитивизма, что является свидетельством важного теоретического значения данного направления правовой мысли и создает условия для его практического вклада в переосмысление правотворческой и правоприменительной деятельности в целях повышения ее эффективности. В связи с чем для правовой системы важным является не простое декларирование широкого понимания форм права, а их законодательное закрепление, которое создаст реальную возможность обращения к ним различных субъектов права для защиты своих прав, свобод и законных интересов.

Особое значение в этой связи представляет проект Федерального закона «О формах российского права», предложенный В. В. Ершовым, В. В. Ершовым, Е. А. Ершовой, в котором «определяются единые требования к формам российского права, их подготовке к внесению, рассмотрению, принятию (заключению, выработке), опубликованию, толкованию и систематизации; устанавливается иерархия форм российского права и видов российских нормативных правовых актов, определяются способы установления и устранения коллизий; регулируется планирование правотворческой деятельности, толкование основополагающих принципов и норм права, содержащихся в формах российского права; вырабатываются правила законодательной техники, вступления настоящего Федерального закона в силу и приведения в соответствие с ним иных нормативных правовых актов, содержащих нормы права». Несомненную ценность представляет

статья 18 данного проекта Федерального закона, которая устанавливает следующую систему форм российского права: основополагающие принципы российского права; нормативные правовые акты, содержащие нормы права; нормативные правовые договоры, содержащие нормы права; обычаи, содержащие нормы права [9].

Указанный проект Федерального закона «О формах российского права» в прикладном аспекте является более чем значимым, а его принятие выступает настоятельной необходимостью, без чего невозможна эффективная правотворческая и правоприменительная деятельность уполномоченных субъектов.

Данное законодательное предложение, выработанное в рамках интегративного правопонимания, в определенной степени способствует разрешению проблемы, на которую обратил внимание О.Э. Лейст. Ученый писал: «...В современных условиях возможна и необходима разработка не только теоретической стороны различных правовых концепций, но и методики претворения их в практику правотворчества и правореализации» [10].

На наш взгляд, обращение современной правовой доктрины к идеям интегративного правопонимания — это естественный результат мучительных попыток поиска выхода из методологического кризиса. То, что именно в наше время этот процесс максимально обострился указывает, что критическая конфликтная масса, представленная различными типами правопонимания, исчерпала свой созидательный ресурс, теперь настало время для научного диалога потенциалов существующих направлений правопонимания, поскольку иного пути просто не существует. И насколько бы ни была продолжительна и извилиста дорога к интегративному правопониманию, она неизбежно привела бы к данному направлению правовой мысли как естественной «обители» права. При всем уважении к монистическим концепциям правопонимания следует учитывать, что они позволяют раскрыть только одну из граней права. Но право, по общему признанию, выступает сложным социальным и культурно-историческим феноменом. Таким образом, само право, суть которого интегративна, не позволяет для объективной его оценки применять методологический инструментарий, имеющий одностороннее и зауженное понимание, предлагаемый традиционными типами правопонимания. С позиции интегративного правопонимания право рассматривается как целостное социальное явление, что указывает на важный теоретический аспект данного направления правовой мысли и широкое формально-юридическое выражение права, в чем заключён практический аспект интегративного понимания права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапун В.А. Современное правопонимание: от плюрализма к интегративной юриспруденции // Теоретические и практические проблемы правопонимания: материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. — М.: РАП, 2010. — С. 157.
2. Тузов Н.А. Закономерности правопонимания и источники права // Теоретические и практические проблемы правопонимания: материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. — М.: РАП, 2010. — С. 180.
3. Ершов В.В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права: монография. — М.: РАП, 2010. — С. 4.
4. Родионова О.В. К вопросу о проблемах правопонимания в контексте формирования правового государства в современной России // История государства и права. — 2003. — № 6. — С. 13.
5. Ершов В.В., Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. — 2009. — № 1. — С. 15.
6. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм как тип интегративного правопонимания // Теоретические и практические проблемы правопонимания: материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. — М.: РАП, 2010. С. 98.
7. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.А. Придворова. — Саратов: Саратовская государственная академия права, 2009. — С. 307.
8. Ершов В.В. Юридическая природа принципов российского права с позиции легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. — 2010. — № 1. — С. 19, 21.
9. Ершов В.В., Ершов В.В., Ершова Е.А. Федеральный закон «О формах российского права» (проект) // Российское правосудие. Теория права и государства. — М.: РАП, 2009. — С. 292, 300.
10. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. д-ра юрид., проф. В.А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2008. — С. 333.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Палеха Роман Робертович. Доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин. Кандидат юридических наук, доцент.

Центральный филиал Российской академии правосудия (г. Воронеж).

Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95. Тел. 8 (473) 2-76-58-40.

E-mail: sea@vmail.ru

Paleha Roman Robertovich. Assistant professor of the chair of general theoretical legal disciplines. Candidate of Law, assistant professor.

The State Educational Institution of Higher Professional Education «The Russian Academy of Justice», The Central branch (Voronezh).

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Dvadsatiletia Oktyabrya Str., 95.

Tel. 8 (473) 2-76 - 58 - 40.

Ключевые слова к статье: право; сущность права; правопонимание; типы правопонимания; интегративный подход; позитивизм; естественно-правовая теория; социологический подход; методологический кризис; юридическая наука.

Key words: law; the essence of law; understanding of law; type of understanding of law; integrative concepts; positivism; natural law theory; sociological approach; methodological crisis; jurisprudence.

УДК 340.1

В.В. Попова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «КОРРУПЦИЯ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ»

TO A QUESTION ON CONCEPTS “CORRUPTION” AND “CRIMES OF A CORRUPTION ORIENTATION”

Проанализированы различные научные точки зрения относительно понятий «коррупция» и «преступления коррупционной направленности».

Various scientific points of view of concepts “corruption” and “crimes of a corruption orientation” are analysed.

На сегодняшний день борьба с коррупцией является одной из самых острых международных проблем.

Главная опасность коррупции заключается в том, что она «разрушает» государственную власть, делает ее немогущей, фиктивной, слабой. Коррупция формирует такие негативные качества общественного правосознания, как неверие в справедливость, правовой нигилизм, возрастание недоверия к правоохранительным органам. Значительная часть населения, не доверяя органам государственной власти, не желает оказывать им помощь в выявлении и пресечении преступлений. Таким образом, подрывая авторитет власти, коррупция препятствует реализации общественных интересов как внутри государства, так и за его пределами. Коррупция оказывает влияние на все сферы общества, его политическое, экономическое и культурное развитие.

Борьба с различными формами коррупции в России также осуществлялась на протяжении всей ее многовековой истории, однако борьба эта была локальной, эпизодической, а не системной. Более того, она неизменно носила двойственный характер — с одной стороны, власть пыталась запретить незаконное обогащение чиновников, вводила законодательные меры борьбы с проявлениями коррупции, с другой стороны, на протяжении длительного времени в древней и средневековой Руси существовал институт «кормления» — направления

князем своих воевод, наместников в провинцию без денежного вознаграждения, с тем чтобы они «кормились» (содержались) населением соответствующей территории. Указанный институт в связи с длительностью существования прочно вошёл в национальный менталитет как элемент культуры управления, плоды которого мы пожинаем до настоящего времени.

Еще совсем недавно в учебниках содержалась констатация того, что в социалистическом обществе нет сращивания преступного мира с государственным аппаратом. Советская власть не признавала существования самого термина «коррупция», вместо него использовались термины «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и др. Отрицая термин, отрицали понятие и, соответственно, само явление, которое, тем не менее, было широко распространено.

В настоящее время в курсе криминологии вопросу об изучении коррупционной преступности отводится самостоятельное место.

Учитывая важность данной проблемы, Россия в 2006 г. во время саммита G8 в Санкт-Петербурге присоединилась к антикоррупционной Инициативе по борьбе с коррупцией среди высших должностных лиц, а 1 февраля 2007 г. официально вступила в группу стран по борьбе с коррупцией (далее — ГРЕКО), после того как ратифицировала Конвенцию ООН против кор-

рупции [1] и Конвенцию Совета Европы по уголовной ответственности за коррупцию [2].

ГРЕКО была создана в 1999 году для мониторинга антикоррупционных стандартов Совета Европы в странах, вступивших в эту организацию. Задача ГРЕКО — совершенствовать работу по борьбе с коррупцией на национальном уровне. Страны, входящие в ГРЕКО, прибегают к многосторонней оценке ситуации и могут оказывать давление на национальные органы борьбы в этой сфере. Работа группы позволяет определять недостатки антикоррупционной политики и стимулировать развитие законодательных, административных и исполнительных систем. На сегодняшний день в ГРЕКО состоят 45 стран «Большой Европы» и США [3].

Указанные выше конвенции содержат разработанные на основании опыта зарубежных государств нормы, направленные на предупреждение и противодействие коррупции как на национальном, так и на международном уровне.

Более того, Президентом России Д.А. Медведевым утверждены разработанный под его руководством Национальный план противодействия коррупции (2008 г.) [4], представляющий собой развернутую программу разработки и принятия мер по противодействию коррупции, и Национальная стратегия противодействия коррупции (2010 г.) [5].

А в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года Президент России Д.А. Медведев отметил, что борьба с коррупцией должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым, проявлениям этого социального зла [6].

Указанная преступная деятельность в юридической литературе и нормативных правовых актах обозначается различными терминами: «преступления коррупционной направленности», «коррупционные преступления», «коррупционные правонарушения», «коррупция».

Однако ключевым понятием в этих дефинициях является «коррупция».

Термин «коррупция» имеет латинское происхождение, что означает:

- порчу, упадок;
- соращение, подкуп;
- расстройство, расшатанность, плохое состояние здоровья;
- извращенность, превратность (мнений).

При анализе коррупционного поведения в обществе даже среди известных отечественных специалистов возникают споры по поводу тождественности терминов «коррупция» и «коррупционная преступность». На наш взгляд, эти два термина имеют общее лингвистическое происхождение, но должны иметь разное толкование.

Исследований коррупционной преступности сегодня достаточно, но до настоящего времени остается открытым вопрос, какие близкие между собой по содержанию деяния включает в себя коррупционная преступность и какие преступления следует считать коррупционными.

Практика государственного и общественного реагирования на коррупционную преступность в одно и то же время в разных государствах находится в зависимости от различных объективных и субъективных факторов их развития. Но даже в одних и тех же государствах подходы к противодействию коррупции в различные исторические периоды были не одинаковы.

При определении понятия «коррупция» нельзя не учитывать международный опыт. Так, неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру — Transparency International (Основана в 1993 году бывшим директором Всемирного банка Петером Айгеном в Берлине. В настоящий момент у организации существуют филиалы по всему миру) под коррупцией понимает комплекс явлений, связанный с использованием чиновниками своего служебного положения для извлечения личной выгоды (взяточничество, мошенничество, растрата, фаворитизм) [7].

В отечественной научной литературе существует множество определений понятия коррупции. Приведем только некоторые из них:

Коррупция — это социально негативное явление, выражающееся в подкупе одних лиц другими [8].

Коррупция — это разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях [9].

Коррупция — это сложное социально-правовое явление, связанное с подкупом лиц, находящихся на государственной или общественной службе, получением ими дополнительных доходов, благ и привилегий за совершение умышленных действий или бездействия (в том числе в интересах третьих лиц) вопреки интересам государства и общества [10].

Коррупция в общественно-социальном значении представляет собою девиантное поведение должностных лиц, выражающееся в нелегитимном использовании, вопреки интересам общества, государства и других лиц, имеющих у них полномочий, вытекающих из них возможностей, а также иных общественных ресурсов, доступ к которым они имеют в связи со своим статусом или фактическим положением, для извлечения выгоды в личных, узкогрупповых или корпоративных целях [11].

Коррупция — это противоправное общественно опасное явление, характеризующееся подкупом-продажностью должностных лиц и на этой основе корыстным использованием ими в

личных или корпоративных интересах должностных полномочий, а также связанных с ними возможностей, наносящее существенный урон авторитету государственных органов [12].

Таким образом, коррупция — опасное общественное явление, разлагающее государственный аппарат, подрывающее основы его нормального функционирования.

По российскому уголовному законодательству коррупция не является самостоятельным составом преступления, а теоретически охватывает несколько должностных и экономических преступлений (взяточничество, злоупотребление и превышение должностных полномочий, служебный подлог, вымогательство и др.).

Кроме того, в отечественной науке существуют и различные классификации коррупции [13]. Так, коррупционные действия в зависимости от выбранного основания, могут быть разделены на политическую и бюрократическую коррупцию, согласованную и принудительную, децентрализованную и централизованную, чисто уголовную (в основном экономического характера) и политическую, которая, в свою очередь, подразделяется на отклоняющееся и преступное поведение.

Как мы видим, существует узкая трактовка понятия коррупции как социального явления, заключающегося в подкупаемости и продажности государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей. Более широкое содержание понятия коррупции, по мнению сторонников названной точки зрения, выхолащивает, размывает сущность коррупции.

Другие ученые предпочитают трактовать коррупцию более широко и ее ядром считают должностное злоупотребление. Последний из названных подходов разделяет и законодатель. В п. «а» ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [14] коррупция определяется как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Мы согласны с мнением С.И. Гирько и П.П. Елисова, что принятие указанного выше ФЗ «О противодействии коррупции» позволило установить рамочные федеральные правила (институциональное оформление) антикоррупционной политики [15].

Коррупция — общественно опасное противоправное деяние, и это не вызывает никаких сомнений. Данная категория рассматривается

специалистами неоднозначно. По их мнению, это относится и к правовой оценке, и к криминологической сущности явления, что однозначно сказывается на организации реального противодействия коррупции в целом и конкретным коррупционными преступлениями.

В уголовном законодательстве нет нормативно закрепленного понятия «коррупционное преступление». Однако соответствующее определение необходимо, так как позволяет законодательным и правоприменительным органам, эффективнее осуществлять правотворческую и правоприменительную деятельность.

По мнению некоторых ученых [22], коррупционные преступления характеризуются следующими признаками:

- они всегда представляют собой сделку между должностным или служащим лицом и лицом, заинтересованным в их определенном поведении;
- эта сделка носит обоюдно возмездный характер — от нее выигрывают обе стороны;
- эта сделка заведомо незаконна, так как она противоречит позитивному законодательству;
- эта сделка в большинстве случаев предопределяет поведение должностного лица или служащего при исполнении им своих служебных обязанностей, вне зависимости от того, действует ли он в соответствии с этими обязанностями, или нарушает их.

Помимо таких традиционных проявлений коррупции, как получение взяток и злоупотребление служебным положением, в настоящее время можно выделить следующие характерные формы коррупционного поведения:

- непосредственное участие должностных лиц и государственных служащих в коммерческой деятельности для извлечения личной или корпоративной прибыли;
- использование служебного положения для перекачки государственных средств в коммерческие структуры и обналичивания денег;
- предоставление льгот для своей корпоративной группы с отвлечением государственных ресурсов;
- использование служебного положения для воздействия на средства массовой информации с целью получения личной и корпоративной выгоды;
- лоббирование при принятии нормативных актов в интересах заинтересованных групп;
- злоупотребление служебным положением в процессе приватизации, сдачи в аренду государственного и муниципального имущества, лицензирования, квотирования экономической деятельности и пр.

Возможно, поэтому некоторые авторы считают коррупционную преступность частью должностной преступности. Так, по мнению В.И. Омигова, «должностная преступность — это совокупность преступлений коррупционного характера и должностная халатность», коррупция же, в свою оче-

редь, представляет собой «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [16].

По степени общественной опасности коррупционные деяния значительно серьезнее иных должностных и служебных правонарушений, т.к. всегда представляют собой сделку между должностным или служебным лицом и лицом, заинтересованным в его определенном поведении [17]. Повышенная общественная опасность коррупционных деяний продиктована тем, что, совершая их, должностное лицо руководствуется, как правило, своими корыстными интересами, а не интересами службы, и заключается в возможности третьих лиц произвольно, в зависимости только от назначенной цены и своих интересов, формировать поведение указанного субъекта. Поэтому сведение коррупционных деяний к должностным и служебным правонарушениям или преступлениям делает вообще нецелесообразным выделение их в качестве самостоятельной категории.

Нам же больше импонирует определение коррупционной преступности, предложенное И.Н. Клюковской, которая под коррупционной преступностью понимает сложное криминологическое явление, представляющее собой систему преступлений, в которых специальным субъектом выступает должностное лицо, использующее свое служебное положение и действующее из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности как в своих интересах, так и в интересах третьих лиц [18].

Необходимо отметить, что в законодательстве понятия «коррупция» как квалифицирующий признак и «коррупционное преступление» не определены, к сущности преступлений коррупционной направленности следует подходить с криминологических позиций. Соответственно, мы предлагаем в массе должностных преступлений, где должностное положение выступает квалифицирующим признаком конкретного состава преступления, выделить и отнести к коррупционным лишь те корыстно-должностные преступления, при совершении которых положение должностного лица значимо только для их криминологической оценки.

Таким образом, под коррупционным преступлением следует понимать виновно совершенное общественно опасное деяние, непосредственно посягающее на авторитет или охраняемые законом интересы государственной власти, местного самоуправления, государственной и негосударственной службы, выражающееся в незаконном получении лицом, имеющим статус должностного лица или служащего в государственном, муниципальном образовании, либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерче-

ской или иной организации, каких-либо благ в корпоративных, узкокорпоративных или личных интересах, если имеет место использование должностного, служебного положения как составной части механизма преступления.

Полагаем, что данное определение не противоречит Перечню №23 преступлений коррупционной направленности, введенному Указанием Генпрокуратуры РФ и МВД РФ «О введении в действие Перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция ООН против коррупции. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции». (СЗ РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1231).
2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173 (Страсбург, 27 января 1999 г.). Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ. Конвенция вступила в силу 1 июля 2002 г. Российская Федерация подписала настоящую Конвенцию 27 января 1999 г. (распоряжение Президента РФ от 25 января 1999 г. №18-рп). (Совет Европы и Россия. — 2002. — №2).
3. Петров В.И., Тихонова С.Н. Коррупция в Российской Федерации: мировые оценки / Преодоление коррупции — главное условие утверждения правового государства: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты. Межведомственный научный сборник. — М., 2010. — Том 2 (40). — С. 154—155.
4. Российская газета. — 2008. — 5 авг.
5. Российская газета. — 2010. — 15 апр.
6. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/transkripts/5979> (дата обращения: 06.04.2011).
7. Официальный сайт организации Transparency International // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ru.wikipedia.org.wiki> (дата обращения: 06.04.2011).
8. Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных наказаний / Вест. Моск. ун-та. — 1993. — Серия 11: Право. — №1. — С. 22.
9. Комиссаров В.С. Коррупция и уголовный закон .../ Вест. Моск. ун-та. — 1993. — Серия 11: Право. — №1. — С. 30.
10. Овчинский В.С., Овчинский С.С. Борьба с мафией в России: пособие в вопросах и ответах для сотрудников органов внутренних дел. — М.: СИМС, 1993. — С. 9.

11. Максимов В.К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры ее предупреждения в государственном аппарате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 8.

12. Позднякова Е.В. Коррупция в органах внутренних дел: понятие и пути преодоления // О роли правоохранительных органов в реализации Национального плана противодействия коррупции, утвержденного 13 июля 2008 г. Президентом Российской Федерации: Материалы круглого стола (Москва, 29 апреля 2010 г.). — М.: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2010. — С. 15.

13. Пиджаков А.Ю. Классификация коррупции и ее исследования // Преодоление коррупции — главное условие утверждения правового государства: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты: межведомственный научный сборник. — М., 2010. — Том 2 (40). — С. 150—152.

14. Российская газета (№4823). — 2008. — 30 дек.

15. Гирько С.И., Елисов П.П. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, как центр исследования научных проблем

правоохранительной направленности, включая противодействие коррупции // Преодоление коррупции — главное условие утверждения правового государства: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты: межведомственный научный сборник. — М., 2010. — Том 2 (40). — С. 123.

16. Омигов В.И. Криминология: курс лекций. — Пермь, 2000. — С. 246.

17. Илий С.К. Должностная преступность: криминологическая характеристика и предупреждение: монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2007. — С. 4—6.

18. Клюковская И.Н. Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2004. — С. 12.

19. Указание Генпрокуратуры РФ № 399/11, МВД №1 от 28.12.2009 г. (ред. от 30.04. 2010 г.) «О введении в действие Перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Попова Варвара Вячеславовна. Адъюнкт кафедры оперативно-разыскной деятельности.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел.(4732)262-33-89.

Varvara Vyacheslavovna Popova. Post-graduate cadet of the chair of operative and detective activity.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospekt Patriotov, 53. Tel.(4732)262-33-89.

Ключевые слова к статье: коррупция; коррупционные преступления; взяточничество; должностное злоупотребление; криминологическая оценка.

Key words: corruption; corruption crimes; bribery; official abusing; criminological estimation

ББК 67.99(2)

А.В. Пучнин

МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО ДОЛЖНОСТИ И СЛУЖБЕ

MECHANISM OF TRACES AS A BASIS CONSTRUCTION METHOD OF THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMICS COMMITTED A POST AND SERVICE

В статье рассматриваются вопросы криминалистической характеристики преступлений совокупности статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Определен ряд существенных свойств, позволяющих отнести данные составы преступлений с позиции методики уголовно-процессуального исследования к одной классификационной группе — преступления в сфере экономики, совершаемые по должности и службе.

The questions of criminalistic characteristics of crimes provided by articles of the criminal code of the Russian Federation. A number of essential properties are defined, allowing to include them into one classification group — crimes in the sphere of economics committed a post and service.

В настоящее время криминалистические методики чаще всего конструируются по основанию уголовно-правовой характеристики преступлений (методика расследования убийств, взыскания и т.д.). Ряд криминалистических методик создаются по другим основаниям: особенностям личности преступника, сферам экономической и социальной жизни, где они совершаются, и т.п.

При рассмотрении сообщения о преступлении уполномоченное лицо принимает решение о возбуждении уголовного дела по признакам определенного деяния на основании информации, которая выражается в обнаруженных и собранных следах, которые возникли в результате его совершения.

В самом общем виде отражение преступления в окружающей среде — это те изменения,

которые оно в ней вызывает. «Разумеется, — совершенно верно отмечает Р.С. Белкин, — не все составляющие процесса отражения одинаково значимы для практики борьбы с преступностью. Ведущую роль играют такие результаты этого процесса, как след и образ» [3. — С. 60].

В криминалистике (как, впрочем, и в других областях научных знаний) эти изменения-отражения принято делить на материальные (представляющие результат взаимодействия различных «сугубо материальных» объектов) и идеальные (субъективные образы материальной действительности, отображенные в памяти человека).

В то же время мы присоединяемся к мнению ряда ученых, обративших внимание и на третью группу изменений-отображений — виртуальные следы. Как пишет В.А. Мещеряков, одним из

первых сформулировавший это понятие, виртуальные следы есть следы, сохраняющиеся «в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой информации» [5. — С. 102].

Мы солидарны с учеными, полагающими, что в основе создания криминалистической методики должен лежать механизм слеодообразования, это обуславливается тем, что при установлении факта преступного деяния происходит процесс реконструкции действий, которые совершил преступник, и его облечение в процессуальные формы, что применимо даже при расследовании подготавливаемых преступлений, этот процесс возможен только при анализе и переработке следов [2].

Дело в том, что субъект преступления, для того чтобы совершить уголовно наказуемое деяние, независимо от своих личностных качеств должен совершить ряд типовых действий, оставляющих, в свою очередь, следы, которые в последующем могут обнаружены, изъяты, исследованы и будут использоваться в качестве доказательств. Сущность и характер этих типовых действий предопределяются содержанием диспозиции соответствующих норм уголовного закона, очерчивающих непосредственный объект, предмет определенного уголовно-наказуемого посяательства и другие элементы состава преступления; реально возможными способами реализации субъектом объективной стороны диспозиции определенного уголовно-наказуемого деяния, которое он решил совершить; мотивами совершения преступления.

Типовые действия, которые преступник вынужден совершать при приготовлении, исполнении и сокрытии преступления криминалистически определенного вида, его мотивы и способы выполнения неизбежно и неукоснительно ведут к возникновению характерных следов на соответствующих преступлениям этого вида объектах, их мотивации и способам реализации, т.е. обуславливают механизм слеодообразования как объективно возникающего отражения (отображения) механизма самого совершения преступления. Результаты этого процесса отражения возникают и существуют объективно, вне воли и сознания воспринимающих их субъектов.

Обоснованность и рациональность такого подхода к конструированию частной криминалистической методики состоит, думается, в том, что он позволяет рассматривать в качестве ее объекта преступления, опосредованные не только различными статьями УК РФ [1], но и расположенные в различных его главах, по основанию единства механизма слеодообразования в результате их совершения, а потому, следовательно, по единству действий по его переработ-

ке лицами и органами, осуществляющими уголовное преследование.

С этих позиций, по нашему мнению, вполне правомерным является рассмотрение в качестве криминалистически определенного вида преступлений, а следовательно, объекта единой криминалистической методики, совокупности преступлений в сфере экономики, совершаемых по должности и службе. К таковым мы бы отнесли следующие уголовно-наказуемые деяния:

1. Присвоение или растрата (ч. 3 ст. 160 УК РФ).

2. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ).

3. Регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ).

4. Незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ).

5. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ).

6. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК РФ).

7. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

8. Незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ).

9. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ).

10. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ).

11. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 3 ст. 183 УК РФ).

12. Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ).

13. Незаконные экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ).

14. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ).

15. Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ).

16. Преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ).

17. Фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

18. Злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ).

19. Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ).

20. Незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ).

21. Нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ).

22. Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285² УК РФ).

На наш взгляд, все эти преступления, несмотря на то, что они опосредованы разными статьями УК РФ и располагаются в различных его главах, в криминалистическом отношении имеют больше единства, чем различий. Их объединяет ряд существенных свойств, позволяющих отнести их с позиции методики уголовно-процессуального исследования к одной классификационной группе, в частности:

1. Все эти преступления совершаются в сфере экономической деятельности, характеризуются коррупционностью и зачастую корыстной направленностью.

2. Субъектами данных преступлений являются либо должностные лица (в смысле определения должностного лица, данного в примечании к ст. 285 УК РФ) либо лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации (понятие которых расшифровано в примечании к ст. 201 УК РФ).

3. Все эти деяния при всем их разнообразии предполагают совершение действий и (или) принятие решений по должности или службе их субъектами, что, как правило, требует их облечения в установленную соответствующими законами и инструкциями письменную форму. Поэтому они фиксируются в соответствующих документах — договорах купли-продажи, оказания услуг, административно-распорядительных документах организации, бухгалтерской документации и т. п.

4. Мотивами указанных выше преступлений являются корыстная или иная личная заинтересованность совершающих их субъектов.

Единство этих факторов предопределяет и единство типового механизма слеодообразования в результате совершения данными субъектами этих преступлений. Ими же, сразу скажем, также во многом обуславливается и единство методических следственных ситуаций, возникающих на различных стадиях и этапах уголовно-процессуального исследования этих преступлений.

К типовым объектам слеодообразования (в данном случае под ними мы понимаем объекты, на которых остаются следы) можно отнести следующие:

1. Документы, которые:

- содержат данные о финансовой деятельности физических и (или) юридических лиц, имеющих то или иное отношение к преступлению;

- отражают должностные или служебные действия субъекта преступления, в том числе непосредственно не относящиеся к экономиче-

ской деятельности (в данном случае главным образом имеются в виду организационно-распорядительные акты организаций и предприятий административного характера);

- содержатся в государственных, муниципальных и иных организациях (налоговых инспекциях, пенсионных фондах, Банке России, Федеральной регистрационной службе РФ и др.), подтверждая регистрацию, осуществление какой-либо деятельности (коммерческой или некоммерческой), наличие на нее лицензии и т.п.

Документы имеют особое значение при расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых по должности и службе, что обусловлено тем, что именно через них можно проследить истоки, природу и назначение денежных средств, иного имущества, имущественных прав, т.е. какие с ними осуществлялись финансовые операции, иные сделки, вводились ли они в сферу предпринимательской или иной экономической деятельности.

На наш взгляд, именно в документах содержится преобладающее количество следов уголовно-наказуемого деяния. При расследовании преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата с использованием своего служебного положения), именно в документах будет обнаружено подтверждение того, что имущество было вверено виновному и через какие финансовые механизмы осуществлялось его обращение, обособление, удержание и незаконное владение им как непосредственно субъектом преступления, так и третьими лицами. Применительно к воспрепятствованию законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) отказ в регистрации, создание препятствий предпринимательской деятельности будут выражены в документальной форме, даже в случае, если данный отказ не был выражен письменной форме, мы обнаружим следы преступления в заявлении на регистрацию и (или) получении разрешения осуществлять лицензируемые и требующие специального разрешения услуги. При расследовании преступлений, предусмотренных частями 2, 3, 4 ст. 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение сведений, составляющий коммерческую, налоговую или банковскую тайну), а также ст. 189 УК РФ (незаконные экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники, лицом, наделенным правом осуществлять внешне-экономическую деятельность), главным образом в документах будут содержаться объективные доказательства того, что виновный имел или мог

иметь доступ к указанным сведениям, осуществлял передачу сырья, материалов и т.д., оказывал указанные услуги.

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹, 175 УК РФ, связанных с приобретением, сбытом, легализацией денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, следами могут быть как товарные и кассовые чеки, договоры купли-продажи, дарения, так и другие документы, которые подтверждают осуществление финансовых операций и иных сделок, посредством которых реализовывалось деяние и денежным средствам и иному имуществу придавалась видимость законного владения.

Типовыми объектами слеодообразования при совершении таких уголовно-наказуемых деяний, как регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ), злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), а также злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), в том числе частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ), будут документы, отражающие деятельность субъекта преступления. Аналогично и при осуществлении незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ), невозвращении из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ), неправомерных действиях при банкротстве (ст. 195 УК РФ), в том числе преднамеренном и фиктивном (соответственно ст. ст. 196 и 197 УК РФ).

2. Материальные носители информации, в которых (на которых) могут содержаться следы:

- помещения и строения (офисы, склады, личные помещения и т.д.) ;
- транспортные средства;
- компьютеры (в особенности информация, хранящаяся в них), оборудование, а также специальная техника, необходимая для осуществления лицензируемой деятельности;
- деньги, предметы, услуги имущественного характера и т. д.

По нашему мнению, при расследовании и раскрытии преступлений исследуемой категории к следам можно отнести наличие у субъекта преступления или в его непосредственном подчинении или собственности, в том числе собственности юридического лица, в котором он осуществляет руководящие, распорядительные и иные аналогичные действия, имущества, объектов, специальной техники, которые предназначены или оборудованы для осуществления лицензируемой и требующей специального разрешения деятельности, т.е. производства товаров, их транспортировки, реализации, оказания услуг. Например, при расследовании незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ)

следует обратить внимание на наличие специального оборудования, которое используется для купли-продажи иностранной валюты в наличной и безналичной формах или иных банковских операций и услуг, несмотря на отсутствие лицензии или разрешения на предоставление этих услуг.

3. Память лиц, в том или ином качестве имеющих отношение к совершению данного вида преступления (субъект преступления, потерпевший, посредник), а также других лиц, располагающих некими сведениями об обстоятельствах, с ним связанных.

Хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, отсутствие следов, характерных для данных преступлений, или их недостаточное количество на типовых объектах слеодообразования также является специфическим следом. К примеру, когда кредитная организация оказывает нелегализуемые услуги или имеет разрешение на осуществление ограниченного круга банковских операций и отсутствуют подтверждения осуществления данной деятельности либо их размер не соотносится со штатом сотрудников данной организации, количеством помещений, площадей и оборудования, возникает сомнение в ее истинном предназначении. Таким образом, отсутствие следов, подтверждающих осуществление разрешенной деятельности, либо их недостаточное количество свидетельствует о том, что данная организация предоставляет более широкий спектр услуг, возможно, в том числе и услуги, требующие специального разрешения.

Как уже говорилось ранее, возможности переработки следователем этого механизма слеодообразования во многом обуславливаются складывающейся следственной ситуацией в ее методическом значении.

Методические следственные ситуации, возникающие при расследовании преступлений этой криминалистической классификационной группы (особенно на первоначальном его этапе), зависят от того, свидетельствует ли поступившая в распоряжение следователя из предусмотренных УПК источников информация о том, что преступление уже имело место быть, либо лицо, занимающее должностное или служебное положение, намеревается его совершить, а также того факта, осведомлен ли преступник о том, что в отношении него проводится проверка или возбуждено уголовное дело. Эти ситуации мы достаточно условно именуем соответственно ретроспективными и перспективными.

К первым можно отнести следующие следственные ситуации:

а) следователю становится известно о подготовке к совершению преступления из средств массовой информации или в результате проведения официальных проверок.

б) следователю становится известно об уже имевшем место факте совершения преступления рассматриваемой группы из средств массовой информации или в результате проведения официальных проверок.

Ко второй группе можно отнести ситуации, при которых:

а) следователю становится известно о подготовке к совершению преступления в результате оперативно-разыскной информации;

б) следователю становится известно об уже имевшем место факте совершения преступления рассматриваемой группы в результате оперативной информации.

Отдельно необходимо отметить две категории случаев: поступает заявление от лица, явившегося потерпевшим, и о преступлении становится известно в ходе расследования иного уголовного деяния, в связи с тем что преступник может быть как осведомлен, так и не осведомлен, что в отношении него проводится проверка или возбуждено уголовное дело.

В целом же, как нам представляется, наибольшие, но не принципиальные различия между

частными методиками уголовного преследования состоят лишь в перечне обстоятельств, устанавливаемых при допросах вовлеченных в орбиту совершения таких преступлений лиц, что, в свою очередь, как уже отмечалось, предопределяется диспозицией той статьи уголовного закона, под действие которой подпадает расследуемое деяние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него. — М., 2009. — 400 с.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. — М., 2001. — 237 с.
4. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. — М., 2007. — 781 с.
5. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации. — Воронеж, 2002. — 408 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Пучнин Александр Васильевич. Научный сотрудник научно-исследовательского отдела.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: lex-puch@yandex.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 262-32-48.

E-mail: mail@vimvd.ru

Puchnin Alexander Vasilyevich. The scientific employee research department.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 262-32-48.

E-mail: mail@vimvd.ru

Ключевые слова: экономические преступления; криминалистика; криминалистическая характеристика; методика расследования преступлений; механизм следообразования.

Key words: economic crimes; criminalistics; criminalistic description; a technique of investigation of crimes; the mechanism of formation of traces.

УДК 343.985.7

Н.В. Руднева

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (ТЕОРЕТИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

MODERN APPROACHES IN GETTING AT LEGAL CULTURE (THEORETICAL AND ANALYTICAL ASPECTS)

В статье рассмотрены современные подходы к пониманию правовой культуры, проанализированы концептуальные взгляды и исследованы структурные элементы определений правовой культуры.

This article deals with a problem of modern approaches in getting at legal culture and also has the analysis of some conceptual views and studying of structural elements in determination of legal culture.

Определенная правовая культура характерна для любого этапа развития государства, в то же время, определяя подходы к пониманию правовой культуры, следует учитывать не только уровень развития правовой системы, но и социальное одобрение приоритетов правовой политики государства.

Историческое развитие нашей страны на современном этапе обусловило объединение в себе различных по сути процессов, таких как трансформация общества и демократические реформы, это связано, прежде всего, с модернизацией стратегически важных сфер, обеспечивающих экономическую и политическую безопасность России.

При этом особое значение приобретает правовое реформирование, как часть процесса построения гражданского общества и правового государства. Социально-структурные изменения в российском обществе повлекли за собой нарушение в преемственности правовых ценностей и духовно-нравственных ориентиров, понимание которых создаёт основу правовой культуры.

Особенность современных подходов к пониманию правовой культуры, прежде всего, выражается в интегрированности точек зрения исследователей, в стремлении не описать правовое явление, а раскрыть его сущность во взаимосвязи с другими областями научных знаний. Создание множества вариантов определений понятия «правовая культура» связано с составными частями самого термина, что отражено в большинстве научных позиций, представляя, с одной стороны, правовую культуру как часть общей культуры, а с другой в контексте приоритета правового аспекта, где правовая культура выступает в качестве оценочной категории правовой деятельности.

В настоящее время представители различных научных направлений полагают, что для более детального исследования феномена правовой культуры требуется изучение ее понятийно-категориального аппарата, который включает в себя виды, структуру (как совокупность структурообразующих элементов), типы и уровни [1].

Парадокс правовой культуры современной России заключается в создании нескольких

социальных уровней правосознания, которые показывают противоречивость ценностных установок личности в условиях социокультурного кризиса, проявляющегося не только в отрицании устоявшихся норм и правил поведения, но и в неприятии новых правоотношений в обществе.

Столкновение элементов разных правовых культур, считает М.Б. Смоленский, мы наблюдаем сегодня в России, в принципе, нигилистическое сознание — объективное явление, свойственное переходному периоду, сопровождающемуся коренной ломкой общественных устоев, в большинстве случаев массы без особого воодушевления воспринимают масштабные перемены и потрясения, особенно если они сопровождаются весьма существенным снижением уровня жизни [2].

А.П. Плешаков указывает, что для России проблема формирования правовой культуры граждан, отвечающей духу времени и происходящих перемен, основанной на законе, является первоочередной, эта проблема становится наиболее острой в период общественной трансформации, когда объективно происходит разрушение многих институциональных и нормативных образцов, меняются ценности, цели и допустимые средства реализации социальных потребностей, когда в обществе устанавливаются новые правила правового взаимодействия [3].

Традиции правовых ценностей, преемственность в духовном развитии необходимы для формирования правовой культуры и нравственных установок личности и общества в целом.

Главным источником новой российской правовой культуры, по мысли А. В. Цветкова, является собственная законотворческая и правоприменительная практика государства. Ее формирование, воспроизводство и развитие осуществляются, с одной стороны, через выработку и законодательное закрепление в обществе определенных норм, образцов и стандартов поведения, традиций, а с другой — через усвоение людьми требований статусного и ролевого поведения, культурных ценностей и ориентиров, обеспечивающих их адаптацию в данной политической системе [4].

Находящаяся на стыке мировоззрений современная правовая культура впитала в себя и традиции правового воспитания советского периода, и демократические взгляды обновленного общества. «Новая правовая культура может возникнуть лишь в результате осознанного принятия новой системы ценностей большинством населения, заинтересованного в поддержке демократических правовых стандартов» [5].

В подобной ситуации, считает В.П. Сальников, безусловно, актуализируется значение пра-

вовой культуры как совокупности социально-правовых институтов, пронизывающих все стороны жизни общества, «получающих свое концентрированное выражение в деятельности человека», необходимых для установления в обществе и государстве правопорядка, в основе которого (в идеале) лежат общечеловеческие ценности (свобода, равенство, взаимное уважение и соблюдение прав, а также выполнение обязанностей), создания условий нормальной жизнедеятельности людей, стимулирования позитивной и ограничения негативной гражданской активности [6].

Раскрывая сущность современных научных трактовок понимания правовой культуры, необходимо проследить аспекты влияния на их формирование исследовательских подходов. Складывание новых реалий советского общества и замедление политических процессов в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века обусловили потребность пересмотра научных подходов к изучению формирования правосознания и правовой культуры. В результате системных исследований советские правоведы Е.В. Аграновская, С.С. Алексеев, В.П. Казимирчук, Д.А. Керимов, Н.М. Кейзеров, В.П. Кудрявцев, Е.А. Лукашева поставили вопрос о проблеме методологии изучения сущности правовой культуры.

Разработка современных концепций выявила не только различные направления изучения правовой культуры, но и разность мнений о структуре и составляющих правовой культуры.

В основу концепции правовой культуры А.П. Семитко положил обобщение опыта правового воспитания в условиях социализма, и правовая культура, по его мнению, отражает качественное состояние правовой жизни общества, а правовое положение личности, является показателем прогресса правовой культуры. Из этого следует, «что правовая культура — определенное «качество» правовой жизни общества, уровень ее развития, складывающихся подсистем, частей или элементов» [7].

Близкую точку зрения, в контексте современного развития России, высказывает А.В. Мелехин, рассматривая правовую культуру как «качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, положительно влияющее на общественное развитие и поддержание самих условий существования государства и общества» [8].

На качественную составляющую как уровень развития права указывает и С.С. Алексеев отмечая, что «правовая культура представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в

достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, к правовому прогрессу» [9].

По мнению А.Б. Венгерова, правовая культура складывается синергетически, отражая, впрочем, уровень, условия существования различных обществ, этапы цивилизованного развития человечества. Правовая культура включает в себя как духовные характеристики, так и «материальные» приатки права — юридические учреждения, их организацию, отношения; как роль в обществе права, судебной, нотариальной, арбитражной и иных систем, так и стиль, культуру их работы, отношений с гражданами, защиту их законных интересов, знание и соблюдение законных интересов в обществе; как соотношение правовой культуры с другими системами общей культуры — политической, научной, художественной, так и формы рассмотрения споров в суде, работу законодательных органов и т.п. [10]

Вопрос о соотношении права и морали выражается во взглядах ученых, отдающих приоритет нравственному аспекту в формировании правовой культуры, предпринимается попытка теоретического осмысления нравственно-правовой культуры как общенаучного понятия и как философско-правовой категории, анализ нормативно-правовых норм как конкретных составных компонентов нравственно-правовой культуры позволяет рассматривать их, прежде всего, с позиции нравственной оценки [11].

По мере смены приоритетов в научных взглядах на цель формирования правовой культуры получает распространение аксиологический подход. Роль преемственности правовых ценностей в общем процессе социального развития нельзя переоценить, от создания благоприятных условий для трансляции опыта законопослушных граждан зависит правопорядок и стабильность в обществе.

Ценностный аспект правовой культуры выражен в работах Р.А. Ромашова, А.Г. Тищенко, и, соответственно, правовая культура может быть охарактеризована как сформировавшаяся в процессе социального развития информационно-коммуникативная, регулятивно-охранительная среда человеческой жизнедеятельности, в основу которой положено право и которая позволяет обеспечить правомерное поведение абсолютного большинства членов сообщества [12].

Двустороннее рассмотрение правовой культуры возможно и с точки зрения ценностно-нормативного подхода, где, с одной стороны, происходит функционирование системы норм, с другой — воспроизводятся новые ценности, что

обеспечивает социально-правовое развитие общества.

Правовая культура в ценностно-нормативном плане, по мнению Я.В. Зубовой, понимается в виде особой нормативной системы в общей системе культуры, регулирующей отношение к институтам и нормам как позитивного, так и традиционного права, как совокупность всех ценностей, создаваемых людьми в области права и выражающихся в нормах, институтах, поступках, оценках, взглядах [13].

Интересный подход к пониманию системы ценностей, определяющих правовую культуру человека, предлагает Н.П. Повещенко, разделяя ее условно на три составляющие, которые последовательно поддерживают друг друга в «океане» социума. Первая составляющая, по мнению Н.П. Повещенко — это выработанные в процессе жизнедеятельности, проверенные на практике и откорректированные человеком личностные ценности — убеждения, из которых складывается его правовое сознание и повседневное правовое поведение. Вторая составляющая — «это личностно значимые приоритеты, в рамках которых выражены правовые ориентации человека; личностно значимые приоритеты являются, по сути, пусковым моментом его правовой активности, побуждающим к действию в направлении выбранных целей. И последняя, третья, составляющая системы ценностей — это непосредственно правовые нормы, отражающие достигнутый в процессе исторической эволюции уровень правового развития общества» [14].

В свою очередь, Н.Н. Лебедева считает, что нельзя сводить правовую культуру лишь к системе правовых ценностей, деятельности, какому-либо иному элементу, так как при пренебрежении другими структурными элементами познание сущности правовой культуры будет неполным, в связи с чем представляется целесообразным создание интегрированного подхода к пониманию правовой культуры на основе ее структурного анализа, который бы стал методологической основой для анализа всех проявлений правовой культуры [15].

В условиях складывания информационного общества в России и важности развития компьютерных и информационных технологий для обеспечения конкурентоспособности страны на мировом рынке большое значение приобретает информационный подход к пониманию правовой культуры, причем не только как форма правовой информации, но и как средство информационного воздействия.

«Переход от одного уровня или типа правовой культуры к другому во многом зависит от качества и количества имеющихся ресурсов, т.е. запасов и источников, необходимых для форми-

рования и функционирования гражданского общества и правового государства, при этом существенное место среди них занимают именно информационные ресурсы» [15].

В этом контексте заслуживает внимательного изучения научный взгляд Е.В. Клейменовой, К.А. Моралевой, полагающих, что «в состав правовой культуры входит информация, заключенная в следующих элементах: правовое сознание; правовая наука; правовая деятельность; материальные предметы, обеспечивающие и сопровождающие правовую деятельность; юридические акты».

Правовая культура, по мысли авторов, «есть информация, которая сохраняется не только в объективном носителе — знаковых системах, но и в субъективном, которым являются человек, общество, социальные группы. В связи с этим можно выделить культуру поведения и культуру законодательства». В то же время, справедливо отмечают Е.В. Клейменова, К.А. Моралева, определенная правовая культура заключена в непосредственном правовом поведении, деятельности людей, которую можно назвать культурой поведения, в данном случае под ней понимается информация, обеспечивающая такое правовое поведение [16].

Трактовка, предложенная И. Д. Невважай, опирается на понимание правовой культуры как семиотической структуры, где обозначены два типа культуры — культура выражения и культура правил. Для первого типа культуры характерно, по мысли автора, то, что нормы понимаются как «правильные» или «неправильные» выражения действительных правоотношений, сложившихся между людьми, «правильной» считается та норма, которая адекватно выражает фактически существующую правовую реальность.

Суть второго типа выражается в том, «что содержание правовой нормы, правила как знака определяется самой нормой, правилом, которые указывают на то, что должно существовать в действительности, что законодатель вводит как норму, то и существует как правовая реальность» [17].

С точки зрения культурологического подхода, считает О.Н. Бирик, правовая культура — один из мощнейших факторов, детерминирующих процессы формирования и реализации норм права, играющих большую роль при определении предметной области юридической науки, которая не должна ограничиваться правовыми актами, правоприменительными решениями, поэтому полноценное изучение названных процессов возможно только путем обращения к культуре [18].

Исследование сущности культурного аспекта в правовой культуре невозможно без изучения культурных потребностей общества, социальных возможностей личности в приобретении духовных и материальных ценностей в процессе деятельности.

Используя социологический подход, А.В. Куликова указывает, что правовая культура представляет собой разновидность общей культуры, состоящей из духовных и материальных ценностей, относящихся к правовой действительности, при этом правовая культура включает лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально полезного и ценного. В узком смысле, по мысли автора, она включает в себя не только результат, но и способ деятельности людей, проявляет себя в их образе мышления, нормах и стандартах поведения, в широком смысле правовую культуру общества можно определить как степень развитости и роли в данном обществе права, правосудия, законности, отношения к праву государственных органов и общественного сознания [19].

С точки зрения точки методологии и характеристики понятия, структуры, форм правовой культуры прав человека, ее места в глобализующемся мире, а также взаимосвязи правовой культуры прав человека и правовой политики, принципов прав человека, по мнению А.С. Мордовец, О.В. Рагузиной, заслуживает внимания социокультурный подход к исследованию правовых явлений, предполагающий учет неразрывного единства социального и культурного в общественной жизни, в соответствии с которым право как культурный феномен представляет собой, во-первых, его идентичность, синоним; во-вторых, выражает одну из форм общественной и индивидуальной культуры исторической цивилизации; в-третьих, характеризует непосредственную ценность самого права; в-четвертых, отражает социальные, прежде всего, общечеловеческие ценности в виде прав человека в жизни общества [20].

Своеобразную концепцию предлагает О.Ю. Рыбаков, согласно которой правовая культура это скорее оценка, критерий правовой деятельности, для определения которых используются накопленные цивилизованными способами нормы и ценности правовой истории и современной правовой жизни [21].

Высказывая положение, что правовая культура выступает системообразующим пространством, Е.А. Певцова указывает, что в ее рамках правовое образование представляет собой комплексную систему институтов образовательной деятельности, контролируемых государством, где выделяются относительно самостоятельные формы деятельности — обучение и воспитание, отличающиеся целенаправлен-

ным воздействием на формирование определенного типа личности [22].

По мнению Д.С. Самутина, правовая культура — это правовой режим, (качественное состояние правовой организации общества), совокупность материализованных идей, чувств и представлений как осознанной необходимости и внутренней потребности поведения человека и гражданина, иных лиц в сфере права, базирующийся на правовом сознании, обеспечивающий надлежащий уровень позитивной законности и реального функционирования правовой системы общества [23].

В свете изложенных концепций нам близка точка зрения О.А. Воробьевой, Т.В. Мычак, полагающих, что правовая культура представляет собой сложную социальную систему. «Как часть общей духовной культуры она отражает, прежде всего, качественное состояние общества на данном этапе его развития, проявляется в способах деятельности, в общественных отношениях, поведении, языке, состоянии общественного сознания, обычаях и т.д.».

Понимание правовой культуры, по мнению О.А. Воробьевой, Т.В. Мычак, заключается в следующем: «правовая культура — это сложно организованная система, в которой последовательно взаимосвязаны правовые знания — правовое сознание — правовые умения и навыки — правовая позиция — правовая деятельность; результатом сформированности всех ее составляющих становится потребность личности в правовом самообразовании и правомерном поведении в любой деятельности» [24].

Таким образом, современное понимание правовой культуры — это, прежде всего, интегрированный процесс культурного восприятия обществом правовых ценностей, правовых знаний, опосредованных опытом предшествующих поколений. В то же время происходит создание новых правовых норм через систему взглядов и правовую социализацию каждой отдельной личности. Важно отметить влияние информационной составляющей в структуре элементов правовой культуры, особенно молодежи. При этом усвоенная правовая культура дает молодому человеку возможность оценивать социальные явления и процессы, свои поступки и действия с позиции интересов общества.

Следовательно, процесс формирования правовой культуры в современной России обусловлен актуальной задачей для общества, а именно поиска новой нравственно-правовой парадигмы развития личности с внутренней потребностью уважения государственной власти, чувства патриотизма, воспитания собственного достоинства и умения жить в гармонии с окружающим миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каландаришвили З.Н. Теоретико-правовой анализ понятийно-категориального аппарата

правовой культуры // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2009. — № 87. — С.123—132.

2. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. — 2004. — №11. — С. 73—80.

3. Плешаков А.П. Правовая культура и становление новой российской государственности // Правовая культура. — 2007. — №1. — С.46—53.

4. Цветков А.В. О формировании правовой культуры в современной России // Власть. — 2007. — №1. — С.71—73.

5. Козловский С.И., Градобоева К.К. Проблемы развития современной российской политической системы с точки зрения правовой культуры // Право и практика. — 2010. — №7. — С.100—104.

6. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник ННГУ. Серия: Право. — 2001. — №1. — С.187—198.

7. Теория государства и права / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. — изд. 2-е., изм. и доп. — М., 2002. — С.341.

8. Мелехин А.В. Теория государства и права. — М., 2004. — С.293.

9. Алексеев С.С. Теория права. — М., 1995. — С.207.

10. Венгеров А.Б. Теория государства и права. — М., 2000. — С.300.

11. Мусинов П.А., Мусинов Е.П. Нормы права и нравственности как структурные компоненты нравственно-правовой культуры // Право и образование. — 2006. — № 1. — С. 76—88.

12. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. — 2006. — №1. — С.7—10.

13. Зубова Я.В. Правовое образование и правовая культура. — Ухта, 2010. — С.6.

14. Повещенко Н.П. К вопросу о формировании личностной правовой культуры как основы становления правового общества // Вестник ННГУ. Серия: Право. — 2001. — №1. — С.266—270.

15. Лебедева Н.Н. Право. Личность. Интернет. — М. — 2004. — С.99.

16. Клейменова Е.В., Моралева К.А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. — 2003. — № 1. — С. 50—56.

17. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. — 2000. — № 2. — С. 23—31.

18. Бибик О.Н. Культурологический подход к исследованию государства и права // Вестник ОГУ. — 2009. — №2(19). — С.22—35.

19. Куликова А.В. Правовая культура в рамках социологического подхода: содержание понятия,

его особенности // Вестник ННГУ, Социологические науки. — 2006. — №1. — С. 228—234.

20. Мордовец А.С., Рагузина О.В. Правовая культура прав человека — условие развития уважения как принципа прав человека и принципа права // Вестник СГАП. — 2010. — №2(72). — С.30—39.

21. Рыбаков О.Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве. — Саратов, 2003. — С.13—14.

22. Певцова Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. — 2004. — № 3. — С. 70—81.

23. Самутин Д.С. Правовая культура: элементы и понятия // Общество и право. — 2008. — №3. — С. 67—69.

24. Воробьева О.А., Мычак Т.В. Правовая культура личности // Вектор науки ТГУ. — 2009. — № 4(7). — С. 47—49.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Руднева Надежда Викторовна. Старший преподаватель.
Липецкий филиал Воронежского института МВД России.
Россия, 398017, г. Липецк, ул. Гришина, 7а. Тел. (4742) 48-62 -33.
E-mail: yuristlf@mail.ru.

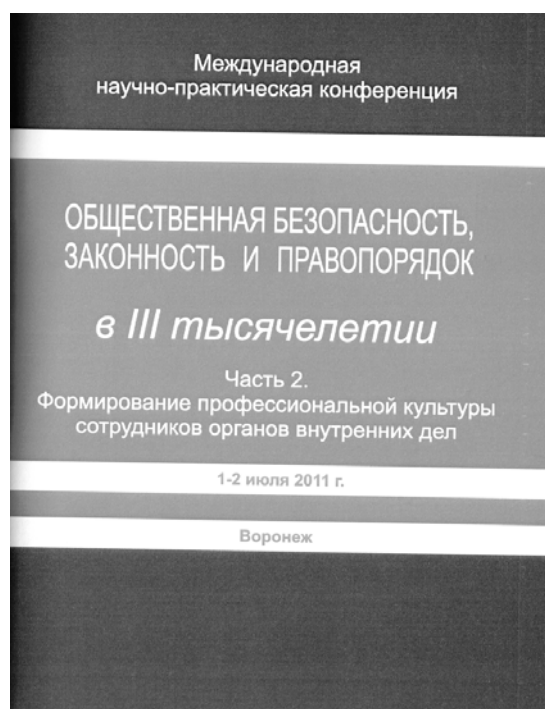
Rudneva Nadezhda Viktorovna. The senior lecturer.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Lipetsk Branch.
Grishina str., 7a.
Russia, 398017, Lipetsk. Phone (4742) 48-62 -33.

Ключевые слова к статье: правовая культура; правовое сознание; правовые ценности; государство; общество; личность.

Key words: legal culture; legal consciousness; legal values state; society; personality.

ББК 67.0 + 74.5

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Воронеж, 1-2 июля 2011 г.) — Ч. 2. Формирование профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел.

В сборнике содержатся материалы, представленные на Международной научно-практической конференции «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии». Издание предназначено для профессорско-преподавательского состава, курсантов, слушателей, студентов, адъюнктов, аспирантов, сотрудников правоохранительных органов.

С.А. Сумин,
Организационно-зональный отдел
Главного следственного управления

**ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ
ДОПРОСЕ ЗАЩИЩАЕМЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНО УДАЛЁННЫХ
ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
НА СТАДИЯХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО И СУДЕБНОГО
СЛЕДСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПОВЫШЕНИЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ**

**APPLICATION OF VIDEO-CONFERENCE MEDIA-SYSTEMS
BY INTERROGATION OF DEFENDED PERSONS UNDER
CONDITION OF TERRITORIAL SPLIT DURING CRIMINAL
PROCESS ON STAGES OF PREPARATORY AND PROCESSIONAL
INQUIRY: PROBLEMS OF REALISATION AND EFFICIENCY
IMPROVEMENT**

В статье указывается на то, что, несмотря на тенденцию расширения сферы применения в судопроизводстве ВКС и увеличения регулирующих её законодательных норм, в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует чёткая процедура участия защищаемых территориально разрозненных лиц с использованием видеоконференц-связи как на стадии судебного следствия, так и на стадии предварительного расследования, последние изменения законодательства не учитывают, что при проведении сеанса ВКС в нём, кроме подсудимого и потерпевшего, имеют право (а в определённых случаях должны) участвовать законный представитель несовершеннолетнего подсудимого, психолог, педагог, переводчик, представители потерпевшего, частного обвинителя и др.

The following article point out that, in spite of general tendency of widening in the field of application in justice video-conference media and grow of regulating legal normatives, there is a lack of definite procedure for participation of defended persons under conditions of territorial split with the application of video-conference medias on stages of preparatory as well as processional inquiry. The last modifications of legal base don't take into consideration, that during video-conference not only person under charge and victim, but also (under definite circumstances) legal representative of underage suspect, psychologist, pedagogue, interpreter, representative of victim, private lawyer, etc. must have right to participate.

Ещё совсем недавно использование систем видеоконференц-связи (далее — ВКС) на стадии судебного следствия законодателем было предусмотрено только лишь при рассмотрении уголовного

дела судами кассационной и надзорной инстанций в отношении весьма узкого круга лиц. В указанных судебных инстанциях использование ВКС применительно к участию в судопроизводстве лиц,

содержащихся под стражей, осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также лиц, в отношении которых велось или ведётся производство о применении принудительной меры медицинского характера регулировалось ч. 3 ст. 376 и ч. 2 ст. 407 УПК РФ [1].

На возможность использования в суде первой инстанции ВКС косвенно указывала ч. 5 ст. 278 УПК РФ, но только в отношении свидетеля, защищаемого в установленном ч. 3 ст. 11 (ч. 9 ст. 166) УПК РФ порядке, и только в случае необходимости обеспечения его безопасности (или безопасности его близких родственников, родственников и близких лиц) он мог быть допрошен в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. В данном случае законодателем допускалась возможность допроса в судебном заседании такого свидетеля посредством ВКС с аудиовизуальными помехами, исключающими наблюдение допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства, что и осуществлялось на практике [2,3].

Сложившееся в современном правовом поле положение не отвечало требованиям уголовного судопроизводства, нарушало права граждан на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки, предусмотренные п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [4], а также ст. 6.1 УПК РФ [5], следствием чего стали неоднократные обращения российских граждан за защитой своих нарушенных прав в Европейский суд. Например дело «Конашевская и другие против России» (*Konashkevskaya and Others v. Russia №3009/07*)» [6] способствовало инициированию новеллы национального законодательства относительно использования в судопроизводстве ВКС. Заявительницы (4 человека), проживающие в Москве, жаловались на чрезмерную длительность (более шести лет) судебного разбирательства по уголовному обвинению их в совершении мошенничества.

Европейский Суд постановил единогласно, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении первой, второй и третьей заявительницы, не допустив аналогичного нарушения в отношении четвертой заявительницы, и обязал государство-ответчика выплатить первой заявительнице 6 000 евро, а второй и третьей заявительницам — по 2 400 евро в качестве компенсации морального вреда.

В настоящее время на стадии судебного следствия использование систем ВКС законодательно закреплено для судов первой и апелляционной инстанций. Дополнение УПК РФ статьей 278.1 «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи», а также поправки в статью 240 и статью 277 УПК РФ пре-

дусматривают возможность допроса судом потерпевшего и свидетеля посредством систем ВКС. Можно сделать вывод о том, что регламентированный ч. 4 ст. 240, ч. 1 ст. 277 и ст. 278.1 [7] УПК РФ субъектный состав лиц, имеющих возможность участия в судебном следствии первой и апелляционной инстанций посредством ВКС, теперь включает в себя не только свидетеля, но и потерпевшего. Особо хочется отметить, что диспозиции указанных статей УПК РФ предусматривают возможность использования ВКС при допросе свидетелей и потерпевших в случае «необходимости», что устанавливается судом и отражается в соответствующем решении. Мы полагаем, что в данном случае под «необходимостью» принятия судом решения о применении ВКС законодателем подразумеваются не только меры безопасности, предусмотренные ч. 5 ст. 278 УПК РФ, но и отдалённое место жительства свидетеля (потерпевшего), включая нахождение его за пределами границ РФ, а также его состояние здоровья, возраст, этические, национальные, моральные, религиозные, половые и др. устои, зачастую препятствующие непосредственной дачи показаний им в зале судебного заседания.

Полагаем, что действующий УПК РФ допускает тенденцию «ухода» от корреляции безопасности участников уголовного судопроизводства и необходимости использования в судебном следствии ВКС. Также с учетом последних изменений законодательства на стадии судебного следствия явно прослеживается тенденция расширения субъектного состава лиц, имеющих возможность в настоящее время участвовать посредством ВКС в судах всех инстанций. С принятием поправок гражданам, проходящим по делу в качестве свидетелей, достаточно будет прийти в ближайший суд и принять участие в судебном процессе, выступив перед веб-камерой, и как следствие пусть виртуальная, но зато своевременная явка свидетелей позволит избавиться от постоянных переносов судебных заседаний и затягивания сроков рассмотрения дел.

Вместе с тем, данные новеллы УПК, представляющие возможность участия посредством ВКС в судебном следствии определённой категории лиц, фактически уменьшают (ущемляют) объём прав иных участников уголовного судопроизводства, таких как гражданский истец, гражданский ответчик, частный обвинитель и их представители, законный представитель несовершеннолетнего подсудимого, переводчик и др. Считаем, что для создания эквивалентного объёма прав участников судопроизводства со стороны защиты и со стороны обвинения целесообразно законодательно регламентировать возможность участия в судебном следствии посредством ВКС указанной категории лиц. С этой

целью нами предлагается часть 4 статьи 240 УПК РФ изложить в следующей редакции: «4. Свидетель, потерпевший, подсудимый и другие участники уголовного судопроизводства могут при необходимости участвовать в судебном заседании и быть допрошены судом путем использования систем видеоконференц-связи, в т.ч. и с аудиовизуальными помехами, исключающими наблюдение допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства».

Проанализировав нормы УПК РФ, регламентирующие стадию предварительного расследования, мы выявили, что в нем, к сожалению, фактически отсутствуют нормы, позволяющие использовать ВКС в досудебном производстве по уголовному делу. Косвенно на возможность использования ВКС на стадии предварительного расследования указывает диспозиция ч. 8 ст. 192 УПК РФ, в соответствии с которой в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Общеизвестно, что в практической деятельности правоприменителем эта процессуальная норма трактуется как опознание через стекло с односторонней видимостью [2] или ширму с прорезью [8].

Однако в литературе высказывается мнение о невозможности проведения должным образом по объективным причинам рассматриваемого процессуального действия без технических средств с сохранением необходимого уровня безопасности [10—12]. В настоящее время признаётся оправданным проведение опознания по видеоизображению. Такого же мнения придерживаются 84% из опрошенных респондентов из числа сотрудников органов предварительного расследования [13]. Вместе с тем мы полагаем, что, поскольку производство опознания с использованием видеотехнологий законом фактически не установлено, то их применение может рассматриваться судом как нарушение уголовно-процессуального закона.

Также в УПК РФ не имеется правовой нормы, регламентирующей проведение очной ставки с территориально удалёнными участниками судопроизводства, а также с лицом, чьи данные о личности в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ сохранены в тайне. Существующая редакция ст.192 УПК РФ вообще не предусматривает проведение очной ставки между территориально удалёнными лицами или в условиях, исключающих визуальное наблюдение лица, чьи данные сохранены в тайне. Мы полагаем, что в данном случае выходом из ситуации также могла бы стать законодательная регламентация возможности проведения очной ставки с использованием

средств ВКС в необходимых случаях с применением аудиовизуальных помех (далее АВП).

Таким образом, очевидно, что в настоящее время назрела необходимость в законодательном урегулировании применения ВКС не только на стадии судебного следствия, но и на стадии предварительного расследования. Так, в частности, ст. 192 УПК РФ, по нашему мнению, следует дополнить ч.7, изложив её в следующей редакции: «7. В случае значительной территориальной разрозненности ранее допрошенных лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия, а также при необходимости обеспечения конфиденциальности и безопасности лица, дающего показания (его близких родственников, родственников и близких лиц), следователь (дознатель) вправе обеспечить проведение очной ставки с применением видеоконференц-связи, в т.ч. и с аудиовизуальными помехами, исключающими наблюдение допрашиваемого (защищаемого) другими участниками следственного действия».

Однако, как следует из данных интервьюирования следственных работников, в 94 % подразделений органов предварительного расследования отсутствует специальная аппаратура для проведения ВКС с аудиовизуальными помехами [13]. Думается, что ситуация в судебном департаменте с учётом повсеместного внедрения телекоммуникационной системы «Правосудие» находится в несколько более позитивном состоянии. Вместе с тем, отсутствие необходимой аппаратуры для полноценного и безопасного участия в уголовном судопроизводстве защищаемых, территориально удалённых лиц не может являться основанием для отказа от организации процессуальных действий с использованием ВКС. Как известно, подобная аппаратура может представлять собой два персональных компьютера, подключенных к единой локальной вычислительной сети и оснащенных двумя веб-камерами [2], или являться переносной, причём её настройка и обслуживание может проводиться одним специалистом [3]. Кроме того, при существующем уровне научно-технических средств сеанс ВКС может быть проведён и в сети Интернет.

По мнению доктора физико-математических наук К.Е. Афанасьева, директора центра «Интернет» Кемеровского государственного университета, проведение подобных «Интернетвидеоконференций» (далее ИВК) и защита поступившей информации не представляют особой технической сложности, а использование каналов сети «Интернет» обходится значительно дешевле стоимости использования обычных телевизионных каналов и несравнимо с финансовыми затратами на заграничные командировки следователей [14]. Интернет предполагает возможность проведения видеоконференций в режиме реального

времени с передачей изображения и звука. Поскольку при производстве следственных действий, как правило, не возникает необходимости в проецировании изображения на большой экран, для проведения так называемых «локальных видеоконференций» может быть использован обычный (подключенный к сети «Интернет») компьютер со стандартным монитором и миниатюрной видеокамерой. С помощью программ «SKYPE», «speak free» и др. это позволяет, например, провести допрос свидетеля, находящегося в любой точке мира, где работает сеть «Интернет». При этом на экране монитора будет видеоизображение свидетеля, а из динамиков будет довольно чисто слышен его голос. Допрос (и звук, и видеоизображение) может записываться и воспроизводиться, в том числе и в суде [14].

Здесь особо хочется отметить, что предлагаемые нами и существующие нормы УПК РФ, регулирующие применение ВКС в различных судебных инстанциях, не конкретизируют используемые для этого технические средства, а, следовательно, не запрещают применение ИВК. Вместе с тем, несмотря на тенденцию расширения сферы применения в судопроизводстве ВКС и увеличения регулирующих её законодательных норм, в уголовно-процессуальном законодательстве фактически отсутствует чёткая процедура участия защищаемых, территориально удалённых лиц с использованием видеоконференц-связи как на стадии судебного следствия, так и на стадии предварительного расследования. Как было показано выше, последние изменения законодательства не учитывают, что при проведении сеанса ВКС в нём кроме подсудимого и потерпевшего имеют право (а в определённых случаях должны) участвовать законный представитель несовершеннолетнего подсудимого, психолог, педагог, переводчик, представители потерпевшего, частного обвинителя и др.

Каким же именно образом возможно участие в сеансе ВКС указанных и иных участников уголовного судопроизводства? Для ответа на данный вопрос попытаемся привести унифицированную для предварительного и судебного следствия примерную процедуру допроса защищаемых территориально удалённых лиц (находящихся в т.ч. и вне пределов РФ).

Суд, рассматривающий дело, следователь (дознатель), в производстве которого имеется уголовное дело, поручает в т.ч. и с использованием международных поручений соответственно суду, следователю, дознавателю (по месту нахождения допрашиваемого) организовать его явку в определённое время в здание суда (органа предварительного расследования, полицейского участка, узла связи) для проведения допроса путем использования систем видеоконференц-связи.

Допрос должен начинаться с установления личных данных и места нахождения всех участвующих лиц, в т.ч. и защищаемого лица, при этом полученные данные могут быть подтверждены судом (следователем, дознавателем) по месту нахождения допрашиваемого. Если в целях обеспечения безопасности допрашиваемого его местонахождение, внешность и персональные данные не должны разглашаться, то изображение такого участника может сопровождаться АВП, а суд (следователь, дознаватель) заявляют, что данные о личности и местонахождении защищаемого проверены, подтверждены и передаются иницировавшему допрос суду (следователю, дознавателю) отдельно, по закрытым для остальных участников каналам связи [14].

Затем суд (следователь, дознаватель) по месту нахождения допрашиваемого объявляет ему, кем производится допрос с запрашивающей стороны и в связи с какими обстоятельствами. Если допрашиваемым является свидетель или потерпевший, он предупреждается судом (следователем, дознавателем) по месту его нахождения об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, если это предусмотрено законодательством страны пребывания. Причём, анализируя положения ст.ст. 2, 3 УПК РФ о действии уголовно-процессуального закона РФ в пространстве и в отношении иностранных граждан (лиц без гражданства), а также учитывая требование закона об иммунитете от уголовного преследования, предусмотренном ч. 4 ст. 456 УПК РФ, мы полагаем целесообразным предупреждать свидетелей (иных участников ВКС), находящихся за пределами РФ, по законодательству той страны, в которой они находятся, а также по законодательству их гражданской принадлежности. Аналогичным образом об ответственности за неправильный перевод предупреждается и участвующий переводчик; остальным участникам сеанса ВКС тоже разъясняются их права, обязанности и ответственность в соответствии с их гражданской принадлежностью и законодательством.

Заверенную должным образом копию (в т.ч. и электронную, полученную посредством сканирования бумажного носителя) подписи свидетеля или иного участника сеанса ВКС о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности судья (следователь, дознаватель) по месту нахождения допрашиваемого направляет в т.ч. и по техническим каналам связи (fax, e-mail) судье, председательствующему в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело (расследующему дело следователю, дознавателю).

Затем суд (следователь, дознаватель) предлагает допрашиваемому сообщить, что ему лично известно по поводу обстоятельств, в связи с кото-

рыми он вызван на допрос. После этого суд (следователь, дознаватель), инициировавший проведение следственного действия, имеет право (при необходимости с участием переводчика, психолога, педагога и др.) задавать вопросы допрашиваемому, которому среди прочих прав должно разъясняться право ст. 51 Конституции РФ [15] или аналогичная правовая норма, если это предусмотрено законодательством страны, на территории которой он находится (законодательством страны, гражданином которой он является).

После заданных вопросов и полученных на них ответов суд (следователь, дознаватель) делегирует право допроса иным лицам со стороны защиты или обвинения. Не участвующие в допросе лица «пассивно» наблюдают происходящее на терминале(ах) и с разрешения суда (следователя, дознавателя) могут вступить в интерактивный аудиовизуальный контакт с любым участником ВКС.

В качестве примера практического использования ВКС в уголовном судопроизводстве можно привести следующий прецедент оказания правовой помощи в России. Так, в 2006 г. Генеральной прокуратурой РФ исполнено ходатайство председателя Земельного суда Гамбурга Клауса Вилле об оказании правовой помощи по уголовному делу по обвинению ряда лиц в незаконной торговле наркотическими средствами в составе транснациональной организованной преступной группы. Инициатор ходатайствовал о проведении допросов свидетелей, отбывающих наказание в виде лишения свободы на территории Республики Мордовия, посредством видеоконференц-связи с упомянутым судом. Допросы свидетелей проводились в помещении узла связи пос. Явас Зубово-Полянского района Республики Мордовия в течение трех сеансов видеоконференц-связи Земельным судом Гамбурга и следователем прокуратуры Республики Мордовия на основании правовых норм обеих стран — о судебном производстве в Германии и предварительном расследовании в России. Видеоконференц-связь была обеспечена ОАО «ВолгаТелеком» за счет запрашивающей стороны [16].

В результате проведенных мероприятий был создан прецедент оказания данного вида правовой помощи в России.

Что касается требований об относимости, допустимости и достоверности доказательств, полученных при применении ВКС на территории иностранного государства, то хотелось бы отметить, что для успешного решения проблемы использования таких доказательств требуется совокупный учёт специальных условий собирания, оценки и представления доказательств, полученных на территории иностранного государства в соответствии с законодательством запрашивае-

мой страны, условий международных договоров, общепризнанных норм и правил международного права, нормативных актов запрашивающей стороны. В этом случае, как выразился П. Литвишко, требуется «двойное» процессуальное оформление процессуального действия уполномоченными лицами обеих сторон [16].

Запись сеанса ВКС рассматриваемого нами процессуального действия (например, допроса), может производиться как запрашивающей, так и запрашиваемой стороной, или же любым иным лицом, участвующим в видеоконференции, причём все участники могут одновременно «присутствовать» друг у друга на обычном мониторе, переведённом в режим мультитран (мультитран — режим строчной развёртки телевизора, монитора, плазменной панели и т.п. при котором размер экрана разделяется на части пропорционально количеству поступающих на него сигналов (в данном случае пропорционально количеству участников видеоконференции), причём каждый из таких масштабированных фрагментов представляет собой изображение, передаваемое web-камерой лица, участвующего в процессе). Запись произведённого судебного (следственного) действия в обязательном порядке производится стороной-инициатором (запрашивающей стороной), причём если такой «видеопrotocol» осуществляется посредством ИВК, то он может содержать достоверные данные GPS-позиционирования о месте (дате, времени) нахождения любого участвующего в ВКС лица и, кроме того, может быть подписан ЭЦП его идентифицированных биометрическими методами участников [17,18].

Кроме основного содержания в таком «видеопrotocolе» необходимо будет отмечать, с помощью каких средств телекоммуникации проводился допрос, кто проводил допрос с запрашивающей и запрашиваемой стороны, каким образом производилась запись допроса и при помощи каких технических средств она может быть воспроизведена.

Следует отметить, что в последние годы в связи с развитием компьютерных технологий в США в ходе судебного разбирательства стали широко применяться возможности Интернета. Без вызова в суд допрашиваются свидетели, исследуются документы и даже проводятся судебные заседания, участники которых (стороны, свидетели и др.) реально не находятся в помещении суда, с фиксацией таких действий и принимаемых решений на электронных носителях, которые заменяют обычные письменные документы, отражающие ход судебного разбирательства. Такого рода «виртуальные» судебные заседания, применяются не только при разбирательстве дел в упрощённом порядке, но и по делам об «опасных преступлениях» [19, 20].

В свою очередь, вступление России в Совет Европы накладывает на страну обязательства, связанные с достижением международных стандартов по обмену правовой информацией (включая судебную) в электронном виде по сети Интернет. В целях реализации принципа гласности судопроизводства в европейских странах судебные процессы транслируются в Интернете в режиме реального времени («в прямом эфире»). Любой желающий может следить за ходом разбирательства через персональный компьютер. Причем европейцы активно пользуются такой возможностью, особенно если это касается дел, получивших общественный резонанс [24].

Программа развития судебной системы Российской Федерации в качестве первоочередной задачи ставит обеспечение открытости и прозрачности правосудия как важнейшего условия повышения к нему доверия людей [21]. Решить эту задачу можно, только настойчиво внедряя в процессуальную деятельность судов и органов предварительного расследования современные информационные технологии. Об этом говорит и опыт, накопленный органами уголовной юстиции зарубежных стран [22].

Рассматриваемые нами процедурные проблемы проведения отдельных следственных действий, связанных с применением в уголовном судопроизводстве ВКС с участием защищаемых территориально разрозненных лиц, в т.ч. с сохраненными в тайне данными об их личности, особенно актуальны для Содружества Независимых Государств (СНГ), поскольку «прозрачность» государственных границ между странами Содружества позволила преступным группам активно объединяться и сотрудничать на международном уровне [23]. В настоящее время, в условиях усиления борьбы с транснациональной преступностью, в том числе международным терроризмом и наркобизнесом, роль и объем международного сотрудничества правоохранительных органов многократно возрастают.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости интенсивного расширения и совершенствования практики применения систем видеоконференц-связи в международно-правовом сотрудничестве правоохранительных органов Российской Федерации, целесообразности изучения вопроса о внесении дополнений в уголовно-процессуальный закон в целях более детального правового регулирования порядка производства процессуальных действий с использованием ВКС.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменения в статью 407 Уголовно-процессуального кодекса РФ: Федеральный закон от 29.11.2010 № 323-ФЗ // Собрание

законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 1. — Ст. 45.

2. Волков В.В. О применении меры безопасности — сохранения в тайне подлинных данных о личности свидетеля // Следственная практика. — 2007. — № 172. — С.179—186.

3. Кошкарёв А.М. О тактическом и техническом обеспечении в суде допроса «засекреченного» свидетеля // Следственная практика. — 2004. — № 3 (164). — С.140—146.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 18. — Ст. 2145.

6. Конашевская и другие против Российской Федерации: Постановление Европейского Суда от 03.06.2010 г. по жалобе № 3009/07 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. — 2011. — № 2 (104).

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.referent.ru/1/175175>

8. Информационный бюллетень СК при МВД России. — 2006. — №3(129). — С. 135.

9. Макеева Н.В. Проблемы опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым // Проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет: сб. матер. межвуз. науч. семинара. — М.: Академия управления МВД России, 2008. — С.311—315.

10. Булгаков В.Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека: монография / под ред. А.М. Зинина. — М.: Юрлитинформ, 2009. — 176 с.

11. Коротков А.П., Тимофеев А.В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ: комментарий. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Экзамен, 2006. — 607с.

12. Сумин С.А. Обеспечение участия в уголовном процессе лица под псевдонимом // Международная научно-практическая конференция «Обеспечение законности и правопорядка в странах СНГ»: сборник материалов. — Ч.1. Юридические науки. — Воронеж: Воронежский институт МВД РФ, 2009. — С.274—278.

13. Янин С.А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования:

дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2005. — С.183—184.

14. Халиулин А.Г. Использование телекоммуникаций в уголовно-процессуальной деятельности // Прокурорская и следственная практика. — 1999. — № 1/2. — С. 175—178.

15. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 4. — Ст. 445.

16. Литвишко П. Применение систем видеоконференц-связи при оказании международной правовой помощи по уголовным делам // Законность. — 2007. — №7. — С.31—32.

17. Сумин С.А. Применение технических средств видеоконференцсвязи в процессуальной деятельности // Международная научно-практическая конференция «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений»: сборник материалов. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2010. — С.201—202.

18. Сумин С.А. Допустимость применения электронной цифровой подписи (ЭЦП) при проведении сеансов видеоконференц-связи (ВКС) в

процессуальной деятельности // Международная научно-практическая конференция «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии»: сборник материалов. Ч.1. Юридические науки. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2010. — С.196—199.

19. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. — М., 2001. — 560 с.

20. Лебедева Н. Влияние Интернета на взаимоотношения государства и общества // Государство и право. — 2004. — №10. — С.84.

21. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2006 г. № 583 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 7. — Ст. 602.

22. Клементьев А.С. Опыт создания интегрированных информационных систем органов уголовной юстиции зарубежных стран // Российский следователь. — 2007. — №5. — С.38—41.

23. Ромодановский К.О. Международные стандарты и принципы организации защиты участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. — 2005. — № 9. — С.10—12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Сумин Сергей Анатольевич. Старший следователь по особо важным делам, майор юстиции.

Организационно-зональный отдел ГСУ.

Россия, 394006, г. Воронеж, ул. Володарского, 39.

E-mail : shtorm69@yandex.ru

Sumin Sergey Anatolyevich. Chief inspector for special cases, major of justice.

Organizational Zonal Branch of S.L.D.

Work address: Russia, 394006, Volodarskogo St. 39.

Ключевые слова к статье: уголовное судопроизводство; видеоконференц-связь; предварительное расследование; судебное следствие; процессуальные действия; технические средства; аудиовизуальные помехи; допрос защищаемых лиц; допрос территориально разрозненных лиц; суд; следователь; дознаватель; мультитэкран; видео-протокол.

Key words: criminal justice; video-conference media; preliminary inquiry; processional inquiry; preparatory inquiry; processional actions; technical means audiovisual defects; questionnaire of defended persons; questionnaire of persons under conditions of territorial split; court of justice; formal inquirer; formal inspector; multi-shield; video-protocol.

УДК 343.13

Г.Е. Цыкова

ПОНЯТИЕ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ» И УСЛОВИЯ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE CONCEPT OF «SECURITY OF THE INDIVIDUAL» AND THE CONDITIONS FOR ITS REALIZATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В работе анализируются содержание и основные элементы понятия «безопасность личности» и условия ее реализации в уголовном судопроизводстве. Раскрывая сущностные подходы к определению объекта безопасности в уголовном судопроизводстве, автор дает характеристику объекта безопасности.

The paper analyses the content and main elements of the notion of «security of the individual» and the conditions for its realization in criminal proceedings. Revealing the essential approaches to definition of object security in the criminal proceedings, the author gives a description of the security object.

Успех назначения уголовного судопроизводства нерасторжимо связан с допустимостью установления подлинных и аутентичных данных о предмете доказывания, в связи с чем действительно положение об условиях, обеспечивающих согласие и желание лиц, привлекаемых в уголовный процесс, передавать известные им сведения об имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах. Одним из условий является безопасность, которая позволяет осуществить процессуальные интересы личности без риска расплаты за это собственными правами и свободами, которые закреплены в Конституции РФ в положениях статьи 2, устанавливающей, что их признание, соблюдение и защита — призвание государства, указывая тем самым на недопустимость их нарушения в любой сфере общественных отношений. Уголовно-процессуальное право, как балансер общественных отношений, утвержденных государством, в полной мере должно соответствовать конституционным положениям. Тем самым законодатель выводит на первый план защиту не государства и общества, а личности, ее прав, свобод и законных интересов.

Понятие «безопасность» достаточно полисемично. В буквальном смысле слово «безопасность» в русском языке означает защищенность,

отсутствие угрозы извне. Под безопасностью понимается состояние «физической и психологической защищенности индивида», «защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, информационного и иного характера, предполагающее установление политической, экономической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества на основе партнерства», что вполне соответствует определению безопасности личности, содержащемуся в ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» [7], согласно которому безопасностью является «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Существуют мнения, что понятия «безопасность» и «защита» идентичны и синонимичны, так как направлены на нормальное отправление системы, создание условий, в которых невозможны нападение и угроза нападения. Но считать эти понятия тождественно равными было бы не совсем объективно.

В литературе, справочных изданиях и словарях понятия безопасность и защита трактуются неравноценно. Словарь русского языка С.И. Ожегова определяет так: «Безопасность — положение, при котором не угрожает опасность кому-, чему-нибудь» [8], «Защита — 1. Охрана, ограждение от посягательств, от враждебных действий, от опасности. 2. То, что защищает, служит обороной» [8]. То есть безопасность — это положение, состояние, иногда ощущение, а защита — процесс, в первом значении, и предмет, вещь — во втором. Общей составляющей в двух дефинициях является слово «опасность», следовательно, необходимо раскрыть и это понятие. Итак, опасность — «1. Способность вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье. 2. Возможность, угроза чего-нибудь опасного» [8]. Заметно, что это слово имеет два содержания, которые между собой не сходны относительно субъективности и объективности наступления вреда.

Отсюда следует, что понятия «безопасность» и «защита» отображают оборону, закрытость от опасности, а в конечном счете — от вреда, так как опасность сама по себе потенциальный вред.

Необходимо детально рассмотреть каждое понятие. Безопасность как положение, состояние — это нахождение в неопасном месте, иногда — под защитой. Безопасность как ощущение — это отношение к месту, времени, обществу, в котором находится личность, это чувство нахождения вне опасности — под защитой.

Защита как процесс — это совокупность действий, мероприятий, приемов, направленных на предотвращение или снижение опасности наступления вреда, достижение безопасности. Защита как предмет — это вещь, объект материального мира, призванный обезопасить владельца от наступления вреда, обеспечить его безопасность.

С учетом отмеченных рассуждений представляется возможным предположить, что безопасность как конечное состояние является целью и должно быть результатом защиты, а защита в свою очередь служит средством достижения и обеспечения безопасности.

Бесспорно, защита не единичный, а один из нескольких путей результата безопасности, вследствие чего защита есть более узкое понятие, чем безопасность.

Чтобы теоретизировать о внутреннем строении понятия безопасность, т.е. его структурных элементах, необходимо сократить границы предмета исследования. Следует различать статический и динамический аспекты безопасности. Первый связан с безопасностью как таковой, второй отражает деятельность по ее обеспечению. Следует согласиться с А.Ю. Епихиным, который, выделяя активную составляющую безопасности, обозначает, что «движение в понятии безопасности имеет специфическое проявление: оно скрыто, не проявлено» [3]. Безопасность в статике основана на разведении самостоятельных категорий — «обеспечение безо-

пасности» (деятельность) и «безопасность» (результат деятельности).

Для конкретизации понятия «безопасность» следует разобраться с его структурными элементами: основным (сущностным) термином, объектом (что защищается) и воздействием, посягающим на безопасность (от чего защищается).

В законодательстве в области безопасности относительно определения безопасности закреплено выражение «состояние защищенности» [1]. Словосочетание «состояние защищенности» не выражает сущность безопасности, данный термин выражает субъективное отношение объекта обеспечения безопасности к окружающей действительности. Безопасность — это характеристика объективной реальности, которая обеспечивает состояние защищенности, с учетом вышеизложенного приходится констатировать, что безопасность не есть состояние защищенности интересов субъекта, безопасность вообще не есть чье бы то ни было состояние. Безопасность есть условие существования субъекта, находится в безопасности — значит находится в безопасных условиях, в то время как понятие «защищенность» в данном контексте — это следствие неудавшегося старания подобрать нужный синоним для понятия «безопасность» в целях избежания повторов при объяснении безопасности.

Анализируя вышеизложенное, приходим к выводу о том, что непосредственное отношение к понятию безопасности имеет термин «комплекс условий», прежде примененный в трудах А.Ю. Епихина [3] и Г.В. Иващенко [5]. Под комплексом условий безопасного функционирования личности в правоотношениях, по нашему мнению, следует понимать общность гарантий безопасности, с одной стороны, опосредованных самой средой отправления (уголовно-процессуальная форма, охранительное действие норм материального права), с другой — ставших результатом охранительной деятельности.

Объект безопасности как элемент понятия безопасность во многом определяет его, а также «оказывает воздействие на формирование инструментального раздела системы безопасности» [3]. Дилемма об объекте и посвященные ему размышления сакраментальны для проработки в области безопасности, но ученые еще однозначно не объединили свои представления в этой области. Соединение научных взглядов дает возможность выделить три подхода в толковании объекта безопасности в уголовном судопроизводстве. Согласно первому объектом безопасности является лицо или обусловленная группа лиц, второму — объект представлен основными (неотъемлемыми) правами, свободами, законными интересами или сферами жизни, обеспеченными правом. Третий подход — разнотипный, т.е. соединяет суждения представителей как первой, так и второй позиции.

Представитель первого подхода А.Ю. Епихин понимает общую безопасность как «комплекс условий, обеспечивающих состояние защищенности

объекта охраны (защищаемого лица) от угрозы нападения либо фактического противоправного воздействия на него со стороны кого бы то ни было, направленных на оборону от имеющейся объективной опасности или угрозы ее появления» [3]. Рассматривая вопрос о вероятности применения этого основного понятия для определения уголовного-процессуальной безопасности, автор обеспечивает его специальным объектом — личностью.

Можно согласиться с точкой зрения А.Ю. Епихина о потребности предельного увеличения круга защищаемых лиц и взять его сторону в том, что «любой участвующий в уголовном процессе человек независимо от его процессуального положения является личностью, обладающей конституционным правом на признание и охрану его прав со стороны государства» [3]. Однако обратим внимание на то, что здесь подразумевается безопасность лишь той личности, которая напрямую участвует в уголовном процессе. В итоге получается, что близкие участникам процесса лица не могут быть объектом безопасности. Объект угрозы остается вышеуказанным — источник доказательственной информации, способный оказать воздействие на информационную среду судопроизводства, или субъект, уполномоченный на принятие процессуальных решений, т.е. участник уголовного процесса. В указанном варианте влияние выносится на психосферу участника уголовного судопроизводства, а угроза близким ему лицам является способом такого влияния. В итоге речь идет об уничтожении отрицательного воздействия именно на участников уголовного процесса, а защита их близких является средством обеспечения безопасности самих участников судопроизводства.

Учитывая все положительные стороны подхода, рекомендованного А.Ю. Епихиным, не можем всецело поддержать его точку зрения. На наш взгляд, объект соответствует пределам и цели соответствующей обеспечительной деятельности, т.е. объект безопасности не сама личность, а должные условия ее функционирования как субъекта правоотношений.

Представителем второго подхода является В.В. Войников, его суждения сводятся к тому, что объект безопасности — это «охраняемые интересы трех групп: жизнь, здоровье, имущественные права субъектов уголовного процесса; информационная среда в уголовном процессе; задачи органов предварительного расследования и суда по осуществлению правосудия» [1]. В основу дифференциации объекта безопасности на отдельные группы интересов автором взят ситуационный подход, что позволило ему по-новому взглянуть на вопросы обеспечения безопасности — обнаружить характерные обстоятельства нарушения состояния защищенности и сформировать криминалистические рекомендации по его воссозданию в каждом из них. Признавая убедительность и рациональность данного мнения, не со всеми предложенными выводами В.В. Войникова по данному вопросу можно выразить согласие. Качественный состав объекта безо-

пасности, по В.В. Войникову, образуют три блока: права участника уголовного судопроизводства, информационная среда и задачи уголовного процесса. Личность в правовом смысле — это совокупность прав, свобод и законных интересов. Таким образом, фактически В.В. Войников утверждает, что личность — это один из объектов безопасности. Оценка такому подходу дана нами выше.

Рассмотрим информационную среду и задачи уголовного процесса. На наш взгляд, влияние на информационную среду неразделимо связано с достижением задач уголовного процесса. Самостоятельное влияние на информационную среду и ее источники, даже если оно осуществлено непреднамеренно, непременно найдет свое повторение в процессе достижения задач, стоящих перед уголовным процессом. Следовательно, подчеркивание данного вида влияния на задачи уголовного судопроизводства, как вариации его информационной среды, сомнительно необходимо при определении объекта безопасности.

Третий подход к определению объекта безопасности выдвинут Е.В. Жариковым. Определяя понятие общей безопасности, он упоминает ее объекты: явления или процессы, находящиеся в состоянии полной защищенности или защищенные в определенной степени [4]. Так же, как и представители двух ранее рассмотренных подходов, автор дает понятие безопасности лиц, содействующих правосудию: «состояние отсутствия опасностей и угроз жизненно важным интересам данных лиц со стороны криминальных элементов, противодействующих правосудию, а также такая степень защищенности этих лиц, которая позволяет им беспрепятственно осуществлять свое содействие правосудию, не причиняя этим вреда своим жизненно важным интересам» [4.— С. 22].

Вместе с тем Е.В. Жариков, определяя объекты специальной безопасности, выходит за рамки констатированного им же состава объектов общей безопасности, т.к. помимо лиц (объект), содействующих правосудию, в него включены их жизненно важные интересы (характеристика объекта). Несмотря на некоторую двойственность позиции автора, следует согласиться с ним в трактовке объектов безопасности не только как участников отношений, но и как их интересов.

На наш взгляд, объект безопасности личности в уголовном процессе — это явление, определенное состояние которого позволяет говорить о степени защищенности личности, в том числе и уровне свободы реализации прав и возможности выполнять обязанности. Такой подход предоставляет возможность установить требуемую степень защищенности и критерии оценки — адекватность и соразмерность условий функционирования участника правоотношений. Таким образом, условия участия личности в уголовном процессе будут свидетельствовать о достаточной степени ее защищенности тогда, когда права и обязанности будут обеспечены механизмом их реализации, базированном на волеизъявлении, свободном от воздействия, посягающего на безопасность.

Сформировавшееся воззрение относительно объекта безопасности позволяет согласиться с М.В. Новиковой, утверждающей, что безопасность в уголовном судопроизводстве — это «состояние защищенности жизни, здоровья, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также их имущества от каких-либо посягательств и наличие возможности у указанных лиц беспрепятственно выполнять возложенные на них обязанности и реализовывать свои права в уголовном процессе» [6].

Таким образом, как это следует из размышлений и высказываний о понятии *безопасность* и множественности терминов, с ним согласованных, можно сделать несколько выводов:

- защита является одним из путей достижения безопасности;

- в словарях, посвященных трансдисциплинарным отраслям, разбираемым понятиям уделено недостаточное внимание, о чем свидетельствует небольшое количество научных терминов, включающих понятия «безопасность» и «защита»;

- в юридических словарях не в полной мере разграничены понятия защиты и безопасности личности в уголовном судопроизводстве;

- преимущественным и существенным моментом развития и материализации института безопасности личности в уголовном судопроизводстве становится генерирование, вырабатывание и формирование организационно-правовой структуры, а также инфраструктуры данного института, содержащей четко определенный понятийный инструментарий.

Обеспечить безопасность личности в уголовном судопроизводстве — значит определить важные гарантии достижения цели уголовного процесса [2]. По содержанию гарантии есть система условий, обеспечивающих удовлетворение интересов личности. Общественные отношения рассматриваются как гарантии, связанные с охраной и защитой прав личности. Только опреде-

лив гарантии безопасности нуждающегося в ней лица, следует получить сведения о происшедшем, на основе которых сделать соответствующие выводы и принять правильное процессуальное решение по делу [2].

Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве является действенным средством сопротивления преступности, наиболее опасным ее проявлениям, способом достижения цели судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войников В.В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2002. — С.12—13.
2. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — С.54.
3. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. — Сыктывкар, 2004.
4. Жариков Е.В. Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2004.
5. Иващенко Г.В. О понятии «безопасность» // Credo. — 2006. — 10 окт.
6. Новикова М.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2006.
7. О безопасности: Закон РФ от 5.03.1992 № 2446-1 (в ред. от 20.06.2008 №103-ФЗ) // Российская газета. — 1992. — №103.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1988.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Цыкова Галина Евгеньевна. Адъюнкт кафедры оперативно-разыскной деятельности. Воронежский институт МВД России. Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел.(4732)262-33-89.

Galina Yevgenievna Tsykova. Post-graduate cadet of the chair of operative and detective activity.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospekt Patriotov, 53. Tel.(4732)262-33-89.

Ключевые слова к статье: обеспечение безопасности; безопасность; безопасность личности; объект безопасности; защита; участники уголовного судопроизводства.

Key words: security; safety; personal security; security object; protection; participants of criminal legal proceedings.

УДК 343.2

Е.Н. Щеглов,
ГУ МВД России по Воронежской области

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ЛИНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

VALUE OF INFORMATION SUPPORT AT INTERACTION OF OPERATIVE DIVISIONS IN THE AREA OF TAX CRIMES IN THE COURSE OF THE PREVENTION, REVEALING AND INVESTIGATION OF TAX CRIMES

В статье рассматриваются особенности информационного обеспечения при взаимодействии оперативных подразделений по линии налоговых преступлений в процессе предупреждения, выявления и расследования налоговых преступлений. Рассмотрен вопрос о взаимодействии оперативных подразделений по линии налоговых преступлений с Федеральной налоговой службой, Федеральной службой по финансовому мониторингу организаций и другими в процессе предупреждения, выявления и расследования налоговых преступлений. На основе анализа российского законодательства, а также полученных материалов сделаны выводы о наличии основных направлений, по которым осуществляется информационное обеспечение при взаимодействии подразделений по налоговым преступлениям.

In the present article features of information support are considered at interaction of operative divisions in the area of tax crimes in the course of the prevention, revealing and investigation of tax crimes. The question on interaction of operative divisions in the area of tax crimes with Federal tax service Federal Agency of financial monitoring of the organizations and others, in the course of the prevention, revealing and investigation of tax crimes is considered. On the basis of the resulted analysis of the Russian legislation and as the received materials conclusions are drawn on presence the basic directions on which information support is carried out at interaction of divisions on tax crimes.

Эффективность выявления, раскрытия и расследования налоговых преступлений во многом обусловлена уровнем взаимодействия между оперативными подразделениями по линии налоговых преступлений, с одной стороны, и иными — с другой.

М.А. Федоткин [1] полагает, что взаимодействие — это «взаимная связь и поддержка, согласованность действий, направленных на достижение определенной цели; оно необходимо и возможно при условии общности задач. Под

взаимодействием в процессуальном смысле понимается согласованная по целям, месту, времени, основанная на законе и подзаконных актах деятельность (в пределах компетенции субъектов), направленная на полное и быстрое раскрытие преступлений, всестороннее и объективное расследование уголовного дела и розыск скрывшихся преступников».

А.П. Рыжаков, под взаимодействием понимает наиболее разумное сочетание и эффективное использование полномочий и методов рабо-

ты, присущих каждому правоохранительному органу, обусловленное различиями в их компетенции и формах деятельности, осуществляемое в одной стадии уголовного процесса и направленное на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений [2].

А.С. Семенов дает определение информационного взаимодействия налоговых органов и органов внутренних дел. По его мнению, это длительный систематический обмен информацией, который осуществляется для целей деятельности указанных органов строго определенными нормативными правовыми актами способами и в строго определенных формах при соблюдении государственной, коммерческой и налоговой тайны [3].

Учитывая указанные определения, а также анализ действующего законодательства в области информации и ведомственных нормативных актов, определяющих формы и сущность взаимодействия, мы будем придерживаться следующего понятия информационного обеспечения при взаимодействии оперативных подразделений в процессе предупреждения, выявления и расследования налоговых преступлений: это совместная деятельность оперативных подразделений по линии налоговых преступлений, субъектов уголовного преследования, государственных органов и участников налоговых правоотношений в условиях единого информационного пространства, направленная на выявление раскрытие, расследование и предупреждение налоговых преступлений.

Касаясь форм такого взаимодействия, отметим, что криминалистикой и теорией оперативно-разыскной деятельности выработаны две основные формы — процессуальные и организационные. Первые регламентируются непосредственно в уголовно-процессуальном законе (поручения следователя органу дознания о производстве процессуальных и розыскных действий, принятие органом дознания оперативно-разыскных мер по нераскрытым преступлениям; представление следователю результатов ОРД, привлечение к участию в следственном действии должностного лица органа дознания и т.д.). Организационные формы взаимодействия выработаны практикой и представляют собой различные конкретные виды связи между оперативными подразделениями по линии налоговых преступлений и другими органами и должностными лицами. Отчасти они закреплены ведомственными и межведомственными нормативными актами.

В последние годы, в связи с бурным развитием информационных технологий, значение взаимного обмена информацией в ходе взаимодействия оперативных подразделений по линии налоговых преступлений с другими участниками вышло на качественно новый уровень.

Мы придерживаемся точки зрения о том, что информационное обеспечение является со-

ставной частью как криминалистического, так и оперативно-разыскного, уголовно-процессуального обеспечения процесса выявления, раскрытия и расследования налоговых преступлений. Данный вывод следует не только из анализа правовых актов, но и поддерживается учеными. К примеру, В.П. Лавров считает, что «обеспечение расследования и судебного разбирательства можно именовать криминалистическим лишь условно, ибо по своему научному содержанию оно находится на стыке целого ряда наук, научных дисциплин — и прежде всего, на стыке криминалистики, уголовного процесса, науки управления, теории оперативно-разыскной деятельности, педагогики и психологии» [4].

В силу особой специфичности налоговых преступлений и государственной политики в указанной сфере отметим, что установленное в настоящее время отношение к лицам и организациям, уклоняющимся от уплаты налогов, вносит свои коррективы в процесс выявления и раскрытия налоговых преступлений. Остановимся именно на указанных особенностях, пытаясь оставить в стороне неоднократно рассмотренные многочисленными учеными «классические» формы взаимодействия.

Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти содержит раздел 10 «Взаимодействие федеральных органов исполнительной власти при предоставлении и получении информации» [5].

Касаясь отдельных сфер взаимодействия по линии налоговых преступлений, необходимо отметить, что основу взаимодействия между ОВД и налоговыми органами определяет закон «О полиции» и ч. 3 ст. 82 Налогового кодекса РФ (часть первая) — налоговые органы, таможенные органы и органы внутренних дел в порядке, определяемом по соглашению между ними, информируют друг друга об имеющихся у них материалах о нарушениях законодательства о налогах и сборах и налоговых преступлениях, о принятых мерах по их пресечению, о проводимых ими налоговых проверках, а также осуществляют обмен другой необходимой информацией в целях исполнения возложенных на них задач.

Совместным приказом МВД РФ № 495, ФНС РФ № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 г. «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» утверждены инструкции о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок, о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения, о порядке направления

материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления) [6].

Указанные выше инструкции определяют порядок и сроки информационного взаимодействия между налоговыми органами и органами внутренних дел, а также их взаимодействие при проведении налоговых проверок и возбуждении уголовного дела. Анализ правовых актов в сфере борьбы с налоговыми преступлениями позволяет прийти к выводам о значительных несоответствиях отдельных норм, содержащихся в них.

Так, при анализе диспозиций статей 198-199.2 УК РФ и положений инструкций, утвержденных приказом МВД РФ № 495, ФНС РФ № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 г. налицо коллизии в области проведения органами внутренних дел проверки в порядке ст. 144-146 УПК РФ. Ни уголовное, ни уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает какой-либо особый срок принятия решения о возбуждении уголовного дела по налоговому преступлению, а вышеуказанный приказ, утвердивший инструкцию №3 «О порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления», предоставляет право руководителю налогового органа сообщать в ОВД о совершении преступления в сфере уплаты налогов лишь по истечении достаточно длительного времени. Если в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога (сбора) налогоплательщик (плательщик сбора) полностью не погасил указанную в данном требовании недоимку, размеры которой позволяют предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, налоговые органы обязаны в течение 10 рабочих дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в органы внутренних дел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Материалы направляются с сопроводительным письмом за подписью руководителя (заместителя руководителя) налогового органа.

Таким образом, обязанности налогового органа незамедлительно сообщать о возможном факте совершения налогового преступления не предусматривается, что, на наш взгляд, является большим упущением законодательства и правоприменительной практики в целом. Более того, если должник уплатит все налоги в двухмесячный срок, то ОВД могут и вообще не узнать о такого рода нарушении, которое имело место, что, безусловно, сказывается на информационном обеспечении деятельности оперативных подразделений по линии налоговых преступлений. Отчасти эта

проблема решается совместным Письмом Госналогслужбы России от 10 июня 1997 г. № ВП-6-10/437 и МВД России от 6 июня 1997 г. №1/10467, «О взаимодействии органов Госналогслужбы России и органов внутренних дел» [7], где дополнительно уточнено, что начальники государственных налоговых инспекций по субъектам РФ должны ежемесячно направлять в территориальные органы внутренних дел для оперативного использования сведения о предприятиях, имеющих задолженность перед федеральным бюджетом. Однако такой информации, на наш взгляд, явно недостаточно, так как в указанную категорию не попадают физические лица и индивидуальные предприниматели.

Вызывает недоумение также тот факт, что тем же приказом, только в инструкции №1 «О порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок» указано, что при выявлении в ходе проведения выездной налоговой проверки административных правонарушений должностными лицами налоговых органов и сотрудниками органов внутренних дел (в пределах компетенции соответствующих органов или должностных лиц) возбуждается дело и осуществляется производство по делам об административных правонарушениях в соответствии с подведомственностью и в порядке, установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. А в случае выявления преступления и вынесения органом дознания, дознавателем, следователем или руководителем следственного органа постановления о возбуждении уголовного дела руководитель (заместитель руководителя) налогового органа или органа внутренних дел выносит мотивированное постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении в соответствии с пунктом 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8]. О принятом в соответствии со статьей 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации процессуальном решении орган дознания, дознаватель, следователь или руководитель следственного органа незамедлительно направляет уведомление в налоговый орган. При этом налоговому органу разъясняется право обжаловать данное решение и порядок его обжалования. На основании вышеизложенного следует, что возбудить уголовное дело по налоговому преступлению сразу при его выявлении возможно либо в случае сообщения о таковом налоговым органом в ОВД, либо при участии сотрудников ОВД в производстве налоговой проверки. Интересен тот факт, что указом Президента РФ от 14.12.1996 № 1680 «Об участии органов внутренних дел Российской Федерации в работе по

обеспечению поступлений налогов и других обязательных платежей в бюджеты»[9] установлена обязанность незамедлительно информировать налоговые органы о выявленных нарушениях налогового законодательства.

Таким образом, происходит подмена органов, уполномоченных принимать решения о дальнейшей судьбе налогоплательщика, уклонившегося от уплаты налогов, и возбуждении уголовного дела по факту совершенного преступления. Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» [10], моментом окончания преступления, предусмотренного статьей 198 или статьей 199 УК РФ, исходя из того, что в соответствии с положениями налогового законодательства срок представления налоговой декларации и сроки уплаты налога (сбора) могут не совпадать, следует считать фактическую неуплату налогов (сборов) в срок, установленный налоговым законодательством. Учитывая, что ч. 4 ст. 20 УПК РФ относит налоговые преступления к делам публичного обвинения, при наличии признаков соответствующего преступления уголовное дело должно быть возбуждено независимо от того — уплачены ли все суммы недоимки и соответствующие пени. После возбуждения уголовного дела и при наличии условия, что виновное лицо впервые совершило налоговое преступление, в соответствии с примечанием 2 к ст. 198 УК РФ уголовное дело может быть прекращено в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ. При этом основание прекращения уголовного дела является нереабилитирующим и может применяться только один раз. При повторении совершения указанных преступлений уголовное дело по данному основанию прекращению не подлежит. Вследствие этого получается, что налоговые органы могут влиять на допущение фактов многократного освобождения лиц, совершивших налоговые преступления, от уголовной ответственности, так как в информационном центре и ОВД будет отсутствовать информация о неоднократности их действий. Данное положение вещей, на наш взгляд, повлечет всплеск преступности в сфере уплаты налогов и сборов, так как позволяет «законно» избегать уголовной ответственности, что противоречит принципу неотвратимости наказания.

Еще одной выявленной нами проблемой при информационном взаимодействии налоговых органов и подразделений по налоговым преступлениям является тот факт, что оценка эффективности деятельности последних в соответствии с приказом МВД РФ №25 от 19.01.2010 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, мили-

ции общественной безопасности и органов предварительного расследования» зависит от количества выявленных и расследованных преступлений не только по статьям 198, 199, 199.1 и 199.2 Уголовного кодекса РФ, при подозрении в совершении которых, как требуют вышеназванные инструкции, налоговый орган обязан сообщить в ОВД информацию, но и от количества выявленных и предварительно расследованных преступлений, предусмотренных иными статьями Уголовного кодекса РФ: мошенничеств, связанных с незаконным возмещением НДС (части 2-4 ст. 159 УК РФ), легализации преступных доходов (174, 174¹ УК РФ), преступлений, связанных с криминальным банкротством (ст. 195, 196, 197 УК РФ) и нецелевым расходованием как бюджетных средств, так и средств государственных внебюджетных фондов. При этом следует учесть, что налоговые органы несут ответственность только за сообщение информации в органы внутренних дел о совершении четырех преступлений (ст.ст. 198—199.2 УК РФ), а информация обо всех иных выявленных правонарушениях, связанных с нарушением налогового законодательства, может так и не попасть в ОВД, что подрывает эффективность деятельности не только оперативных подразделений по линии налоговых преступлений, но и всей налоговой системы в целом.

Другим важным ведомственным актом является Порядок взаимодействия ФНС и МВД по представлению сведений, содержащихся в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) и Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) в электронном виде [11]. Предусмотрено, что подразделения федеральной налоговой службы ежемесячно в течение пяти рабочих дней с начала месяца представляет в электронном виде сведения в соответствующий орган внутренних дел субъекта Российской Федерации. Эти сведения соответствуют внесенным в ЕГРЮЛ и ЕГРИП записям о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях. Обмен информацией осуществляется по каналам связи в режиме электронной почты. В случае отсутствия необходимого оборудования или программного обеспечения сведения направляются в виде выписок на бумажном носителе в качестве почтового отправления. Однако форма и содержание передаваемой информации в достаточной степени не регламентированы.

Таким образом, налоговые органы, с одной стороны, призваны бороться с нарушениями законодательства в области налоговых правоотношений, но с другой — имеют к этому, на наш взгляд, опосредованное отношение и их участие в деятельности правоохранительных органов регламентировано недостаточно.

Помимо налоговых органов оперативные подразделения по линии налоговых преступлений активно взаимодействуют в плане обмена информацией с иными органами исполнительной власти, однако такой обмен регламентирован, на наш взгляд, не в полной мере. Достаточно новым видом информационного взаимодействия в деятельности оперативных подразделений по налоговым преступлениям является взаимодействие с Росфинмониторингом. Согласно Положению о Федеральной службе по финансовому мониторингу, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 23 июня 2004 г. № 307 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу» [12], Росфинмониторинг является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, координирующим деятельность в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти, в том числе и правоохранительных.

Отметим, что Федеральная служба по финансовому мониторингу обязана направлять информацию в правоохранительные органы при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о том, что операция (сделка) связана с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием терроризма, а также представляет соответствующую информацию по запросам правоохранительных органов в соответствии с федеральными законами. Обращаясь к качественному составу информации, необходимо отметить, что в обязанности службы входит сбор, обработка и анализ информации об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих контролю в соответствии с федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а также формирование и ведение федеральной базы данных, обеспечение методологического единства и согласованного функционирования информационных систем и создание единой информационной системы в установленной сфере деятельности.

К сожалению, прямого доступа и у сотрудников оперативных подразделений по линии налоговых преступлений к указанным базам данных и информационной системе нет, только лишь путем направления соответствующих письменных запросов. Территориальные органы федеральной службы по финансовому мониторингу организуют по поручениям федеральной службы по финансовому мониторингу сопровождение материалов, переданных в установленном порядке в правоохранительные органы, действующие на территории федерального округа, что обеспечивает, на

наш взгляд, достаточно качественный уровень информационного взаимодействия.

Еще одной особенностью информационного взаимодействия между рассматриваемыми субъектами по линии борьбы с налоговыми преступлениями является тот факт, что зачастую ОВД могут получить конфиденциальные сведения, в том числе составляющие государственную, служебную, банковскую, налоговую, коммерческую тайну, тайну связи, сразу в совокупности, минуя кредитные, налоговые и иные органы, что, безусловно, сокращает время на последующую обработку и анализ такой информации. После попадания такой информации в ОВД она приобретает статус служебной тайны и обязана также охраняться и защищаться.

Особый интерес вызывает тот факт, что Росфинмониторинг осуществляет сбор, хранение и обработку информации о довольно специфических операциях и организациях. Так, постановление Правительства РФ от 18.01.2003 №28 «Об утверждении Положения о постановке на учет в Федеральной службе по финансовому мониторингу организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы» [13] закрепляет следующий перечень:

- а) лизинговые компании;
- б) ломбарды;
- в) организации, содержащие тотализаторы и букмекерские конторы, а также организующие и (или) проводящие лотереи, тотализаторы (взаимное пари) и иные основанные на риске игры, в том числе в электронной форме;
- г) операторы по приему платежей;
- д) организации, оказывающие посреднические услуги при осуществлении сделок купли-продажи недвижимого имущества;
- е) коммерческие организации, заключающие договоры финансирования под уступку денежного требования в качестве финансовых агентов.

Более того, Росфинмониторинг в соответствии с постановлением Правительства РФ от 14.06.2002 № 425 «Об утверждении Положения о предоставлении информации и документов Федеральной службе по финансовому мониторингу органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления» [14] имеет более упрощенный доступ к сведениям указанных органов. В статье 4 закреплено, что органы государственной власти и органы местного самоуправления обеспечивают службе доступ к своим базам данных в целях получения информации в объеме, необходимом для осуществления возложенных на службу функций.

Обращаясь к взаимодействию оперативных подразделений по линии налоговых преступлений

с коммерческими и кредитными организациями, необходимо остановиться на следующих моментах. Так, в соответствии с федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [15] справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией органам внутренних дел при осуществлении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений. Однако тем же законом установлено, что справки по счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, только при наличии согласия руководителя следственного органа, про оперативные подразделения в данном положении ничего не сказано, что является пробелом законодательства, подлежащим исправлению.

Касаясь информационного взаимодействия с иностранными государствами по линии экономических и в том числе налоговых преступлений (при регистрации компании на территории иностранного государства, в том числе и в оффшорной зоне), следует отметить, что совместным приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 утверждена инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола [16], где установлен следующий порядок такого взаимодействия. В процессе проверки зарегистрированных сообщений и иной информации о преступлениях и правонарушениях в сфере экономики, а также в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, дознания или предварительного следствия по преступлениям экономической направленности через НЦБ Интерпола может быть получена следующая информация:

- а) официальные наименования юридических лиц, зарегистрированных за рубежом;
- б) их юридический адрес, номер, дата регистрации;
- в) фамилии и имена физических лиц — руководителей (в отдельных случаях — учредителей, акционеров);
- г) направление деятельности;
- д) размеры уставного капитала;
- е) сведения криминального характера о деятельности юридических и физических лиц.

Для получения указанной информации взаимодействующие органы направляют в НЦБ Интерпола и его филиалы соответствующие запросы о проверке для передачи их по каналам Интерпола правоохранительным органам иностранных государств.

Таким образом, останавливаясь на итогах, следует отметить, что информационное обеспе-

чение при взаимодействии оперативных подразделений в процессе предупреждения, выявления и расследования налоговых преступлений — это совместная деятельность оперативных подразделений по линии налоговых преступлений, субъектов уголовного преследования, государственных органов и участников налоговых правоотношений в условиях единого информационного пространства, направленная на выявление, раскрытие, расследование и предупреждение налоговых преступлений.

Порядок информационного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, в том числе с использованием информационных технологий, нуждается в корректировке в части того, что соответствующие нормы сформулированы предельно обще и не учитывают возникающую в практике взаимодействия федеральных органов необходимость срочного получения информации, а также конкретный порядок передачи информации по коммуникационным каналам связи.

В сфере взаимодействия органов внутренних дел с налоговыми органами имеются значительные законодательные пробелы в области разнящихся критериев оценки работы, порядка сообщения друг другу информации о налоговых правонарушениях, что в итоге, на наш взгляд, подрывает налоговую политику государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоткин М.А. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания // Вестник Моск. ун-та. — М.: Моск. ун-т, 1996. — № 4. — С. 93—101.
2. Рыжаков А.П. Предварительное расследование. — Тула, 1996. — 121.
3. Семенов А.С. О некоторых вопросах развития электронной системы взаимодействия органов внутренних дел и Федеральной налоговой службы // Налоги и налогообложение. — 2009. — № 6.
4. Лавров В.П. Криминалистическое обеспечение расследования как задача криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. — М., 2004.
5. О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 19.01.2005 № 30 (ред. от 30.11.2009) // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 29.06.2010).
6. Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений: совместный приказ МВД РФ № 495, ФНС РФ № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 29.06.2010).
7. О взаимодействии органов Госналогслужбы России и органов внутренних дел: письмо

Госналогслужбы РФ от 10.06.1997 № ВП-6-10/437, МВД РФ от 06.06.1997 № 1/10467 // Налоговый вестник. — № 8. — 1997.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 29.06.2010).

9. Собрание законодательства РФ. — № 51. — Ст. 5768.

10. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 // Российская газета. — 2006. — 31 дек.

11. Приказ МНС России и МВД России от 8 июля 2004 г. № САЭ-3-09/416/419 // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 20.06.2010).

12. Об утверждении Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу: постановление Правительства РФ от 23.06.2004 № 307 (ред. от 08.08.2009) // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 29.06.2010).

13. Об утверждении Положения о постановке на учет в Федеральной службе по финансовому мониторингу организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным

имуществом, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы: Постановление Правительства РФ от 18.01.2003 № 28 (ред. от 04.03.2010) // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 29.06.2010).

14. Об утверждении Положения о предоставлении информации и документов Федеральной службе по финансовому мониторингу органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления: Постановление Правительства РФ от 14.06.2002 № 425 // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 25. — Ст. 2457.

15. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 15.02.2010, с изм. от 08.05.2010) // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 29.06.2010).

16. Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2006. — № 47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Щеглов Евгений Николаевич. Старший оперуполномоченный оперативно-разыскной части по экономической безопасности и противодействию коррупции №4 (по налоговым преступлениям).

ГУ МВД России по Воронежской области.

E-mail: agat.2005@rambler.ru

Тел. 8-920-416-61-19.

Shcheglov Evgeniy Nikolaevich.

Senior O/Y promotly-search part on economic safety and corruption counteractions N4 (on tax crimes).

The Main Department of the Ministry of the Interior of Russia across the Voronezh region.

Ключевые слова к статье: информационное обеспечение и взаимодействие; формы взаимодействия; элементы взаимодействия; информация открытого доступа; информация ограниченного доступа; тайна частной жизни лица; коммерческая тайна; профессиональная тайна; служебная тайна; налоговая тайна; государственная тайна.

Key words: information support and interaction; interaction forms; interaction elements; the information of open access; the information of the limited access; secret of private life of the person; a trade secret; professional secret; office secret tax secret; the state secret.

ББК 67.99(2)